

СКАЗКИ, РАЗСКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ

КРЕСТЬЯНЪ

СЪВЕРНАГО КРАЯ.

Составилъ А. Е. Бурцевъ.

— — — — —

КР III-1305458

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

1897.

СКАЗКИ, РАЗСКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ

КРЕСТЬЯНЪ СЪВЕРНАГО КРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ,

Сказки, рассказы и легенды крестьянъ сѣверного края.

Подъ этимъ заглавиемъ здѣсь помѣщено мною 48 различныхъ сказокъ и проч., изъ нихъ иѣкоторыя сказки собраны и записаны мною лично въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Ярославской, въ бытность мою на сѣверѣ, лѣтомъ 1892—1893 г., а иѣкоторыя изъ нихъ доставлены были миѣ пріятелемъ моимъ Н. Л. (изъ г. Кадникова, Вологодск. губ.), которому не могу не принести моей искренней благодарности.

Лучшими изъ помѣщенныхъ здѣсь сказокъ можно считать слѣдующіе №№—16) Какъ иономарь отдалъ свою иономарицу замужъ; 42) Сказка объ Алешѣ Голонузомъ; 3) Сказка о работнике и чертѣ; 35) и затѣмъ Сказка о трехъ Королевичахъ; 36) о Иванѣ богатырѣ и его прекрасной супругѣ Сиѣтланѣ и 39) Исторія о Франциѣ Венціанѣ.

Эти поименованныя сказки книжного происхожденія и взяты изъ лубочныхъ изданий разныхъ годовъ единственно по уваженію къ тѣмъ особенностямъ въ ихъ содержаніи, какими они отличаются отъ подобныхъ же сказокъ записанныхъ прямо со словъ народа.

Затѣмъ сказки за №№ 1—какъ тоили брата дурака; 2) О работнике и чортѣ; 3) Пьяница; 23) Хитрость лѣнивой бабы; 29) О женѣ—дурѣ; 40) Ангелъ Божій и прохожий; 26) О баринѣ и лакеѣ; 10) Глупая баба; 44) Сказка какъ старикъ богатый избѣсился — на молодой Дарьѣ женился, какъ Дарья имъ мудрила—себѣ обновѣ, накушила, бороду ему оципала, старая кости потрепала, и какъ его похоронила—молодого мужа нажила; 45) Сказка о томъ какъ приказчики хозяевамъ угоождаются—рубли за сапогъ опускаютъ, а гривны въ ящики оставляютъ; на хозяйствія деньги лавки открываютъ и сами ужъ приказчиковъ наин-

маютъ—и некоторые другія, всѣ эти записаны мною лично въ губерніяхъ: Олонецкой, Ярославской и Вологодской. Въ послѣднѣй, въ районѣ Кадниковскаго уѣзда, въ дер.: Слобода, Зарѣчье, Филево, Подъельнѣе, Фалалѣво, Оларево, Коржа, Фофанцово и Лисья Гора.

Кромѣ того нѣсколько сказокъ заимствовано изъ собраний Н. А. Иваницкаго, которая помѣщены въ изѣстіяхъ Императорскаго Общества естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскому Университетѣ. (См. сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населения въ Россіи.—Матеріали по этнографіи Вологодской губерніи).

Что касается остальныхъ сказокъ, то я почесть болѣе удобнымъ всѣ ихъ сравнить, привѣрить по собранію Н. А. Иваницкаго, глубокаго знатока этнографіи Вологодской губ., которому принадлежитъ богатое собраніе Вологодскихъ сказокъ.

Далѣе помѣщенные сказки за слѣдующими №№: 16) Кацъ иономарь отдалъ свою иономарину замужъ; 18) Маленькой дѣтишкѣ зелененькой; 15) Невѣрная жена; 20) Илья Муромецъ, 41) Судья Божья, 43) Два брата или Судья,—эти сказки заимствованы изъ собранія сказокъ А. Пустыкова, которая уже были помѣщены въ сборнике: * Жизней старинъ за 1895 годъ.

Сказки за №№—22) Какъ мужикъ ходилъ къ солнцу, 24) Игрунь—Смѣльчакъ сынъ, 23) Сказка о царскомъ сыне, 6) Старицъ и старуха,—эти четыре сказки заимствованы отъ Н. Харузина (см. книгу „Русскіе ляпари въ Архангельской губ.“, стр. 464).

Сказка № 46—о мужикѣ воинѣ—записана отъ кр. дер. Ранней горы, Филимоновской вол.—Анфима Савельева П. Н. Рыбниковымъ и была напечатана въ его сборникѣ (см. стр. 202).

Сказки за №№—42) Объ Олеинѣ Голопузомъ и 5) О солдатѣ и смерти—записаны В. Нименскимъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, и были напечатаны Н. Барсовымъ въ Прич. Сѣвер. Края, стр. 295.

Сказки за №№—14) О Петрѣ и Иванѣ, 4) О баринѣ покойнику и кучерѣ Иванѣ записаны Ю. Семеновымъ, и были напечатаны въ сборн. по этнографіи, стр. 138-я.

Сказка № 7—Приданое дочери отъ отца и десяти братьевъ,—эта сказка записана отъ Ирины Андреевны Федосовой О. Х. Славянской (см. описание русской крестьянской свадьбы, стр. 195-я).

Сказка за № 21—Дурень заимствована изъ древнихъ российскихъ стихотворений Кирши Данилова, стр. 390-я.

Затѣмъ нѣкоторыя сказки взяты изъ губернскихъ вѣдомостей помянутыхъ 4-хъ губ., т. е. Архангел., Волог., Олонецкой и Ярославской.

Необходимыя объясненія и замѣтки будутъ мною сообщены въ слѣдующей части, которой и закончится настоящее изданіе.

Александръ Бурцевъ.

С.-Петербургъ.
10 Ноября 1896 года.

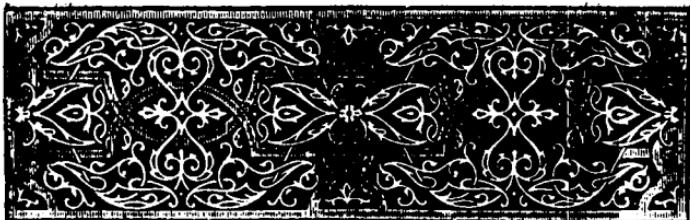
ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. Сказка о томъ, какъ зонили брата дурака	1.
2. Сказка о работникѣ и чортѣ	3.
3. О блужденіи души	7.
4. Сказка о баринѣ покойникѣ и кучерѣ Иванѣ . .	9.
5. Сказка о солдатѣ и смерти	12.
6. Стариkъ и старуха	19.
7. Приданое дочери отъ отца и десяти братьевъ . .	22.
8. Иванко-Медведко	25.
9. Набитой дуракъ	30.
10. Глупая баба	32.
11. Беззаботная жена	33.
12. Безнамятный зять	35.
13. Глупый народъ	36.
14. Сказка о Петрѣ и Иванѣ	39.
15. Невѣрная жена	45.
16. Какъ иономарѣ отдалъ свою иономарину замужъ .	52.
17. ѡома Берениковъ	62.
18. Маленькой дѣтинушкѣ, зелененькой	67.
19. Два брата и сестра	74.
20. Илья Муромецъ	86.
21. Дурені	91.
22. Какъ мужикъ ходилъ къ солнцу	101.
23. Сказка о царскомъ сыне	107.
24. Игрунь-смѣльчакъ сынъ	113.
25. Сказка о баринѣ и лакеѣ	125.
27. Пьяница	128.
28. Хитрость лѣпивой бабы	130.
29. О женѣ дурѣ	131.
30. Два брата	133.
31. Рогозѣй Ванька	135.
32. Котъ въ сапогахъ	164.
33. О Иванѣ царевичѣ, Жарьѣ птицѣ и сѣромъ волкѣ	191.

34. Сказка о семи Симеонахъ роднѣхъ братьяхъ	213.
35. Сказка о трехъ королевицахъ	226.
36. Сказка о Иванѣ богатырѣ и его прекрасной супругѣ Свѣтланѣ	243.
37. О приключеніяхъ Англійскаго Милорда Георга .	264.
38. Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра вели- каго отъ смерти	292.
39. Исторія о Французѣ Венціанѣ	320.
40. Ангелъ Божій и прохожій	348.
41. Судья Божія	349.
42. Сказка объ Олеинѣ голопузомъ	352.
43. Два брата или судья	365.
44. Сказка какъ старикъ богатый вѣбѣлся на моло- дой Дарье женился, какъ Дарья имъ мудрила, се- бѣ обновь наѣшила, бороду ему оцищала, старыя кости потренала, и какъ его похоронила, молодого мужа наѣшила	370.
45. Сказка о томъ, какъ приказчики хозяевамъ уго- даютъ, рубли за саногъ опускаютъ, а гривины въ япичѣ оставляютъ: на хозяйскія деньги лавки от- крываютъ и сами ужъ приказчиковъ нападаютъ .	373.
46. Сказка о мужикѣ воинѣ	376.

СКАЗКИ, РАЗСКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ

КРЕСТЬЯНИН СВЕРНЯТОГО КРАЯ.

I.

Сказка о томъ, какъ топили брата дурака.

были три брата: два умныхъ, а третій дуракъ. Надоѣль дуракъ своимъ умнымъ братьямъ; они взяли его, сунули въ кожаный мѣшокъ и везутъ на озеро тоинть. Только на дорогѣ остановились у одного кабака и вошли туда. Пока умные были въ кабакѣ, дуракъ мечется въ мѣшокѣ и кричитъ: „Боже мой, Боже мой, что мнѣ дѣлать: меня хотятъ сдѣлать царемъ, а я не умѣю ни писать, ни читать!“ Въ то самое время какой-то купецъ гналъ мимо стадо коровъ и овецъ. Услышавъ онъ, какъ кричить дуракъ въ мѣшокѣ, подошелъ онъ къ нему и говоритъ: „молчи, мужикъ, молчи, вылезай изъ мѣшка! пойду я за тебѣ: я

умью и писать, и читать!“ Развязалъ купецъ мѣнокъ. Дуракъ тотчасъ выскочилъ, а купецъ затѣзъ въ мѣнокъ. Дуракъ завязалъ мѣнокъ, и самъ ушелъ вмѣсто купца. А купецъ въ мѣнокѣ ужъ не кричитъ, а лежитъ тихохонько: думаетъ все о великой чести царю. Наконецъ вышли умные братья изъ кабака и побѣхали своею дорогою—позвезли мѣнокъ на озеро и утонили. Прѣхали они домой и вотъ видятъ третій ихъ братъ живъ и невредимъ, и пригоняется домой цѣлое стадо скота и овецъ. И спрашиваютъ его старшіе братья: „откуда ты все это взялъ?“ А онъ говоритъ: „я выгналь этотъ скотъ изъ озера и захватилъ, сколько могъ; еслибъ вы меня забросили гдѣ погибже, то я выгналь бы еще и побольше этого“. „Что это такое!“ подумали братья: вѣдь если онъ, дуракъ, могъ выгнать изъ озера столько скота, такъ сколько-же, мы, умныя, выгонимъ, если насть бросить въ озеро? Подумали, подумали они и говорятъ дураку: „брать, сунь насть въ мѣнокъ, возьми на озеро и потопи насть въ самомъ глубокомъ мѣстѣ!“ Ладно. Дуракъ взять своихъ братьевъ, сунулъ каждого въ особый мѣнокъ и повезъ на озеро..... Довезъ онъ ихъ до озера и сѣдалъ прорубь посреди самого озера. Взять онъ одного брата и

бросить въ прорубь. Тотъ опустился на дно, только вода забуркала на томъ мѣстѣ. А другой братъ въ мѣнѣ слышитъ, какъ вода бурлитъ, и спрашиваетъ: „что онъ говоритъ?“—„Охъ, онъ ужъ гонитъ скотъ“, отвѣтствуетъ дуракъ. „Брось меня поскорѣе тоже въ воду; не захватиъ-бы онъ тамъ и моей доли!“ Ну, забросилъ дуракъ и другого брата въ прорубь, и тотъ буркая пошелъ ко дну. Затѣмъ уже дуракъ побѣжалъ домой и съ тѣхъ поръ стала жить да ноживать единственнымъ хозяиномъ на своей отцовской землѣ.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

II.

Сказка о работнике и чортѣ.

Днажды какой-то мужикъ наился у чорта въ работники. Въ первый день службы оба, мужикъ—работникъ и чортъ, понесли въ лѣсъ за дровами. Чортъ сказалъ работнику: „возьми съ собою мой топоръ“. А топоръ бытъ очень тяжелъ и работникъ его не смогъ-бы поднять; онъ и не поднялъ къ топору, а сказалъ: „развѣ

мы дѣти, на что намъ топоръ? Подойдемъ къ любому дереву, да и вырвемъ его съ корнемъ!“ Хорошо. Подошли они оба къ коренастому дубу, и чортъ говоритъ работнику: „ну—ка, вырывай!“ А работникъ отвѣтаетъ: „коли я примусь то дубъ раскрошился, и будетъ труднѣе нести его домой. Вырывайте вы, баринъ!“ Чортъ схватился за дубъ и вырвалъ его съ корнемъ. Вырвавъ, онъ сказалъ работнику: „возьмись ты за тонкій конецъ, а я возьмусь за толстый, и понесемъ дубъ домой.“ „Нетъ, баринъ, я возьмусь за толстый конецъ, а вы возьмитесь за тонкій, но только съ такимъ уговоромъ: кто оглянется назадъ, у того оба глаза вонъ!“ Ладно. Чортъ взялся за тонкій конецъ, а работникъ сѣлъ на толстый—пускай чортъ его тащить домой. Прыгнувшись чортъ домой дерево, встряхнулся и утеръ себѣ потъ съ лица. А работникъ его сирашивается: „никакъ у васъ потъ? У меня, какъ видите, лицо совсѣмъ мокро.“ Позвать чортъ работника погулять. Донесли они оба до одного ичельника. Увидѣвъ чортъ уши и спросилъ: „Что это такое?“ А работникъ отвѣтилъ: „Это, мои отцовскія табакерки.“ Чортъ снова спросилъ, „а можно немножко попюхать изъ нихъ?—Мой отецъ съ одного раза вынюхиваетъ цѣлую табакерку,“ отвѣтъ работ-

никъ. Сталь чортъ илюхать. Ичелы заползли ему въ носъ. Чортъ сталь весь міръ проклинать: „чтобъ его, какой у твоего отца крѣпкій табакъ!“

Понимли они дальше и начали на пашнѣ жегловную борону. Чортъ спрашиваетъ: „что это такое?“ А работникъ отвѣчаетъ: „это мой отцовскій гребенокъ“. Попробовалъ и чортъ почесать этимъ гребенкомъ свою голову, но разодралъ только кожу, и сталь весь міръ проклинать: „чтобъ его, какой у твоего отца крѣпкій гребенокъ!“

Понимли они дальше. У чорта было съ собой претяжелый молотокъ. Работникъ никакъ не могъ поднять этотъ молотокъ. Схватилъ его чортъ и вынырнуль въ воздухъ, такъ что онъ взлетѣлъ вверхъ на цѣлую версту. Сдѣлавъ это, чортъ спросить своего работника: „сможешь ли ты вынырнуть такъ высоко?“ Работникъ посмотрѣть на небо и сказалъ: „если-бы оно (небо) было открыто, то я подбросилъ-бы такъ высоко, что молотокъ вовсе не возвратился-бы.“ Чортъ вскрикнулъ: „это недѣлай, работникъ! Это мой отцовскій молотокъ!“

Понимли они дальше. Вдругъ чорту захотѣлось покидать отца работника. Но вотъ на дорогѣ они начали заряженное ружье. Чортъ спросить: „что это такое?“ А ра-

ботникъ отвѣчать „это моя отцовская трубка.“ Чортъ спросить: „могно покурить изъ нея?“ — „Мой отецъ однімъ разомъ вытягивалъ всю трубку“. Чортъ взять конецъ ствола въ ротъ, а работнику пришлось огонь подложить къ другому концу. Приложилъ работнику огонь, и, ружье выстрѣлило, а чортъ отплевываясь и сказавъ: „какой у твоего отца крѣпкій табакъ!“

Ноили они дальше и вдругъ видяты лежитъ болыной медведицъ. Чортъ спросить: „это твой отецъ, что-ли?“ А работникъ отвѣчаетъ: „неѣть, это мой дѣдуника, отецъ мой гораздо болыне. Подойдите къ нему баринъ, и ударьте его по задницѣ; онъ тогда встанетъ“. Подонять къ медведицо чортъ и ударить его по задницѣ. Вскочила медведицъ и разорвали чорта. А работнику достались все чортовы деньги.

Лично мною записано въ Волог. губ.

III.

О блуждении души*).

Касли однажды два настуха скотъ. Они жили въ ладахъ и говорились, что-бы понерембънио насти скотъ: одинъ будеть насти, а другой снать. Одинъ изъ нихъ легъ и скорехонько заснуль. Другой шель мимо его и видитъ: изо рта товарища выползла рыжеватая мышь не больше сверчка и побѣжала. Захотѣлось ему узнать что это за мышь. Онъ оставилъ скотъ и побѣжалъ за ней. Мышь бѣгала по горамъ и долинамъ, но лѣсамъ и полямъ, и наконецъ забѣжала въ большое болото. Въ болотѣ стояла большій, высокій пень (онъ бытъ разбитъ молнией и въ срединѣ его было дупло). Мышь вѣзла на пень и спустилась въ дупло, а настухъ стонгъ и дожидается: хочетъ узнать, что изъ всего этого выйдетъ. Немного спустя мышь выбѣгаешь изъ пня и тѣмъ же путемъ обратно. Прибѣжала она къ сиящему и вползла въ ротъ. Товарищъ разбудилъ его теперь и спрашиваетъ: „что ты видѣть во снѣ?“ Тотъ ему отвѣчаетъ: я ходить по

*.) См. сборн. матер. по этнограф. стр. 135.

горамъ, долинамъ, по лѣсамъ, полямъ и болотамъ; наконецъ подѣзъ я на высокую башню и видѣлъ я много денегъ. Но почему ты меня обѣ этомъ спрашиваешь?“ Товарицъ ему рассказалъ, какъ изъ его рта выбѣжала мышица, куда она бѣгала и какъ она вновь обратно въ его ротъ.

Пастухи послушались и пошли къ пию; одинъ изъ нихъ вѣзъ въ него и написалъ въ самомъ дѣлѣ много денегъ. Они побѣжали домой за топорами, мѣщаками и лопатами; прїѣхали, раскололи дѣнь и все деньги перевезли домой. Вскорѣ послѣ того и болото высохло.

Оба пастуха раздѣлили между собою деньги поровну, жили богато и дружно и живутъ еще синѣ. Они рассказали это бабушкѣ, и та сказала, что мышица — была душа пастуха.

IV.

Сказка о баринѣ — покойнике и кучерѣ
Иванѣ.

Былъ — былъ женатый баринъ. Только баринъ этотъ находился въ связи съ чортомъ. Былъ у него кучеръ, красивый малый; звали его Иваномъ. Жили они, жили, и наконецъ баринъ этотъ умеръ. Влюбился Иванъ въ свою красивую барыню — вдову. Она и не прочь выйти за него замужъ, только говорить ему: „хорошо! ступай въ погребъ, гдѣ лежитъ покойный баринъ, да проси подѣлъ него въ гробу три ночи сряду. Козы сѣѣлаешь это — пойду за тебя и сѣѣлаю тебя бариномъ. Хорошо. Иванъ тотчасъ заказываетъ мѣднику рубаху изъ бляхъ, надѣваетъ ее, идетъ подъ вечеръ въ погребъ и ложится подѣлъ покойника — барина въ гробъ. Синть онъ, синть, — но только вдругъ къ полуночи баринъ подымается изъ гроба. Что-же теперь дѣлать Ивану? Онъ подымается тоже. „Что, Иванъ, ты тоже умеръ?“ спрашиваетъ его баринъ. — „Да, я тоже умеръ“, отвѣчаетъ Иванъ. „А ты не вренишь?“ — „Коли баринъ не вѣрите

попупайте мое тѣло“. Попупалъ баринъ рубаху изъ бляхъ, напечь, что тѣло дѣйствительно холодно, и повѣрилъ. „Куда пойдемъ?“ Условились идти въ домъ барина. Попили они вдвоемъ въ домъ, перебывали во всѣхъ палатахъ, перекидали, переломали все, что ни попалось имъ въ руки, и пошли обратно въ погребъ; баринъ и говорить Ивану: „ложись ты, Иванъ, первый въ гробъ“. А Иванъ откѣвивается: „игѣть, баринъ, при жизни я за вами слѣдовала, хочу и мертвымъ за вами“. Цѣлатъ нечего; ложится баринъ сперва въ гробъ, а потомъ и Иванъ.

Въ другую ночь случилось тоже; къ полуночи баринъ подымается изъ гроба,— Иванъ тоже. Условились на этотъ разъ идти вдвоемъ по полямъ. Обходили, перепортили все поля и вернулись опять въ гробъ. Опять начали они спорить, кому первымъ ложиться, и опять Иванъ настоятель на томъ, что-бы какъ при жизни, такъ и здѣсь слѣдоватъ за бариномъ.

Въ третью ночь точно также; подымается изъ гроба баринъ, подымается и Иванъ. Положили они на этотъ разъ посѣтить скотъ въ скотномъ дворѣ и лошадей въ конюшнѣ. На дорогѣ туда баринъ и говорить: „кто-бы подумалъ, что подъ порогомъ конюшни столь много денегъ, и какъ

легко ихъ достать“. — Побывали они въ хлѣбѣ и конюшнѣ, передушили много скота и лошадей и пошли назадъ въ погребъ. Въ погребѣ баринъ и говорить: „если-бы только одинъ живой человѣкъ постучалъ колѣнами на моемъ гробу и сказалъ-бы; „Боже отець, Боже сынъ,—спи спокойно!“ то не могъ-бы я больше вставать.. И денегъ тѣхъ, тотъ человѣкъ могъ-бы достать себѣ изъ подъ порога. Но хорошо, что мы оба мертвы — никто не будетъ знать этого“. Но вотъ запорили они опять, кому первымъ лечь въ гробъ. Иванъ все стоялъ на томъ, что онъ при жизни барина стѣдовала за нимъ, и хочетъ и мертвымъ услужить ему. (Боялся Иванъ, чтобы баринъ его не задушилъ). Спорили они, спорили, пока наконецъ не занѣгъ иѣтухъ. Какъ усмѣялся баринъ иѣніе иѣтуха, онъ тотчасъ бросился въ гробъ, а Иванъ немедленно вскочилъ на гробъ, пристукнулъ три раза колѣнами и сказалъ: „Боже отець, Боже сынъ,—спи спокойно!“ Не поднялся болѣе баринъ изъ гроба; только еще успѣть сказать: „если-бы я зналъ, что ты живъ, я растерпъ бы тебя въ прахъ“. Затѣмъ Иванъ пошелъ домой, женился на баринѣ—вдовѣ, выкональ деньги изъ подъ порога конюшни, и жилъ себѣ какъ баринъ.

V.

Сказка о Солдатѣ и Смерти *).

Въ одномъ Государствѣ жилъ быль славный и сильный король; у него было очень много воіска и онъ сильно полюбилъ одного солдата, который служилъ ему вѣрою и правдою и быть главнымъ его конюхомъ. Прошло срочное время, отслужилъ солдатъ службу королю и стать проситься у короля на родину съ родными повидаться. Сначала было король не спускать его, но потомъ согласился, надѣлить его златомъ-срѣбромъ и отпустить его на вѣсъ четыре стороны. Вотъ получивъ солдатъ отставку и попечь съ товарицами прощаться, а товарищи и говорять ему: исужь-ли на простирахъ-то не поднесешь, а прежде вѣдь мы хорошо жили. Вотъ солдатъ и начать подносить своимъ товарицамъ, подносить-подносить, глядь а денегъ-то осталось у него только пять пятаковъ. Вотъ идетъ пани солдатъ, близко-ли далеко-ли, видитъ стоять въ сторонѣ кабачекъ,—зашелъ солдатъ въ кабачекъ на ко-

*) Барсовъ, прич. сѣвер. края, стр. 295.

пѣйку выпить, на гроши закусить и пониель
далъе. Подошель эдакъ не много, встрѣ-
тилась ему старуха и стала милостину
просить, солдатъ и подалъ ей пятачъ. По-
дошель оиять немного, смотритъ: а та же
старуха опять идетъ на встречу и просить
милостину; солдатъ подалъ другой пятачъ,
а самъ и дивуется, какъ это старуха оиять
очутилась напереди, межъ тѣмъ, какъ не
видѣть, чтобы она прошла мимо его. Смот-
ритъ, а старуха оиять напереди и просить
милостину; солдатъ и третій пятачъ подалъ.
Подошель оиять эдакъ съ версту смотритъ,
а старуха опять напереди и просить мило-
стину; разозлился солдатъ, нестеригло ре-
тивое, выдернуль тесакъ да и хотѣль было
разкропить ей голову, и только лишь замах-
нулся, старуха бросила къ его ногамъ ко-
томку и скрылась. Взяль солдатъ котомку,
посмотрѣль-посмотрѣль да и говорить; куда
мигъ съ этой дрянью? У меня и своей до-
вольно! и хотѣль было ужъ бросить, —вдругъ
откуда не возьмись, явился предъ нимъ,
какъ изъ земли два молодца и говорятъ ему:
что вамъ угодно? Солдатъ осталбенѣть отъ
удивленія и ничего немогъ имъ сказать; онъ
думалъ, что это привиденіе да и закричалъ:
что вамъ отъ меня надобно? Одинъ изъ
нихъ-неголь собой, подошель поближе къ

служивому и говорить: мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а воть этой волшебной сумочки, и если тебе что нужно, приказывай, я все сдѣлаю! Солдатъ думать, что это всѣ ему грезится, проторъ глаза, рѣшился спрбовать да и говорить: если ты говоришь правду, то я приказываю тебѣ, чтобы сейчасъ же была койка, столь, закуска, водка и трубка съ табакомъ! Не уснѣть солдатъ еще и окончить, а ужъ всѣ и явилось, какъ будто съ неба упало. Выпилъ солдатъ, закусилъ, повалился на койку и закурилъ трубку. Попечать онъ такъ довольно времени, потомъ махнуть котомочкой и, когда явился лакей (служитель котомочки), солдатъ и говорить: „а долго ли я буду здѣсь лежать на этой койкѣ и курить табакъ?“ „Сколько угодно, сказалъ лакей“; — „Ну, такъ обери всѣ, сказалъ солдатъ и пошелъ дальше. Вотъ ишелъ онъ, постѣ этого, близко ли — далеко ли, и пришелъ къ вечеру въ одну усадьбу и тутъ славный барской домъ, да баринъ въ этомъ дому не жить, а жить въ другомъ,—въ хорошемъ-то дому черти вошлисы. Вотъ и стала солдатъ спрашивать у мужиковъ спрашивать: „гдѣ баринъ живеть“. — А мужики и говорятъ: „да что тебѣ въ нашемъ баринѣ?“ — „Да почевать бы надо попроситься!“ — „Ну, говорятъ мужики: толь-

ко поди, такъ опь ужъ отправитъ тебя чертамъ на обѣдъ!“— „Ничего, говорить солдатъ: и съ чертями раздѣлаться можно, а это въ сторону, а скажите, гдѣ баринъ-то живеть?“— Мужики показали барскій домъ и солдатъ пошелъ къ нему; а какъ пришелъ къ барину и сталъ у него почевать проситься. Баринъ и говоритъ: „пустить-то я, пожалуй, и ищу, да только у меня тамъ не тихо!“— „Ничего, говорить солдатъ! Вотъ баринъ и новель солдата въ хороній домъ, а какъ привель, солдатъ махнулъ своей волшебной сумочкой и, когда явился лакей, велѣть приготовить столъ на двухъ человѣкъ. Не успѣль баринъ повернуться, а ужъ и явилось всѣ. Баринъ, хоть и богатъ былъ, а такой закуски никогда еще у него не бывало! Стали они закусывать, а баринъ и украдъ золотую лопнку; вотъ какъ кончили закуску, солдатъ махнулъ опять котомочкой и велѣть обратъ всѣ, а лакей и говоритъ: я не могу обратъ— не всѣ на столѣ. Солдатъ посмотрѣлъ, да и говоритъ: ты, баринъ, для чего лопнку взялъ? Я не взять, говоритъ баринъ. Солдатъ обыскалъ барина, отдать лопнку лакею, а самъ и началъ благодарить барина за почтежъ, да такъ его изрядно помялъ, что баринъ, со злости пошелъ да и занеръ на замокъ все двери. Солдатъ занеръ все окна и двери

изъ другихъ нокоевъ, закрестить и стать чертей дожидаться. Этакъ около полуночи вдругъ слышишь, что кто-то у дверей пищитъ. Пождать еще солдатъ немного и вдругъ набралось множество нечистой силы и подняли такой крикъ, что хоть уши затыкай! Однѣ тамъ кричать: панирай,-панирай, а другой на мѣсто ему кричать: да куда паниратъ, коли крестовъ наставлено!..... Солдатъ слушать, слушать, а у самого волосы такъ-таки дыбомъ и встаютъ, даромъ что нетрусливаго десятка быть. Наконецъ и закричать: „да что вамъ тутъ отъ меня надо, босоногие?“—„Пусти, кричать ему изъ за дверей черти“.—„Да на что я васъ пущу сюда?“—„Да такъ, пусти!“—Солдатъ посмотрѣть кругомъ и увидѣть въ углу мѣшокъ съ гирями, взялъ мѣшокъ, вытряхнулъ гири, да и говоритъ: а что много ли васъ босоногихъ войдетъ ко мнѣ въ мѣшокъ?“—„Всѣ войдемъ, говорятъ ему изъ за дверей черти!“ Солдатъ надѣлать на мѣшокъ крестовъ углемъ, прі-отворилъ немного дверей да и говоритъ: пушка я посмотрю, правду ли вы говорили, что всѣ войдете? Черты всѣ до одного залязали въ мѣшокъ, солдатъ завязать устье мѣшока-перекрестить, взять 20-ти фунтовую гирю да и давай по мѣшку бить. Бѣгъ, бѣгъ да и понцааетъ, мягко-ли? Вотъ видѣть сол-

датъ, что, наконецъ, мягко стало, отворить окно, развязать мѣшокъ, да и вытряхнуть чертей вонъ; —смотришь, а черти все изуродованы и никто съ мѣста не двигается. Вотъ солдатъ какъ крикнетъ: а вы что тутъ, босоногіе, расположились-то? другой бани что ли дожидастесь, а? черти все кой-какъ разбѣжались, а солдатъ кричитъ имъ въ догонку: еще приидите сюда, такъ я вамъ не то еще задамъ! На утро пришли мужики и отворили двери, а солдатъ принесъ къ барину и говорилъ: ну, баринъ, переходи теперь въ твой домъ и не бойся ужъ ничего, а мы за труды надо на дорогу дать! Баринъ дать ему сколько-то денегъ, и солдатъ пошелъ себѣ дальше. Вотъ илья онъ такъ счастливо и весело ужъ долгоночко, и до дому не далеко осталось всего какихъ либо на три дни ходьбы! Вдругъ повстрѣчалась съ нимъ старуха такая это худая да страшная, несеть полную котомочку ножей, да ишь да разныхъ гонориковъ, а косой подириается! Доила она до солдата и загородила ему дорогу, а солдатъ не стерпѣть этого, выдернувъ тесакъ да и закричать: что тебѣ надо отъ меня, старая? Хонь я тебѣ голову разекрою? Смерть (это была она) и говоритъ: я послана Господомъ взять у тебя душу! Сдрогнуло солдатское сердце, унасть онъ на котла да и говоритъ:

1305458

„смилуйся, матушка смерть, дай мнѣ сроку
только на три года,—прослужиши я королю-
батюшкѣ свою долгую солдатскую службу
и теперь иду съ родными повидаться.“ —
„Нѣть, говорить смерть, не видаться тебѣ
съ родными и не дамъ я тебѣ срока на три
года!“ — „Дай хоть на три мѣсяца?“ — „Не
дамъ и на три недѣли!“ — „Дай хоть на три
дня?“ — „Не дамъ тебѣ и на три минуты,
сказала смерть, махнула косой и уморила
солдата! Вотъ очутился солдатъ на томъ
свѣтѣ да и пошелъ было въ рай, да его
туда не пустили, недостоинъ, значитъ быть!
Пошелъ солдатъ изъ раю да и вошелъ въ
адъ, а тутъ прибѣжали къ нему черти да
и хотѣли было въ огонь тащить, а солдатъ
и говорить: вамъ что надо отъ меня? Ахъ
вы, босоногіе, аль позабыли ужъ барскую-то
баню, а? Черти все и побѣжали отъ него,
а сатана и кричали: „вы кудѣ, лѣтки, побѣ-
жали-то?“ — „Ой, батько, говорятъ ему чер-
тенията, вѣдь солдатъ-то здѣсь!“ — Какъ услы-
халъ сатана это да и самъ побѣжалъ въ
огонь.

VI.

Старикъ и Старуха *).

Нельзя быть старикъ да старуха, старикъ быть настоящій человѣкъ, а у старухи одна половина была какъ у человѣка, а другая—какъ у звѣря. Но сльзь смерти старика у неї родился сынъ, такой же какъ она. Рось онъ очень скоро и сдѣлался хоронимъ охотникомъ. Однажды возвратясь съ охоты, онъ сказалъ матери: я хочу жениться и ты найди миѣ невѣсту.

Мать согласилась, и на другой день, когда сынъ ушолъ на охоту, пошла къ недалеко проживавшимъ старику и старухѣ, у которыхъ было три дочери.

Ея приходу все удивились. Пригласили есть, но она отвѣтила: не сяду, пока не кончу дѣла. Стала сватать стариную дочь, и та согласилась. Въ тотъ же день она привела ее къ сыну. Когда молодая пришла въ избу, то мужа не было дома. Онь былъ на охотѣ. Старуха указала невѣстѣ мѣсто, где

*) Русскія Лопари Н. Харузина, стр. 345.

она должна спать и приказала ей снать. Смотрѣть же не вѣгла никуда, пока будетъ вариться ужинъ.

Невѣстка для виду и легла снать, но незамѣтно стала смотрѣть, что будетъ дѣлать свекровь. Свекровь вымыла мясо и стала варить его въ кожаномъ мѣшкѣ, который скоро и потекъ. Увидавъ, что дѣвушка это замѣтила, старуха осерчала, и сказала: говорила не смотри: не послушалась—будь же теперь камнемъ. Невѣстка окаменѣла. Принять сына и спросить: гдѣ жена? Мать указала на каменную фигуру и прибавила: она была упряма, вотъ ей и наказаніе:

Сынъ на другой день, отправляясь на охоту, сказалъ: не забудь привести миѣ жену. Мать онять пошла къ старику и привела отъ него вторую дочь подъ предлогомъ, будто первой скучно.

Тоже сказала и этой. Она онять не послушалась и окаменѣла. Возвратившемуся сыну онять показала на окаменѣвшую. Онь посмотрѣть и сказалъ: завтра должна быть у меня жена, а иѣть — проідайся со мною.

Мать, услышавъ это, отвѣтила: онѣ были не послушны и потому тебѣ въ жены не годны. Приведу завтра менынную сестру ихъ и изъ нея, быть можетъ, и будетъ тебѣ жена.

Послѣ сына, который ушелъ на охоту,

старуха опять пошла за третьей сестрой. Привела ее и опять тоже сказала. Она посмотрѣвъ на окаменѣвшихъ, испугалась, и вполигб послушалась свекрови. После приготовленнаго ужина, старуха разбудила невѣстку и сказала: собака лаетъ, поди встрѣчай мужа. Она встрѣтила его, ноужинали и стали жить. Вскорѣ у нихъ родился сынъ, такой же какъ отецъ. Мужъ при этомъ сказъть: жена смотри, чтобы у сына постель никогда не бывала мокра. Разъ, однако, отецъ увидѣлъ, что у сына постель мокра: онь себѣжъ же стала собираться въ дорогу. Сынъ тоже стала приготвляться уйти съ нимъ. Мать не могла удержать ни мужа, ни сына—они ушли и сѣдѣлись дикими оленями. При прощаніѣ мать сказала сыну: черныхъ звѣрей бойся, а белыхъ не бойся. Не бойся и гангасовъ (веревки, которыми ловятъ дикихъ оленей).

VII.

Приданое дочери отъ отца и десяти
братьевъ.

НАРОДНАЯ СКАЗКА.

—

Какъ и было нась у бабушки десять сыновъ,
А и я то, молоденецька, одиннадцата дочь.
Всѣ-то братыща работу работали,
Ранышиль раненикъ въ извозъ отѣзжали,
А иной на полоинѣ время провожалъ,
Что кормилицу—землюнку онъ-ли поднимать.
А я при доми съ матушкой стаюсь,
Нокуль со коровушкой да не управлюсь
Молодцы удалые вкругъ меня снуютъ,
Ленточки, гостинички дѣвку понитаютъ.
Какъ задумали меня батюнка замужъ выдавать,
А родимы братики дѣвку снаряжать.
Вотъ что первый братикъ-то приданое даетъ:
Се быка, се козла, се маленькаго кѣзля доморощен-
наго!
Вотъ второй-ли что братъ мігъ приданое сунуть:
Се быка, два козла, два теленка, два козленка
доморощенные!
Вотъ и третій что братъ мігъ въ приданое ведѣть:
Три быка, три козла, три теленка, три козленка
доморощенные!
Вотъ четвертый-то братикъ приданое даетъ:
Се чѣтыре быка, се чѣтыре въ придачу козла,

Се чётыре теленка, се чётыре козленка доморощенные!
Вотъ и пятый то братъ миѣ приданое судить:
Пять быковъ, пять козловъ, се чётыре быка, се чё-
тыре козла,
Три быка, три козла, два быка, два козла,
Се кѣзя, се малаго козленка доморощенного.
Вотъ шестой-ли мой братъ миѣ въ приданое ведеть:
Шесть быковъ, шесть козловъ, пять быковъ, да и
пять козловъ,
Се чётыре быка, се чётыре въ придачу козла,
Се три да быка, да и три се въ придачу козла,
Два быка, два козла, два теленка, два козленка,
Се быченка, се козленка доморощенного!
Вотъ седьмой-то что братикъ приданое даетъ:
Да и семь что быковъ, да и семь ли козловъ,
Шесть быковъ, шесть козловъ, пять быковъ, пять
козловъ,
Се чётыре быка, се чётыре-ли что козла,
Да и три се быка, да и три се козла,
Два быка, два козла, се быка, се въ придачу козла,
Да еще-ли что се малаго козленка, се кѣзя до-
моро-
щенного.
Вотъ восьмой-ли что братъ отъ другихъ не отстаетъ,
Онъ во хлѣвецъ-то идетъ, миѣ въ приданое ведеть:
И на восемь быковъ, и на восемь въ придачу козловъ,
Семь быковъ, семь козловъ, шесть быковъ, шесть
козловъ,
Да и пять-ли быковъ, да и пять-ли козловъ,
Се чётыре быка, се чётыре козла, три быка три и козла,

Еще два-ли быка, еще два-ли въ прибавку козла,
Се быка, се козла, се маленькаго тёля доморощеннаго.
Вотъ девятый-ли братъ у стола онь сидить,
Подбоченившись сидить, миѣ въ приданое судить:
И на девять быковъ, и на девять козловъ,
И на восемь быковъ, и на восемь козловъ,
Еще семь-ли быковъ, еще семь-ли козловъ,
Да и шесть что быковъ, да и шесть что козловъ,
Се чётыре быка, се чётыре въ добавокъ козла,
Еще три то быка, да и еще три то козла,
Два что быка, два что козла, се быка, да и се козла,
Се маленькаго тёля, телёнка доморощеннаго.
Ужъ десятый-то братъ отъ другихъ не отстаетъ,
Рѣчи съ усмѣшкой ведеть, еще болѣе даетъ:
И что десять быковъ, и что десять козловъ,
И что девять быковъ, и что девять козловъ,
Еще восемь быковъ, еще восемь козловъ,
Еще семь-ли быковъ, еще семь-ли козловъ,
Да и шесть то быковъ, да и шесть то козловъ,
Еще пять что быковъ, еще пять что козловъ,
Се чётыре быка, се чётыре козла,
Се три-ли быка, се и три-ли козла,
И два то быка, да и два то козла,
Се быка, се въ придачу къ нему то козла,
Се бычёнка, се телёнка доморощеннаго!
А и батюшка по горинѣ похаживать,
Своей правою-то ножкой притолакивать,
А усмѣшкой рѣдныхъ братцевъ то одабривать.
Какъ и батюнкинъ чердѣй-то приходить,

Онъ, родимый, самъ-отъ мнѣ въ приданое сулиль:
Се едину свинью—Оксинью,
Да и боровка-ли, брова—Василья,
Се телицу годовицу—Анютку,
И Ѹвицу яловицу—Васютку!

Олонецкой губ.

VIII.

Иванко - Медвѣдко *).

Въ некоторомъ селѣ жилъ-былъ богатый мужикъ съ женой. Вотъ разъ пошла она въ лѣсъ за груздями, запуталась и забрела въ медвѣжью берлогу. Медвѣдь взялъ ее къ себѣ, и долго ли, коротко ли — прижились съ нею сына: до-ноянь чоловѣкъ, а отъ пояса медвѣдь; мать назвала того сына Иванко-Медвѣдко. Годы ишли да ишли, Иванко-Медвѣдко выросъ и захотѣлось ему съ матерью уйтти на село къ людямъ; выждали они, когда медвѣдь пошелъ на ичельникъ, собрались и убѣжали. Бѣжалы-бѣжали, и добрались таки до мѣста. Увидѣть мужикъ жену, обрадовался — ужъ онъ не чаялъ, чтобы она когда-

*Изъ собранія А. Афанасьева стр. 89

нибудь домой воротилась; а постъ глянула на ся сына, и сираннивается: „а это что за чудице?“ Жена разсказала ему все, чтò и какъ было, какъ она жила въ берлогѣ съ медвѣдемъ и какъ прижила съ нимъ сына: до-поясь человѣкъ, а отъ пояса медвѣдь. „Ну, Иванко-Медвѣдко! говорить мужикъ, поди на задний дворъ да заколи овцу; надо про васъ обѣдъ готовить.“—А которую заколоть! „Ну, хоть ту, чтò на тебя глядѣть станетъ.“ Иванко-Медвѣдко взялъ ножъ, отправился на задний дворъ, и только скричать овцамъ—какъ всѣ овцы на него и уставились. Медвѣдко тотчасъ вѣхъ переколоть, поснимать съ нихъ шкурки, и попытъ спросить: куда прибрать мясо и шкуры? „Какъ? заревѣль на него мужикъ, я тебѣ вѣхъ заколоть одну овцу, а ты вѣхъ перерѣзать!—Нѣть, батыка! ты вѣхъ міхъ ту заколоть, которая на меня взглянетъ; я на задний дворъ—онѣ всѣ до единой такъ на меня и уставились; вольно-жъ имъ было на меня глазѣть!“ Экой разумникъ! ступай же, спеси все мясо и шкуры въ анбаръ, а почюю покараули дверь у анбара-то, какъ-бы воры не украли да собаки не сѣкли!“ Хорошо, покараулю. Какъ нарочно, въ ту самую ночь собралась гроза и полилъ сильный дождь. Иванко-Медвѣдко выломилъ у анбара дверь,

унёсъ ее въ бани и остался тамъ почевать. Время было темное, ворамъ сподручное; анбаръ открыть, караула нѣть — бери, чтó хочень! Ноутру проснулся мужикъ, пошель посмотреть: все ли цѣло? Какъ есть ничего не осталось: чтó собаки съѣли, а чтó воры покрали. Стать онъ искать сторожа, нащелъ его въ банѣ и принялъся ругать пуще прежняго. „Ахъ, батька! чѣмъ-же я виноватъ?“ сказалъ Иванко-Медвѣдко; самъ ты велѣть дверь караулить — я дверь и караулы вотъ она! ни воры не украли, ни собаки не съѣли!“ — Что съ дуракомъ дѣлать? думаетъ мужикъ: эдакъ мѣсяцъ-другой поживеть, совѣтъ разорить! какъ-бы его съ рукъ сбить? Вотъ и надумался: на другой же день послать Иванка-Медвѣдка на озеро изъ песку веревки виты; а въ томъ озерѣ много нечистыхъ водилось: пусть де его затанцать черти въ омутѣ! Иванко-Медвѣдко отправился на озеро, сѣть на берегу и началь изъ песку веревки виты. Вдругъ выскочилъ изъ воды чертёнокъ: „что ты дѣлаешь, Медвѣдко?“ — Что? веревки вью; хочу озеро морицить, да васть чертей корчить — затѣмъ что въ нашихъ омутахъ живете, а руги не платите. „Ногоди, Медвѣдко! я побѣгу, скажу дѣдушикѣ“ — и съ этимъ словомъ бутыхъ въ воду. Минутъ черезъ пять снова

выскочишь: „дѣдушка сказать: коли ты меня перегонишь, такъ заплатить ругу, а коли не перегонишь—вѣтѣть тащить тебя самого въ омутъ.“ — Винь прыткой! ну, гдѣ тебѣ перегнать меня? говорить Иванъ-Медведко; у меня есть внучекъ, только вчера народился—и тогдѣ тебя перегонитъ! Не хочешь ли съ нимъ потягаться? „Какой такой внучекъ?“ — Вонь подъ колодой лежитъ, отвѣчасть Медведко, да какъ вскрикнѣть на зайца; „ай, Заюнко не подгать!“ Заяцъ бросился безъ памяти въ чистое поле и въ мигъ скрылся изъ виду: чертёночка былъ за нимъ, да куда? на полверсту отстали. „Теперь коли хочешь, говорить ему Медведко, побѣжимъ со мною; только, братъ, съ уговоромъ: если отстанешь, — я тебя до смерти убью!“ — Что ты! сказалъ чертёночокъ—и бултыхъ въ омутъ. Немного погодя выскочить онъ изъ воды и вынесъ дѣдушкинъ чугунный костыль: „дѣдушка сказать: коли вскинешь ты вогъ этотъ костыль вынес, чѣмъ я вскину, — такъ заплатить ругу“. — Ну, кидай ты панирво! Чегъ вскинуль костыль такъ высоко, чтѣ чутъ видно стало; съ страшнымъ гуломъ полетѣть костыль назадъ и уничтъ въ землю на половину. „Кидай теперъ ты!“ Медведко наложить на костыль руку, и поневолѣть не смогъ: „по-

годи, говорить; вотъ скоро подойдеть облачко, такъ на него закину!“ — Э, пѣть! какъ-же дѣдушка безъ костылято быть? сказать бѣсёнокъ, схватилъ чортову дубинку и бросился поскорѣй въ воду. Погодя немножко, онѣтъ выскочили: „дѣдушка сказать: коли сможешь ты обнести эту лошадь кругомъ озера хоть одинъ разъ линий су-противъ меня, такъ занять ругу; а не то ступай самъ въ омутъ“. — Эко диво! начинай. Чертёночъ взвалилъ на спину лошадь и потащилъ кругомъ озера; разовь десять обнёстъ и усталъ окаянный — поть такъ и льётъ съ рыла! „Ну теперь мой че-рёть!“ сказалъ Иванко-Медвѣдко, сѣялъ на лошадь верхомъ и ну ъздитъ кругомъ озера: до тѣхъ порь ъздитъ, пока лошадь налаз? „Что, братъ! каково“? спрашиваєтъ чертёйка. — Ну, говорить нечистой, ты больше моего носиль, да еще какъ? — промежъ ногъ; эдакъ миѣ и разу не обнести! Сколько-жъ руги платить? „А вотъ сколько: насыпь мою пиянку золотомъ, да прослужи у меня годъ въ работникахъ — съ меня и довольно!“ Нобѣжалъ чертёночъ за золотомъ, а Иванко-Медвѣдко вырѣзать въ пиянѣ дно и поставить ее надъ глубокой ямою, чертёночъ носиль-носиль золото, сыпать въ пиянку, цѣлой день работать, а только къ вечеру

сполна насыпалъ. Иванко-Медвѣдко добылъ телегу, наклать ее червонцами и свѣзъ на чертёнкѣ домой: „разживайся, батька! вотъ тебѣ батракъ, а вотъ и золото!“

IX.

Набитой дуракъ.

ильт-былъ стариkъ со старухою, имѣли при себѣ одного сына, и то дурака. Говорить ему мать: „ты бы, сынокъ, пошелъ около людей потёрся да ума набрался“. — Постой мама; сей-часть пойду. Пошелъ по деревнѣ, видить—два мужика горохъ молотятъ сейчасъ побѣжалъ къ нимъ: то около одного, потрѣтся, то около другаго. „Не дури! говорятъ ему мужики; ступай — откуда пришель“; а онъ знай себѣ потирается. Вотъ мужики озлобились и принялись его цѣпамп подчивать: такъ ониаранили, чтѣ едва домой приползъ. „Что ты, дитятко, плачень?“ спрашиваетъ его старуха. Дуракъ рассказалъ ей свое горе. „Ахъ, сынокъ, куда ты глупѣшенекъ! Ты бы сказалъ имъ: Богъ помочь, добрые люди! носить бы вамъ — не пере-

носить; возить бы — не перевозить! Они-бъ тебѣ дали гороху; вотъ бы мы сварили да и скушали.“ На другой день пдетъ дуракъ по деревнѣ, на встрѣчу несутъ покойника. Увидать и давай кричать: „Богъ помочь! носить бы вамъ — не переносить, возить бы — не перевозить!“ Опять его прибили; воротился онъ домой и стать жаловаться: „вотъ, мама, ты научила, а меня прибили!“ — Ахъ ты, дитятко! ты бы сказалъ: канунъ да свѣча! да снять бы шапку, началь бы слезно плакать да поклоны бить; они-бъ тебя на-кормили-наополи досытая. Ношелъ дуракъ по деревнѣ, слышитъ — въ одной избѣ шумъ, веселье, свадьбу празднуютъ; онъ снялъ шапку, а самъ такъ и разливается: горько-горько плачетъ. „Что это за невѣжа пришла! говорятъ пьяные гости; мы все гуляемъ да веселимся, а онъ словно по мертвому плачетъ!“ Выскочили и порядкомъ ему бока помяли...

X.

Глупая баба *).

Они были мужикъ да баба. Мужикъ былъ хороший и трудолюбивый, а жена лѣнивая и засниха. Страда наступила; мужъ идетъ на свою работу и наказываетъ женѣ, чтобы она пила жать. Попила она въ поле, выжала такое мѣстечко, чтобы можно было лечь, легла да и проспала весь день. Вечеромъ, какъ пришла домой, мужъ и спрашиваетъ: много ли нажала? А она отвѣчаетъ: выжала мѣстечко. На другой день опять пдуть на работу: мужъ на свою и жена на свою. Баба опять выжала мѣстечко, чтобы лечь, уснула и проснисла до самаго вечера. Вечеромъ приходитъ домой, мужъ опять у нея спрашиваетъ: много ли, жена, нажала? Она опять: выжала мѣстечко. На третій день попиелъ мужъ посмотрѣть, много ли баба нажала, приходитъ и видитъ — полосы не сжаты, а жена синть. Взялъ онъ ножницы, обрѣзалъ у жены волосы и ушелъ.

*) Иванникій, стр. 186.

домой. Пробудилась баба, схватилась за голову, да какъ заореть во все горло: я-то бы-я, да голова-то не моя! Побѣжала домой, а сама думаетъ: если я—я, то собака наша не залаетъ на меня, а если не я, то залаетъ. Прибѣжала къ воротамъ и просунула голову въ подворотню. Собака залаяла. Баба побѣжала по деревнѣ и заорала: я-то бы я, да голова-то не моя! Едва сосѣди могли ее успокоить. Полно сть тѣхъ поръ баба снать въ полѣ. *)

XI.

Беззаботная жена.

или были мужъ съ женой. Жена была баба лѣнивая и беззаботная, да къ тому же еще и большая лакомка: все проѣла на орѣхикахъ да на цряничикахъ, такъ что наконецъ осталась въ одной рубахѣ, и то въ худой—изорванной.

Вотъ подходитъ болыпой праздникъ, а у бабы ничего и надѣть, кромѣ этой рубахи. И говорить она мужу: сходи-ка, мужъ, въ рынокъ, да купи мнѣ къ празднику рубаху.

*) Иваницкій, стр. 186.

Мужъ пошель въ рынокъ, увидалъ, что продаютъ гуся и купилъ его вмѣсто рубахи. Приходитъ домой, жена и спрашиваетъ: купилъ мнѣ рубаху? — Купилъ, отвѣчалъ мужъ, да только гуська. А жена не дослышила и говорить: ну и узка, да изношу! Сняла съ себя изорванную рубаху и бросила въ печку. А потомъ и спрашиваетъ: гдѣ же рубаха? дай я надѣну.—Да вѣдь, я, сказалъ, что купилъ гуська, а не рубаху, отвѣчалъ мужъ. Такъ она и осталась нагишемъ.

Вотъ видяты они—идутъ къ нимъ гости. Жена и говоритъ мужу: я сяду въ корчагу на полати?—Садись, сказалъ мужъ. Пришли гости. Хозяинъ поставилъ гуся на столъ и потчуетъ. Жена увидѣла и захотѣлось и ей поѣсть гуся. Вотъ она тянулась да тянулась и упала съ корчагой на полъ. Гости испугались и всѣ разбрѣжались, а мужъ, пока жена охала до стонала, и доѣти гуся, оставилъ женѣ только косточки.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

XII.

Безпамятный зять.

ринчель зять къ тещѣ въ гости, теща и угостила его киселемъ. Зять съѣлъ кисель и спрашиваетъ: это что за кушанье?— Кисель, отвѣтала теща. Зятю кисель очень понравился и думаетъ онъ: дома непремѣнно заставлю жену сварить, только бы не забыть какъ зовется.

Вотъ онъ ідеть домой и твердитъ про себя: кисель, кисель, кисель! Случилась на дорогѣ канава. Хотѣлъ мужикъ перескочить черезъ нее, поскольку зналъ и упалъ въ канаву. Всталъ и—забылъ, что ъѣль у тещи. Думать, думать,—никакъ не можетъ вздумать.

Ѣдетъ мимо баринъ на шестеркѣ и видитъ: мужикъ бродитъ въ канавѣ. Остановился и спрашиваетъ: что потерялъ, мужичекъ?— Сто рублей.— Кучерь, поди, поинци, говорить баринъ, а когда найдешь, то все раздѣлимъ пополамъ. — Кучерь подошелъ къ канавѣ и говорить: винь какъ

взболталъ грязь-то въ канавѣ, словно *ки-сель!*...—Нашелъ нашель! закричалъ мужикъ, выскочилъ изъ канавы и со всѣхъ ногъ пустился домой, а самъ кричитъ: кисель, кисель!

Иваницкій, стр. 186.

XIII.

Глупый народъ *).

были у одной старухи два сына: младший изъ нихъ, Проня, умеръ и старуха долго по немъ пла-кала. Однажды, когда старшаго сына не было дома, къ старухѣ зашелъ бѣглый солдатъ. Старуха и спрашиваетъ: ты откуда, служивый? А солдатъ отвѣтаетъ: сначала накорми да напои, а потомъ и спрашивай. Старуха накормила и напоила его и опять спрашиваетъ: откуда? — Я съ того свѣта выходецъ, бабушка. — Ой, дитятко! не ви-далъ ли ты тамъ моего Проню? — Какъ не видать,—видѣть; твой Проня тамъ боронить и весь обносился. — Экой бѣдный! Ты не снесешь-ли ему чего? Я бы дала хоть катаники да полушибокъ. Вотъ, думаетъ сол-

*) Иваницкій, матер. по этногр. Волог. губ.

датъ, посыаетъ Богъ глупую! и говоритъ: отчего не снести? за твою хлѣбъ — соль, пожалуй, снесу. — Отдала старуха полушибокъ и катаники и солдатъ ушелъ.

Приходитъ старий сынъ домой, старуха и сказываетъ ему, что былъ у нея съ того свѣта выходецъ, рассказывалъ, что напѣ Проня тамъ боронитъ и весь обносился, такъ я послала ему съ нимъ полушибокъ и катаники.

Сынъ побранилъ глупую мать и пошелъ догонять солдата.

Приходитъ онъ въ одну деревню и видитъ: мужики затаскиваютъ корову на повѣтъ, изъ силъ выбиваются.—Что вы дѣлаете? спрашиваетъ онъ мужиковъ. — Да вотъ не можемъ затаскать корову на повѣтъ, чтобы она тамъ сѣно щла!—Что дадите мнѣ, я научу васъ, какъ это дѣло лучше дѣлать? — Сто рублей дадимъ, говорятъ мужики, только научи.

Взяль онъ отъ нихъ сто рублей, велѣлъ принести пестерь, положилъ въ него сѣна, снесъ коровѣ и она стала щесть.

— Поживи у насть, да поучи насть, говорятъ ему мужики. — Нѣтъ, некогда мнѣ; надо пти, и пошелъ дальше.

Приходитъ въ другую деревню и видитъ: мужики распялили на батоги хомутъ и загоняютъ въ него лошадь.

— Что вы дѣластѣ? спрашиваетъ онъ мужиковъ.

— Лошадь надобно запрячь, да не можемъ, говорятъ.—Что дадите, я научу васъ, какъ это дѣло лучшее сдѣлать? — Двѣсти рублей дадимъ, только научи.

Получилъ онъ съ нихъ двѣсти рублей, взялъ хомутикъ въ руки и надѣлъ на лошадь.—Ну, теперь запрягайте.

Мужики запрягли лошадь и говорятъ ему: поживи унастъ?—Нѣтъ, некогда мнѣ, идти надо.

Пришелъ въ одно богатое село и видитъ: на барскомъ дворѣ ходитъ свинья съ поросятами. Снялъ онъ передъ ней шапку, кланяется и говоритъ: свинушка пестра, моей матушки сестра, прошу пожаловать ко мнѣ на свадьбу!

Услыхала эти слова барыня и думаетъ: отчего не отпустить свинью на свадьбу? Подозвала его къ себѣ и говоритъ: я отпушу свинью на свадьбу, только съ поросятами.

Согласился онъ взять и съ поросятами. Барыня нарядила свинью въ свое лучшее платье и велѣла запречь самую лучшую тройку лошадей. Взялъ мужикъ свинью съ поросятами, сѣлъ на тройку и уѣхалъ. Объ солдатѣ же и думать пересталъ.

XIV.

Сказка о Петре и Иванѣ *).

ильтъ былъ царь; у царя была дочь. Велѣлъ онъ выстроить замокъ съ одной дверью и ключъ отъ этой двери носилъ всегда съ собой.

Въ этомъ-то замкѣ царь держалъ свою дочь только съ прислужницей. Не хотѣлось царю, чтобы кто-нибудь изъ простыхъ людей влюбился въ царевну. Но царевна узнала объ этомъ раныше и просила подрядчика сдѣлать тайную дверь въ садъ. Онъ и сдѣлалъ. Гуляла и веселилась царевна съ своей прислужницей въ саду. Однажды имъ захотѣлось яблочковъ; онѣ и сорвали каждая по яблочку; играли, играли ими и наконецъ сѣѣли. Отъ этихъ-то яблочковъ онѣ забеременѣли, и каждая изъ нихъ родила сына. Царевна назвала своего сына Петромъ, а прислужница—Иваномъ. Росли сыновья не по днямъ, а по часамъ; выросли большие и пошли охотиться. Царь далъ каждому по двѣ лошади и по одному слугѣ. Ноѣхали они въ первый день на охоту, увидѣли волчицу съ двумя

---

*) Записана Ю. Семёновымъ.

волчатами и хотѣли ихъ застрѣлить. Но волчица просила: „оставьте насть живыми“! Они и не убили ихъ, а повели живыхъ домой. На второй день опять поѣхали охотиться. Видягъ: идетъ медвѣдица съ двумя медвѣжатами. Они хотѣли ихъ застрѣлить. Медвѣдица проситъ: „оставьте насть живыми“! Они оставили и привели ихъ домой. На третій день опять поѣхали. Видягъ: идетъ львица съ двумя львятами. Они хотѣли ихъ застрѣлить. Львица также проситъ: „оставьте насть живыми“! Они оставили ихъ и привели живыхъ домой.

Теперь они взяли каждый по волченку, медвѣженку и львенку и пошли по міру. Пріѣхали они къ одному мѣсту, где дорога раздѣлилась. Между дорогами стоитъ береза. Петръ взялъ свой перочинный ножикъ, прорѣзalъ березовую кору, засунулъ ножикъ за кору и сказалъ: „кто изъ насть первый воротится, пусть посмотритъ этотъ ножикъ: коли онъ чистъ, то другому хорошо; а коли заржавѣль, то плохо“. Они разстались и поѣхали: Петръ направо, а Иванъ налево.

Вотъ Петръѣздилъ,ѣздилъ по правой дорогѣ и на конеѣ приѣхалъ къ городу и увидѣлъ, что весь городъ чернымъ бархатомъ обитъ. Онъ остановился въ гостиннице и спрашиваетъ: „что это значитъ“? Хозяинъ

ему отвѣчаетъ: „въ нашемъ царствѣ есть страшный змѣй; нужно его кормить одними людьми. Начали мы съ пастуха, а теперь дойла очередь ужъ до короля; если этому змѣю не дать добровольно, то онъ насть всѣхъ пожретъ! Завтра же нужно отдать ему на съѣденіе младшую царевну“.

Вотъ утромъ Петръ всталъ рано, взять своихъ звѣрей и поѣхалъ къ тому мѣсту. Прѣѣхалъ и видѣть: везутъ царевну въ каретѣ на четырехъ вороныхъ лошадяхъ. Выбросили царевну и поѣхали назадъ. А змѣй о двѣнадцати головахъ и летитъ; увидѣль онъ Петра и кричитъ: „что тебѣ надо“? Петръ ему отвѣчаетъ: „а тебѣ что надо“? и началъ его рубить, а звѣри его ему помогаютъ. Онъ срубилъ все головы, собрать и положилъ ихъ подъ огромный камень. Царевна поблагодарила его и повязала каждому изъ его звѣрей по золотой цѣпочкѣ вокругъ шеи. Петръ поѣхалъ дальше охотиться по лѣсу. Бѣзилъ онъ, бѣзилъ, наконецъ прїѣхалъ опять къ этому городу и видѣть, что весь городъ украшенъ. Онъ остановился въ той же самой гостининѣ и спрашиваетъ хозяина; „что это значитъ“? Хозяинъ отвѣчаетъ: „нашу царевну снасть отъ змѣя какой-то незнакомецъ, и король отдаетъ свою дочь за-мужъ за него; сегодня

будутъ ихъ вѣнчать“. Петръ поѣхалъ со своими звѣрями прямо во дворецъ. Царевна узнала его и говорить отцу: „вотъ мой женихъ! онъ меня спась отъ змѣя“. Но женихъ не хотѣлъ отказаться, божился, что онъ спась царевну. Тогда Петръ повелъ его къ тому мѣсту, где убилъ змѣя и велѣлъ ему поднять камень; но тотъ и пошелъ велить его не могъ. А Петръ съ одного раза поднялъ камень и показать всѣ двѣнадцать головъ. Тогда царь велѣлъ жениха застрѣлить, а царевну выдалъ за Петра, и они обѣнчались.

Прошелъ день, другой. Петръ поѣхалъ на охоту со своими звѣрями; вдругъ видитъ онъ зайца и хочетъ его застрѣлить. Откуда ни возьмись пристаетъ къ нему какая-то старуха, просить его не стрѣлять въ зайца. Она дала ему ниточку и говоритъ: „возьми, обвей себѣ эту ниточку три раза около головы, тогда заяцъ за тобою побѣжитъ“. Петръ такъ и сдѣлалъ—и превратился со своими звѣрями въ камень.

Иванъ между тѣмъ объѣхалъ далекія земли, а ничего не нашелъ. Воротился онъ назадъ, прїѣхалъ къ березѣ и видитъ; пожикъ совсѣмъ заржавѣлъ. „Теперь Петру плохо, подумалъ онъ; пойду его отыскивать!“ Поѣхалъ онъ по правой дорогѣ; Ѵздили, Ѵздили,

наконецъ прѣхалъ къ городу и спрашиваетъ: „не видали ли вы Петра?“ А тѣ думали, что онъ самъ Петръ, повели его во дворецъ къ царевнѣ. Та и обрадовалась, потому что онъ былъ по лицу и по росту очень похожъ на Петра, и были у него такая же лошадь и такие же звѣри какъ и у Петра. Царевна не переставала его умолять, чтобы онъ съ ней спалъ. Иванъ сейчасъ подумалъ: „здѣсь что-то не такъ!“ Попечь онъ съ ней спать, а свою саблю положилъ между царевною и собой, и такъ они проспали всю ночь.

Иванъ всталъ утромъ чѣмъ свѣтъ и поѣхалъ дальние искать Петра; заѣхалъ онъ въ лѣсъ—видѣть: заяцъ бѣжитъ. Онъ прицѣлился. Вдругъ подходитъ къ нему старуха и говоритъ: „не стрѣляй! на тебѣ ниточку, возьми ее да обвей себѣ три раза около головы, и заяцъ за тобой побѣжитъ“. Онъ взялъ ниточку, бросилъ ее на землю и срубилъ старухѣ голову. Ноѣхалъ дальше—видѣть: Петръ и его звѣри стоять превращены въ камень. Тутъ онъ догадался, снялъ ниточку съ его головы, и они стали опять живы.

Иванъ ему рассказалъ, какъ онъ сюда попалъ и что ночью съ царевной спалъ. Тутъ Петръ разсердился на Ивана и отрубилъ ему голову. Прѣхалъ онъ домой;

царевна бросилась предъ нимъ на колѣни и умоляла простить есъ, что она вчера заставила незнакомца спать съ собой; по разсказала, что тогдѣ положилъ свою саблю между ей и собой. Тогдѣ стало Петру очень жаль, что такъ дурно поступилъ съ Иваномъ; но дѣлать было нечего. Съ горя побѣхалъ онъ опять на охоту. Пріѣхалъ въ лѣст; видитъ: лежитъ мышь съ отрубленной головой, а другая все приставляется ей голову; наконецъ голова приросла, и мышь ожила. Тутъ Петръ вспомнилъ объ Иванѣ, побѣхалъ къ тому мѣсту, где онъ лежалъ, и началъ ему приставлять голову; наконецъ она приросла, и Иванъ ожила. Очень тому обрадовался Петръ. Пріѣхали они оба домой и стали жить да поживать. Наконецъ умеръ царь; Петръ получилъ все царство и сдѣлался царемъ.

XV.

Невѣрная жена. *)

Иль-былъ купецъ и овдовѣвъ, оставилъ у него сынъ въ полномъ возрастѣ. Онь сказавъ сыну своему, ишо „женись ты, сынъ мой, а мнѣ ужъ не вгоды“... У меня, гыть, всѣ невѣсты сняты на патритѣ... Приносить сыну своему патреты невѣстъ и говорить: „ну, сынъ мой, выбирай которую надоть“! Сказавъ сынъ отцу: „батюнко, въ твоихъ патретахъ нѣтъ невѣсты мнѣ“. Ну, гыть, выбирай самъ невѣсту; отвицавъ отецъ. Сынъ говоритъ: „стану выбирать невѣсту по Божьему повелѣнию, какую мнѣ Богъ благословитъ“. Заутра сынъ отирается лафку и говоритъ: „которая первая придетъ въ лафку возврастная дѣвица, то и невѣста моя“. Какъ отиеръ купецъ лафку и приходитъ воз(в)растная дѣвица торговатъ (покупать; вотъ и говоритъ (ей) купеческой сыни: „пойдемъ за меня въ замужество“! Она отвицѣсть ему: „господинъ купецъ! я низка передъ вами“.— „Какихъ ты родовъ“? — У меня мать бобылочка“! „Въ какой улицѣ

*) „Изъ Живой Стар.“ стр. 421. Записано А. Шустиковыиъ.

твоя фатера"? спрашивает купеческой сынь. — „Въ такой-то улицѣ“, отвѣтяетъ, подъ такимъ-то номеромъ. „Хорошо, я буду свататсё къ вамъ“. Вотъ запираетъ онъ лафку и приходитъ свататсѧ, а вдова бобылочки и говоритъ (ему): „господинъ купецъ! у насть денегъ нѣть свадьбу сурядитъ“. Онъ имъ денегъ далъ множество на свадьбу и сказалъ вдовѣ: „мнѣ безчестно юхать въ килью жонитсё, занимай ты у каково нибудь купця фатеру, будто вы изъ другой земли пріѣхали, а денегъ мало будетъ—пиши письмо, я ищо дамъ“. Вотъ онъ и взялъ ее взамужество.

Къ нимъ въ городъ прислали изъ другово города полковника, ему и были избраны двѣ фатеры у этого купца, фатеровать. Полковникъ и посыаетъ письмо съ деньщикомъ, желаетъ въ гости купеческую жену къ сибѣ. Приняла купеческая жона письмо это, прочитала и говоритъ: „не пойду въ гости къ нему, не желаю и видѣть“. Приходя деньгицъ и сказавъ полковнику, що не хочетъ идти въ гости (купеческая жона). Полковникъ осерчалъ на ее.

Вотъ потомъ купецъ балъ завель, посыаетъ своею прислужника къ полковнику, звать въ гости. Полковникъ сказавъ: „нейду я къ вамъ для купеческой жоны“. Сказавъ полковнику прислужникъ, що не для ее, а

для купца иди, такъ мнѣ хозѣнинъ сказавъ. Полковникъ иошовъ въ гости къ купцу. Послѣ тово онѣть полковникъ писавъ съ денѣцикомъ письмо и звалъ въ гости купеческую жону. Она подумала умомъ: „въ перവый разъ звалъ не понила, осерчавъ полковникъ, ну и пойду, разѣ?“ Вотъ она и пришла въ гости къ полковнику, подносить ей полковникъ чашу напитковъ, она сказала ему: „не хочу пить“. „Ты не ради себя пей, а ради меня хоть выпей!“ Она выпила. Вотъ онъ потомъ и влюбивсе въ ее, а она въ свою

Этово полковника перемѣстили онѣть въ другой городъ, онъ и сказавъ купеческой жонѣ: „пойдемъ со мной!“ Она удумала бѣхать съ нимъ. Вотъ сказала хозѣну, що отиравлюсе въ экой-то городъ (куда именно перемѣщали полковника), я маленькая была иющо, меня мать овичала (завѣщала?) сходить Богу молитвссе“. А купецъ ей сказавъ: „на што пѣнибѣ идти, занимай нара коней и бери денегъ колько (сколько) требуетсѧ“. „Мнѣ, гыгъ, не надо нара коней, я пѣнибѣ пойду“. Заправилась напередъ полковника въ дорогу, потому що настигнѣть, такъ посадить въ карету. Господь создавъ тучу и убило ее громомъ и наѣзжаетъ на это тѣло полковникъ и привозить къ купцу въ домъ: „господинъ купецъ, гыть, убило твою жону

громомъ“. И какъ тогда купецъ туживъ, плакавъ и жалѣвъ своия жоны!.. Снесли мертвое тѣло въ церкву, приходитъ купецъ къ священнику: „батюшка, гыть, пусти меня въ церкву на ночь, стану я исаитырь читать надъ мертвымъ тѣломъ“. Священникъ ево пустивъ въ церкву исаитырь читать. Вотъ онъ читаетъ и плачѣтъ, жалѣтъ своия жоны. Вдругъ изъ алтаря выходитъ стариочокъ и говоритъ купцу: „купецъ, жаль жоны?“ „Жаль“, гыть. Стариочокъ выносить три листа бумаги да три свиці. „Зажги свицию, гыть, прочитай листъ; ту погаси, другую зажги и другой прочитай листъ; ту погаси и третью зажги, прочитай и третій листъ,— воскресинь свою жону!.. Произвѣль все это купецъ и воскресивъ свою жону. Заутра отложили (отперли) церкву,—ожилась ево жона. Ну, и учувъ полковникъ, что ожилась купеческая жона, только служъ у ее отбило. Отѣсть зоветъ ее полковникъ Ѵхать съ собой, она и ладитъ Ѵхать—забыла наказанье Божье. Вотъ она и говоритъ служанкѣ своей: „я пойду на рицьку съ платьемъ мыть и пробуду довготамъ, ты провѣдай меня“, а сама склалась да уѣхала съ полковникомъ въ другой городъ. Пришовъ хозяинъ изъ лафки и спросивъ: „гдѣ жона моя? Сказала (ему) служанка, что „ушла на рицьку да

заказала мнѣ, що не буду довго,—провѣдай меня, а вотъ я и забыла ее“. Пришли на рицьку, только и знамя оставила—платье одно. Купецъ съ горя все имѣніе иродавъ и поповъ къ царю на лицѣ: „Ваше царскос величество, гыть, я иду въ солдаты охотой“. И принялъ ево въ солдаты царь. А тольк полковникъ подавъ заявленіе царю, що надо смынить деньгициковъ. Царь назначинъ деньщиковъ новыхъ, этово солдата-охотника, тамъ и другихъ хорошихъ назначивъ къ нему (полковнику). Вотъ полковникъ и говорить своей наложницѣ, що „придуть новые деньгицики, угости ты ихъ на первой разъ“. Приходятъ къ полковнику новые деньгицики, увидала наложница новыхъ деньгициковъ и познала (признала) мужа своего купца, ну и самоваръ составила, по стакану водки подала, а сама себя изобидила: ободрала рожу. Приходитъ полковникъ, она смутитсے ему стала на деньгициковъ: „пришли деньгицики, ты велѣвъ ихъ угостить, я угостила ихъ, самоваръ составила, водки подала, ну, вотъ этотъ (указываетъ на мужа, надо его избыть, — пояснилъ разскащикъ) меня изобидивъ, онъаращавъ рожу.“ Дѣло по дѣламъ понило, ево назначили сквозь строй прогнать, онъ и говоритъ своему товарищу: „мнѣ не вымогчи, рѣшать меня, такъ пожалуста я

тибѣ скажу, постараіся для Бога, ты можешь меня воскресить, я скажу тибѣ: ты возьми у меня въ сундукѣ три свиці и три листа и прочитай надъ моимъ мертвымъ тѣломъ, произведи всѣ три свиці, а сначала меня выкопай изъ ямы да въ угомонное (въ тихое) мѣсто снеси ты тѣло мое.“ Вотъ ево прогнали сквозь строй и убили до смерти, закопали ево тѣло въ землю и поставили троихъ часовыихъ, денійныхъ и ноцьныхъ для тово, что оінь се, наложницу, воскреси, такъ надо, чтобы и самъ не воскрестъ. И приходитъ къ могилѣ тотъ денійникъ и называется: „братья мои, часовые! доброй души былъ этотъ денійникъ, пойдемте-тко въ трактиль, да помянемъ его за упокой!“ „Мы рады бы съ тобої идти въ трактиль, отвицѣютъ часовые, да у насть денегъ иѣть помянуть за упокой!“ „Пойдемте со мной, я денегъ дамъ.“ Увелѣ часовыихъ въ трактиль и напоивъ такъ, что онѣ свалились. Вотъ этотъ денійникъ нанявлъ такихъ людей, чтобы достать солдата изъ земли да въ угомонное мѣсто отнести. Вотъ достали и отнесли, оінь и начавъ читать эти три листа и три свиці произжохъ, прочитавъ и воскреси ево. „Благодарю, землякъ, сказавъ воскресиої, денегъ у меня много, хоть всѣ берн!..

Въ то время у царя дочь номерла, при-

ходить солдатъ-охотникъ къ царю: „ваше царское величество, гыть, я воскрену твою dochь!“ А царь сказавъ ему: „кабы могъ воскресить мою dochь, то буденъ ты царемъ, а моя dochь — царица.“ „Гдѣ твоя dochь находится?— „Въ залѣ!“ Вотъ его допустили къ мертвому тѣлу, онъ зажогъ свицю—прочитавъ листъ, прочитавъ и весь листы и прижогъ свици—воскресивъ царскую dochь. Царь и произвѣсть ево въ цари, на свое царство посадивъ. Вотъ и пошовъ новой царь по силѣ (войско) своей, по полковничамъ. У которово-бы полковника и не ладно, да ладно все, приходитъ въ тотъ полкъ, гдѣ ево жона наложницей находится. У этово полковника ищо и ладно, да не ладно все. Сказавъ новой царь полковнику: „снимай ополеты съ себѧ!“ Сказавъ ищо царь тому деныщику, которой ево воскресивъ: „снимай мундиръ свой и накладывай ополеты полковника, а солдатской мундиръ отдай ему. Призываетъ наложницу полковника, приказываетъ царь: „растрелять се!...“

Вологодской губ.

XVI.

Какъ понамарь отдалъ свою понамарицу замужъ *).

меръ купецъ, осталася вдова съ сыномъ-малолѣткомъ; ногъ она и стала сво иріучеть къ торговлѣ. Сынъ хорошо ужъ сталъ заниматсѧ торговатъ, она и завирила ему одному стоять въ лафкѣ. Вотъ онъ торгуєтъ одинъ, приходять дѣвки къ ему на торгъ, онъ и дасть имъ все въ долгъ, и много ужъ товару изнурили безъ денегъ. А рядомъ была лафка дѣди ево; дѣдя и видить этогъ торгъ у племянника, какъ онъ товаръ изнуряетъ и сказываетъ братовѣ женѣ, що дѣвкамъ онъ безъ денегъ товаръ отшукаетъ. Приходитъ купчиха вдова въ лафку, а у ево товаровъ многое множество утраченено, а денегъ нѣтъ; она и не завирила ему большие одному торговатъ.

Отправлѣтсѧ дѣдя за море торговатъ, вдова и говоритъ ему: „возьми, дѣдя, сына мосво съ собої“! — „Не надо миѣ твой сынъ, онъ роспутново поведенія“! сказавъ дѣдя. Опѣть сноха говоритъ: „возьми, дѣдя, я дамъ

*) Живая старина, стр. 421, записано А. Шустико-
вымъ.

тибѣ 100 рублевъ“. „Вотъ, що, — сказавъ дѣдя,—сто рублевъ какія деньги, давай ста три и пущай онъ учиться, навыкаетъ торговатъ“! Она дала 300 рублевъ, вотъ онѣ и отправились за море торговатъ. Прибыли они за море и говорить купеческой сынѣ: „Дѣдя! дай мнѣ сто рублевъ, скажу въ городъ товару закупать“. Дѣдя дасть ему 100 рублевъ. Идетъ онъ по городу, и (видитъ) стоитъ подомаръ въ лафѣтѣ съ вертушкой. „Эй, землякъ! иди сюда, вернемъ!“ кричитъ ему подомаръ. На это купеческой сынѣ сказавъ: „О много-ли?“—„О стѣ рублевъ!“ отвіцѣваетъ подомаръ. Вотъ онѣ и вернули; купеческій сынѣ и провернуль 100 рублевъ подомарю. Подомаръ и говоритъ: „пойдемъ ко мнѣ въ домъ, угощу я тебя и подомаринцѣ покажу.“ Подомаръ приходитъ къ своему дому; заперта подомаринця за семимъ дверьми и семимъ замками у ево, отлажаетъ замки, отворяетъ двери и (войдя) хвастаетъ своей подомаринцѣ: „я у этово земляка вывернувъ сто рублевъ, угостить сво надотъ.“ Вотъ подомаринця составила самоваръ, на купеческovo сына посмотря, що красавецъ, и онъ на ее посмотря (видитъ), що красавиця. Подомаръ для тово и держитъ ее подъ замками, що бы не озарились чужie люди. Угостивъ подомаръ купеческovo сына и ска-

завъ: „ну, ступай-же теперь вонь!“ и самъ поповъ въ лафку на вертушку.

Заутра онъ купеческой сыни тѣлѣгѣдѣ: „дядя дай ищо сторублевъ денегъ!“ — „А що скоро издержавъ?“ спрашивается его дядя. — „Закушишь, гыть, товаровъ, не хватило тоо рублевъ.“ Дядя дать ему тоо рублевъ. Вотъ онъ идетъ по городу, а подомаръ, опять увидивъ его кричитъ: „эй, землякъ! иди сюда, вернёмы!“ — „О много ли вернемъ?“ — „О стѣ рублевъ!“ Вернули, купеческой сыни опять провернувъ подомарю тоо рублевъ. Подомаръ на радостѣхъ опять зоветъ ево въ гости, угостить надо таково человѣка. Принеси, отирается подомаръ семеры двери и кричитъ: „подомарица дома?“ — „Гдѣ-жо, гыть, отишѣсть та, — какъ не дома, когда запираешь семеры двери?“ „Я опять сто рублевъ вывернувъ у этого земляка,“ хвастаетъ подомаръ. Ну, вотъ купеческого сына угояютъ; угостили, подомаръ и сказавъ: „ну, ступай-же теперь вонь!“ и самъ поповъ въ лафку на вертушку. А купеческой сыни заутра опять къ дядѣ: „дядя, дай ищо тоо рублевъ!“ „Да дано тебѣ двадцати, гыть, дядя, що скоро издержавъ?“ — „Да закушишь товару много, а денегъ не хватило.“ — „На, гыть, ищо сто рублевъ, а больше не проси, не дамъ!“ Вотъ идетъ

кунеческой сыне по городу, а подомарь отъѣхъ кричитъ: „иди, землякъ, вернёмы!“ Отъѣхъ вернули, кунеческой сыне и последніе провернувъ. Подомарь отъѣхъ стать звать въ гости кунеческovo сына, также угостивъ и выславъ воинъ изъ дома. Кунеческому сыну дѣлать болыше нечево, денегъ иѣть и дѣлъ отказавъ, вотъ онъ и поповъ вокругъ подомарева дому, а тамъ, за дворомъ стонуть килья, посмотривъ, а подомарница сидитъ въ этой кильѣ, онъ и зановъ; глядитъ на се: „а цо же, гыть, я тебя какъ видавъ?“ — „Да и я тебя какъ видала? отвѣтъ подомарница вотъ они тутъ и признали другъ-дружку. „Пойдемъ-жо; гыть, со мной,“ сказала она. Вотъ она отираетъ занань въ землю, опустилсё въ эту занань, потомъ подынулсё въ тѣ-жо залы, гдѣ она раныше угощала ево. Онъ говоритъ ей: „Какко, у меня болыше денегъ иѣть вертеть съ подомаремъ?“ Она ему только сказала: „ночуй у меня.“ — „А подомарь-то придетъ?“ — „Не придетъ, гыть.“ Ну, онъ и почеваль у се. Она заутра даетъ ему тоо рублевъ денегъ да перстятки (перчатки) на руки да и говоритъ: „ну, пойди къ подомарю на вертушку, а какъ подомарь вернестъ, ты въ это время брось руки на вертушку и скричи: „стой, подомарь, не ладно вернувъ!“ Онъ

провирнётъ тибѣ тоо рублевъ да и опознасть твои перчатки, поведеть тебя на свидѣтельство къ сибѣ; онъ станетъ отпирать семеры двери, а ты бѣжи проворибе къ этой кильѣ и брось перчатки...“

Вотъ идетъ купеческой сынъ по городу, а подомаръ стоитъ въ лафѣ на вертушкѣ и кричитъ: „еї, землякъ! или сюда, вернёмы!“ — „О много-ли?“ „О стѣ рублевъ!“ Подомаръ вернувъ, а купеческой сынъ скричавъ: „стой, подомаръ, не ладно!“ и бросивъ руки свои въ перстятахъ на вертушку; подомаръ и провернувъ тоо рублевъ, провернувъ да и опознавъ перстята: „Ты, братецъ, укравъ у меня перстята, пойдемъ, гыгъ, на свидѣтельство домой.“ Вотъ онѣ и приходятъ; подомаръ отпираетъ семеры двери, а купеческой сынъ приотишатись да ищо бросивъ въ эту килью перстята. Отворивъ подомаръ семеры двери, да и кричитъ: „подомарница дома?“ — „А гдѣ-жо твоя подомарница, какъ не дома?“ отвѣтѣть та. — „Вотъ онъ укравъ у насть перстята, я видѣвъ на рукахъ у ево были, пойди-ко, подомарница, посмотри на комодѣ есть-ли, нѣть-ли перстята?“ Подомарница приноситъ ему перстята и называетъ: „Охъ, ты глупой подомаръ! да развѣ столько перстяточъ, ищо твои, а у людей разѣ нѣтъ?“ Подомаръ опѣть

прогнавъ купеческого сына, а самъ пошовъ въ лавку на вертушку. Кунеческой сыни приходя (sic.) въ эту килю къ бабушкѣ, а подомариня тутъ. „Ну, пойдемъ-жо, гыть подомариня, въ ту-жо комнату, гдѣ вчоръ почевали!“ Вотъ онъ и отправились, онъ тамъ опѣтъ почевали. Заутра она даетъ ему тресту^{*)}), „пойди-жо, гыть, къ подомарю на вертушку, какъ онъ вернеть,—ты трестой ищо махни на вертушку, да опѣтъ скрици: „стой, подомаръ, не ладно;“ онъ опѣтъ проверить тибѣ тоо рублевъ.“ —Идетъ кунеческой сыни по городу, подомаръ опѣтъ крицить изъ лавки: „иди, землякъ, вернемъ!“. Подомаръ вернувшись, а кунеческой сыни трестой махнувъ: „стой, гыть, подомаръ, не ладно!“ Вотъ подомаръ опѣтъ провернувшись тоо р. да и опознавъ тресту, ищо ево; опѣтъ и повезъ на свидѣтельство домой. Вотъ онъ отирается семеры двери, а кунеческой сыни пріотшативъ да и бросивъ эту тресту въ килю. Отнеръ подомаръ всѣ двери да и крицить: „Подомариня дома?“—„А гдѣ-жо, какъ не дома твоя подомариня? отвѣтѣть та.—„Вотъ онъ у меня, гыть, тресту укравъ, я опознаю, сходи-ко въ зало, стоять-ли тамъ треста, гдѣ поставлена?“ Подомариня приноситъ тресту да и

^{*)} Треста—трость.

говорить: „охъ, ты глупой подомаръ, да развѣ столько трестовъ, що у тебя у одново? ты ее купивъ да хваставъ, що осталисё опцо *) двѣ тресты...“ Онѣть вышли вонъ, подомаръ попновъ въ лафку на вертушку, а купеческой сынъ въ килю, а подомарница ужъ ждетъ ево. Ну, онять ушли онѣ въ тѣ-же комнаты, купеческой синъ опѣть ночевавъ съ подомарницей. Заутра подомарница даетъ ему подрясникъ подомаревъ и наказываетъ: „какъ подомаръ вернестъ, ты опѣть скрици: стой, подомаръ, не ладно! да полой подрясника ницо махни о вертушку, опѣть деньги твои будуть...“

Вотъ идетъ купеческой синъ по городу, а подомаръ кричитъ: „эй, землякъ, зайди, вернёмы!“ Онѣть онѣ вернули о стѣ рублевъ; лишь только вернувшись подомаръ, а купеческий синъ и скрицивъ: „стой, подомаръ, не ладно!“ и махнувъ полой подрясника,—вывернувъ тоо рублевъ. Подомаръ опѣть опознавъ подрясникъ, що ево и повель купеческого сына на свидѣтельство домой. Вотъ отирается семеры двери, а купеческой синъ опѣть бросивъ въ килю подрясникъ. Отнеръ подомаръ двери и кричитъ: „Подомарница! посмотри-ко скоряя дома-ли, иѣть-ли мой подрясникъ?“ Подо-

*) Опто—еще.

мариня принесла ему подрясникъ. Подомарь посмотря говорить: „Ну, я съ нимъ большие вертить не стану, онъ волиебникъ какой-то, все деньги у меня вывертишь!..“

Вотъ онѣ подомарь пошовъ въ лафку на вертушку, а купеческой сынъ въ килью, а подомариня ужъ ждеть ево. Вотъ онѣ ушли въ тѣ-же комнаты, подомариня и говоритъ: „Онъ съ тобой большие вертить не станетъ, волиебникомъ обзываешь; ты пойди-же къ ему въ лафку да и скажи, що вотъ, подомарь; у начъ съ тобой тонерь дѣло знакомое, ты жони меня! Онъ тогда поперебираетъ невѣсть да и скажетъ: эка, пэр, да гдѣ-же мнѣ невѣсту взять тибѣ? А ты и скажи: а вотъ, подомарь, за дворомъ-то у тебя килья есть, я видѣвъ тутъ дѣвка хоронная есть, сватай-ко ес, не отадутъ-ли за меня? Онъ скажетъ онѣ тибѣ, що идти тутъ дѣвки, а ты скажи що есть, видѣвъ я; онъ на то скажетъ: ужо, я спрошу у подомарини, есть-ли, иѣтъ?“

Вотъ купеческой сынъ, какъ было сказано, такъ и сѣлавъ. Подомарь приходитъ изъ лафки домой и спрашивается у подомарини: „миѣ сто рублей денегъ даетъ этотъ землякъ, съ которымъ вертили на вертушкѣ, кабы, гыть, меня жонивъ, а посыпаетъ сва-

татес въ килью этамтѣ^{*)}), во дворѣ-то...
Цо-жо, подомарія, я не видать тутъ дѣвки?
Я хочу спросить у тебя: есть-ли нѣть дѣв-
ка?“ А подомарія и говорить ему: „а
много-ли у тебя подомарію-то видали люди?
такъ столько и ты видавъ дѣвку!“ Вотъ по-
домаръ и поповъ свататс въ эту килью и
спрашиваетъ онъ у бабушки: „есть-ли нѣть
у тя дѣвка? Я у тебя, гыгъ, не видавъ?
Бабушка ему отвѣтѣтъ: „а много-ли у тебя
подомарію видали?—столько и ты видавъ
мою невѣсту!“ Вотъ подомаръ и высоватавъ
у килейнци невѣсту, поповъ къ священ-
нику на уговорку—когда винѣтъ? Занла-
тивъ внередь и за винѣбѣе, условивсѧ, что
отъ винїя столы производить у иона. Но-
томъ сходивъ за женихомъ и попали въ эту
килью по невѣсту и выводить бабушка не-
вѣсту за столъ, а подомаръ глядитъ на эту
невѣсту да думаетъ: „какъ моя подомарія,
и ростомъ, и лицемъ, и оклажемъ.“ Вотъ
изъ кильи и въ церкву попали, повинѣбѣлисё,
потомъ къ иону, столы производить. Ну, и
що было добро, и штия, и кушанья, и
напитковъ разныхъ! но подомаръ не можетъ
не пить, не есть: „совсѣмъ моя подомарія,“
думаетъ. Столы произвели, молодыхъ свели
къ бабушкѣ въ килью. Приходитъ подомаръ

^{*)} Этамтѣ--тамъ-то.

домой, отираясь семеры двери у себя и кричать зыцьно: „подомария дома-ли?“ Слышишь: „А гдѣ-жо, какъ не дома?“ Вотъ онъ и ставъ рассказывать подомаринѣ про все: „вотъ ишо, подомария, меня изъ ума выбивать стало, будто я тебя отдалъ взамужъ; совсѣмъ ты: и ростомъ, и лицемъ, и волосомъ — вся ты! Я не могъ не пить, не могъ не есть, а цѣ было добреньково за столами-тѣ!.. Ну, слава Богу, хоть ты дома... Иныи и есть стану, и пить стану; исси напитковъ и закусковъ, — сердце на мистѣ иныи...“ Вотъ онъ напившись и пѣвшись, легъ спать и заснувъ самымъ крѣпкимъ сномъ, пьяной, а у молодыхъ ужъ занасъ сѣлаша, корабль купленъ, изъ лафки товары скрутили въ корабль, а она и деньги всѣ взяла съ собой. Вотъ онѣ и отправились всѣ на корабль, входъ свои пустили, пошли на свою сторону. Подомаръ проснувшись и кричать свою подомариню: „дома-ли подомария?“ — отвѣтѣла иѣть. Вотъ онъ тутъ и додѣдавшись, ишо отдавъ взамужъ свою подомариню; принесъ въ лафку свою — ничего пѣть, обрада подомариня все, и деньги, и товары. Подомаръ не могъ стерпѣть этого горя, зелья хлебнувъ — и умеръ...

XVII.

О́ма Беренниковъ.

тъ ивкоторомъ царствъ-государствъ жилъ-былъ мужикъ О́мка Беренниковъ — такой сильной да дородной, что если пролетить мимо воробей да зацепится его крыломъ, такъ онъ и съ ногъ свалится! Илохо ему на бѣломъ свѣтѣ, всѣ его обижаютъ, и вздумаютъ онъ: „дай пойду, уточлюся съ горя“! подходитъ къ болоту; увидали его лягушки и прыгнули въ воду. „Постой! думаетъ О́мка, не стану тошниться; и меня поди боятся“! Воротился домой, сталь на пашню сбираться; а лошадёнка у него была дрянная, на работѣ замученная; патёро ей хомутомъ шею до крови и облѣпили ее слѣни да мухи видимо-невидимо. О́ма подонешь, какъ ударить ладонью—однимъ махомъ сто побивахомъ! и говоритъ: „охъ, да я самъ богатырь! не хочу пахать, хочу воевать!“ Сосѣди надѣнить смѣются: „куда тебѣ, дураку, воевать; тебѣ въ пору синицамъ кормъ давать!“ Ни тутъ-то было, назвался О́мка богатыремъ, взялъ туницу и косарь, чтõ лучину скнаютъ, надѣясь на себя старой кафтандъ да высокой

яломокъ, сѣть на свою клячу и побѣхаль въ чистое поле ступю бредучею. Въ чистомъ полѣ врыть въ землю столбъ и написать на немъ: „Іду сражаться въ иные города—однимъ махомъ сто побивахомъ!“ Только что успѣхъ отъѣхать съ мѣста, прискакали къ столбу два могучихъ богатыря, прочитали надпись и говорятъ: „что за богатырь такой! куда онъ побѣхалъ? скону молодецкаго не слышно, слѣду богатырскаго не видно!“ Кинулись за нимъ по дорогѣ; увидавъ ихъ юмка и спрашиваетъ: „вы кто таковы?—Миръ тебѣ, добрый человѣкъ! Мы—сильно-могучіе богатыри. „А по скольку головъ сразу рубите?“ Одинъ говоритъ: по пяти, другой: по десятку. „Какіе-жъ вы сильно-могучіе богатыри? вы просто дрянь! вотъ я такой богатырь; однимъ махомъ сто побивахомъ!“—Приими насть въ товарищи, будь памъ старшій братъ. „Пожалуй, говоритъ юмка; побѣжжайте сзади.“ Пристроились къ нему сильно-могучіе богатыри и отиравились все вмѣстѣ въ заповѣдные луга царскіе. Прѣѣхали, сами легли отдохнуть взять, а лопатей пустили полкову траву щинить. Долго ли, коротко ли—скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, усмотрѣть ихъ царь: „что, говоритъ, за невѣжніи такие въ моихъ лугахъ прохладжаются! доселѣва тутъ ни

звѣрь не прорыскивалъ, ни итица не пролетывала, а теперь гости пожаловали!“ Сейчасъ собрать войско великое, и даетъ приказъ очистить свои луга заповѣдны. Идетъ сила-ратъ несмѣтная; увидали могучіе богатыри, доложили про то названному старшему брату, а онъ имъ въ отвѣтъ: „ступайтека, перевѣдайтесь, а я посмотрю—какова ваша храбрость есть?“ Вотъ они сѣли на своихъ богатырскихъ коней, пропустили ихъ на войско вражеское, полетѣли, какъ ясные соколы на стадо голубей, притонтали, прирубили всѣхъ до единаго. Дѣло-то не ладно! думаетъ царь; опять собираетъ войско великое, чуть ни вдвое большее прежняго, а впереди всего войска посылаетъ сплача-великанъ: голова чтѣ пивной котель, лобъ чтѣ твоя заслонка, а самъ чтѣ гора! Сѣялъ Омка на свою клячу, выѣхалъ на встрѣчу и говоритъ великанию: „ты—сильно-могучій богатырь, и я—таковъ же! Ни честь, ни хвала будетъ намъ, добрымъ мѣлодцамъ, коли станемъ сражаться не поздоровавшись! Наперѣдъ надо другъ другу поклонъ отдать, а потомъ и въ бой вступать.“ — Ладно! отвѣчаетъ великаний. Разыѣхались они и стали кланяться. Пока великаний наклонилъ свою голову, прошло полчаса времени; а другое полчаса надо, чтобы поднять ее. Ома малъ да удалъ, не

захотѣть дожидаться, хватить косаремъ разъ-другой, и полетѣла голова съ плечъ-долой. Войско дрогнуло и разсыпалось въ разныя стороны; а Ѳома взбрался на боятырскаго коня, давай нагонять да конемъ тоштать. Нечего дѣлать, покорился царь; послать звать сеѣъ сильномогучаго боятыря Ѳому Беренникова и двухъ меньшихъ его братьевъ. Угостили ихъ, учествовалъ на славу, выдалъ за Ѳомку дочь свою царевну и далъ полцарство въ приданое.

Долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается—подстуپаетъ подъ то царство басурманской король съ силами несмѣтными, требуетъ дани-окупу великаго. Не захотѣть, царь платить дани-окупу великаго, нарядилъ свое войско храброе, поставилъ зятя начальникомъ, и накрѣпко приказалъ, чтобы всѣ на Ѳомку смотрѣли: чтò онъ станеть дѣлать, и они-бѣ тоже дѣлали. Снялся Ѳомка и побѣхать сражаться. Бѣдетъ онъ лѣсомъ, войско за нимъ. Онъ срубитъ себѣ березку, и солдаты срубили себѣ по березкѣ. Пришли къ глубокой рѣкѣ—мосту нѣть, а обходу двѣсти вёрстъ; Ѳомка бросить свою березку въ воду, и солдаты побросали свои туда-же, запрудили рѣку и перенесли на другую сторону. Басурманской король засѣть въ

крѣпкомъ городѣ. Ѹомка остановился передъ тѣмъ городомъ, развелъ костёръ, раздѣлъся весь до-гола—сидѣть да грѣется; солдаты увидали, тотчасъ-же насбирали хворосту, нарубили полѣньевъ, и запалили костры по всему чистому полю. „Закусить бы надо!“ сказалъ Ѹомка Беренниковъ, вытащилъ изъ сумки здобную лепешку и сталъ упинывать. Откуда ни возьмись—прибѣжала собака, вырвала лепешку и давай Богъ ноги! Ѹомка ухватилъ горячую головенку, и какъ бытъ голой—такъ и пустился за нею: во всю прыть бѣжитъ да во все горло кричитъ: „держите! держите!“ Глядя на него, и солдаты сидѣли у огня голые, а тутъ повсюду кидали, похватали горячія головенки и побѣжали вслѣдъ за нимъ. Собака-то была королевская, бросилась прямо въ городъ да во дворецъ; Ѹомка за собакою, солдаты за Ѹомкою: все, чтѣ ни попадетъ подъ руку, жгутъ и палятъ безъ пощады. Поднялась въ городѣ суматоха; король не знать—что дѣлать съ испугу, сталъ просить замиренія.

XVIII.

Маленькой дитинушка, зелененькой. *)

было во славномъ во городѣ въ Кіевѣ, у князя было у Владимира, у сво заводилось пиро-ваньицѣ, токо цестёнъ-поце-стенъ пиръ-отъ радоцёнъ (радо-стенъ), и вѣ на пиру напи-валисё, и вѣ на пиру наѣдалисё, и вѣ на пиру порасхвасталисё. Глуной-ѣть похваставъ доброй женой, разумной похва-ставъ златой казной; и сидитъ тутъ маленькой дитинушка, зелененькой, онъ похваставъ да добрымъ конёмъ. Тутъ и говорить кніязь Владимиrtle: „есжели у тебя такой конь, то наложу на тебя службу: и съизди ты во далецѣ-далеци, во чистыя во полошка, въ угоморынци¹⁾ зеленые, привези ты миѣ таково человѣка, що бы онъ зналъ думу царскую, думу государскую“. Вотъ и понили всѣ по домамъ съ пиру веселово, и дитинушка пошовъ домой и повисивъ свою буйную голову ниже могучихъ илецъ. Отецъ и мать ево встріяли и такія риці ему говорили: „что-же пане цядо милое, дитя любимое, всѣ идутъ съ пиру веселые, а ты

¹⁾ Угоморынци—заливныя луга.

идешь не весель, свою голову повисивъ?
Онъ и говорить имъ таковы слова: какъ-жо
мнѣ, батюнко и матушка веселитцѣ, ча-
кинувъ на меня князь службу не легкую—
тяжолую: приказавъ мнѣ съездить во далѣцъ—
далёци, во полюнка во чистыя, во луга
зеленые и найти таково человѣка, чтобы
знавъ думу царскую, думу государскую".

Обсѣдлавъ, обуздавъ своеvo добра коня
и побѣхавъ маленькой дитинушка, зелененькой.
Вотъ онъ сутки идетъ^{*)}, другія идетъ и
третій идетъ—конь притомивсе и самъ йисть
захотѣвъ, и наѣхалъ онъ на рать силу
великую и силу побитую, и столько силы
побито, что цорному ворону въ сутки не
облитить, а доброму молодцу на конѣ не
обѣхать. И издинъ онъ въ этой силѣ и
нашовъ живово человѣка, у жива человѣка
онъ и спрашивается: „кто это силу билъ и
губивъ?“—„Это Иванъ русской богатырь!“—
„За что онъ ее билъ и убивъ?“—„А за то онъ
билъ и убивъ, ито надоть (ему) у нашово ко-
роля женитцѣ, насилино взять взамужество
доць, она доброй волей нейдетъ за нево и отецъ
не отдаетъ; вотъ за то самое онъ силу и
беть“. Вотъ и побѣхавъ дитинуника отъ той
силы процы, и сутки ъхавъ, и другія ъхавъ,
и третіе ъхавъ, и наѣхавъ на рать силу

^{*)} Это слово понимать надо „ѣдетъ“.

великую, силу побитую; цорному ворону эту силу не облитите, доброму молодцу на конѣ въ сутки не обѣхати,—столько набито силы!

Вотъ онъ нашовъ опѣть жива целовѣка и спрашивается жива целовѣка: „кто эту силу билъ и губивъ?“ Въ отвѣтъ сказавъ живъ целовѣкъ, ишо эту силу билъ и губивъ Иванъ русской богатырь“.—За что онъ се билъ и губивъ?—„А за то онъ бѣсть и губитъ, што надо у нашево короля неволей взять прекрасную королевну взамужество, она доброй волей за сво исидеть и отецъ не отдаетъ“.

Вотъ опѣть маленькой дитинушка, зелененькой йдетъ сутки, другія и третіё, и наѣзжаетъ онъ на рать силу великую, силу побитую, и увидѣвъ въ цистомъ полѣ стоять бѣлополотняной шатёръ, у этого шатра стоитъ столбъ, а у этого столба видигъ золотое кольцо, къ этому кольцу привязанъ доброй конь и разослана бѣлая повѣсть *) и надавано бѣлоярыя писеници. Маленькой дитинушкѣ, зелененькой слезавъ съ добра коня и припушдавъ къ одному корму, и отбивъ ево конь Ивана русского богатыря коня отъ тово корму, и маленьково дитинушки конь зоблѣгъ бѣлоярую писеницу,

*) Повѣсть—скатанный изъ шерсти коверъ.

а Ивана русского богатыря конь ходить по зеленымъ лужкамъ и пилеть травку зеленую. Заходивъ дитинуника во бѣль шатель, во бѣломъ шатре Иванъ русской богатырь спить своимъ богатырскимъ сномъ, и увидявъ маленькой дитинуника зелененькой бочку бѣлодубову со пьянымъ питьёмъ, съ зеленымъ виномъ, и на этой бочкѣ опружена^{*)} цяпка золоцёная, и на этой цяпкѣ надпись надписана: „эта цяпка полтора ведра“; онъ первую цяпку нацѣживалъ, на похмельицѣ выкупивалъ, и другую цяпку нацѣживалъ, на здравицѣ выкупивалъ, и третью цяпку нацѣживалъ—на безумицѣ выкупивалъ, и выпило питья пол-пята ведра. И стала дитинуника пьянымъ хмелёнъ, и росколовъ онъ бочку бѣлодубову со пьянымъ питьёмъ, съ зеленымъ виномъ, и расшибъ онъ цяпку золоцёную, и прибивъ онъ пригубивъ столы бѣлодубовы со ъствами со сахарными и со напитками пьяными, и росколовъ онъ икону Спасову, притупивъ свищи воску ярово, самъ спать повалисё.

Тутъ пробуждавше Иванъ русской богатырь, самъ себѣ удивляется: что это такое за безумицѣ наѣхало? пропустивъ своею коня къ моему корму, расколовъ у меня бочку бѣлодубову со пьянымъ виномъ, раз-

^{*)} Опружена—опрокинута, повернута вверхъ дномъ.

спибъ цяшу золоцёную, пригубивъ столы бѣлодубовы съ ъдою сахарнею и напитками пьяными, прикововъ всѣ иконы Спасовы и притушивъ свици воску ярово, и зазнявъ*) онъ саблю вострую и ладитъ ему 'отсикци ево буйну голову, самъ да пораздумавсе: „сонново убить все одно, што мертвово, всяко отъ моихъ рукъ не уйдётъ“!..

И проснувсё тутъ маленькой дитинушка зелененькой и сѣвъ на постелюшку: „Ахъ, Иванъ русской богатырь! я теперь у тебя въ гостяхъ,—нагой меня“... Тотъ на отвѣтъ ему сказалъ: „не стоишь ты меня, што я тебя стану поить“. „Какъ-жо не стою, по крайной мірѣ я у тебя гость“!—„Да ты таковъ гость, што въ цистомъ полѣ кость; ты нечево богатырь не стоишь“... А онъ ему сказавъ въ отвѣтъ таковы слова: „а ты въ своеемъ шатрѣ богатырь, а въ цистомъ полѣ пёсь“! И видить Иванъ, што невидимая бѣла наѣхала на бѣлъ-шатёръ, и бралъ онъ цяшу и церпалъ воды и подносить ему напитьсе. Вотъ онѣ тутъ попили, поили, и попили два богатыря въ цистое поле другъ у дружки силы пробовать.

И маленький дитинушка зелененький поѣхавъ ступью бредуцею, Иванъ русской богатырь во всю прыть лошадиную, и разъ-

*) Зазнявъ—поднялъ, замахнулъся.

ѣхались онѣ на одну версту, и съѣхались въ одно мѣсто и другъ дружку ударили, а больно не ранили, и разѣхались онѣ на двѣ версты, и съѣхались опять въ одно мѣсто, другъ дружку ударили, а больно не ранили. Третій разъ онѣ разѣхались на три версты, съѣхались въ одно мѣсто, и маленькой дитинушка зелененькой вышибъ руссково богатыря изъ сѣдла вонъ и ево конь приступилъ Ивана руссково богатыря на доснѣпной ожерѣлокъ. Вотъ и говоритъ маленькой дитинушка зелененькой таковы слова: „подсоби Богъ заколоть Ивана русскаго богатыря тупымъ концомъ“ (копнѣ), а вострымъ и начинать нецеvo, и спрашивалъ, у'ево: цево ты хоцѣшь, смерти али живота“?— „Ахъ, ты, говоритъ, маленькой дитинушко! у насъ съ тобой прежде браны не было и впредь болыше не будетъ“. И слезавъ маленькой дитинушка, зелененькой со своею добра коня и бравъ за бѣлые руки Ивана руссково богатыря, становилъ на свои рѣзы ноги, целовалъ во уста во сахарнія, и назвались онѣ тутъ братьями, и маленькой дитинушка зелененькой болышимъ братомъ, а Иванъ русской богатырь менышимъ братомъ, и прїѣзжаютъ онѣ во бѣль шатерь полотняной, и стали тутъ и пить, и йинстъ, и веселитсѧ.

Вотъ и поѣхавъ Иванъ русской богатырь къ королю жонітсё и пригласивъ съ собою брата маленьково дитинушку зеленецкovo въ поѣздъ, и встрѣтивъ ихъ король, какъ добрыхъ людей, и тутъ онъ у ево пировали цѣныя сутки. Вотъ Иванъ русской богатыри жонивсе у этого короля, а маленькой дитинушка и спрашивавшъ короля; не знаетъ ли онъ таково целовѣка, и чтобы знать думу царскую, думу государскую? Король наповъ таково целовѣка изъ-подъ знамени, изъ-подъ красново, и этотъ целовѣкъ знаетъ думу царскую.

Маленький дитинушка зеленецкой бравъ это во целовѣка съ собой и привозитъ ко князю Владиміру. „Ну говорить Владиміръ, — ты мнѣ службу выслуживъ и дружбу удерживъ, и бери ты у меня за эту дружбу и городовъ и пригородковъ и разныхъ губернъ!.. Онъ не обзавидовавъ не цему, не городамъ, не пригородкамъ, не разнымъ губернямъ. Была у князя Владимира прекрасная доць, королевна, вотъ онъ и говорить Владиміру: „отдай ты ее вза-
мужество за меня, а подъ-послѣдъ смерти сдай ты мнѣ свое мѣсто.

Тутъ князь Владиміръ подпишаевшъ, что отдаю за ево доць, и подъ послѣдъ смерти сдавъ свое королевство зятю...

(Записана со словъ кр-на Астафія Матушкина изъ д. Горы въ Пирыхановѣ).

XIX.

Два брата и сестра.

или при озерѣ два брата. У нихъ была одна только сестра, и они, уходя куда-нибудь изъ дома, оставляли ей всегда и дровъ и воды, чтобы она не выходила изъ дома и чтобъ, такимъ образомъ, кто-нибудь, увидавъ, не похитилъ ее. Разъ они пошли и почему-то не оставили ей ни дровъ, ни воды. Дѣвушка пошла на озеро за водой: изъ озера вышелъ человѣкъ, схватилъ ее и увлекъ къ себѣ. Братья воротились и уви-дали, что сестры нѣтъ. Пошли они къ озеру напили линь одно ведро, а сестры, сколько ни искали, найти не могли; они и кричали и звали ее, наконецъ сказали: „вѣрно ута-щили ее“. Имъ было жаль сестры и они стали думать, какъ-бы вернуть ее обратно къ себѣ. Они нарубили березовыхъ вѣтвей и сплели изъ него колыцами веревку; рабо-тали они такъ семь лѣтъ, и когда сдѣлали веревку, то одинъ изъ братьевъ (младшій) спустился по ней въ озеро; прежде чѣмъ спускаться, онъ сказаъ брату: „ты теперь меня спусти въ воду и до тѣхъ поръ не

тяни веревки обратно, пока я не начну дергать ее — тогда чи тяни.“ Спустившись черезъ воду до дна, онъ привязалъ веревку къ камню, а самъ пошелъ искать сестру. Пробилъ онъ не очень много — увидать избу. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ: „избушка, повернись оконками къ лѣсу, а ко мнѣ дверью (пиртъ ергаль мятца іїнѣй, муу гаръ мунне и сей“). Какъ только онъ это сказалъ, такъ избушка повернулась, и онъ увидѣлъ дверь. Отворилъ дверь, вошелъ въ избушку, видѣлъ въ ней сидѣть старуха. Старуха и говорить: „вотъ ко мнѣ мясо принесло.“ Онъ и говорить: „это мясо неводно — худо: я иду издалека, голодный и у меня только одно костье осталось. Лучше будь добра: скажи, не знаешь ли моей сестры, кто ее сюда взялъ — вотъ уже восьмой годъ.“ „Я не знаю, — говоритъ старуха, — у меня есть меньшая сестра — она живетъ дальше — она скорѣе это знаетъ.“ Онъ и говоритъ: „какъ я ее могу найти?“ „Я тебѣ опаса (проводника) дамъ; а теперь пока, коли ты голоденъ, садись и ёшь, и что дамъ, съѣдѣшь все“. Она дала ему иолевини. Онъ сѣлъ и стала ёсть, но всего съѣсть не могъ. У него было на рукахъ кольцо, онъ снялъ его и бросилъ на полъ — кольцо зазвѣнѣло; собака, бывшая въ избѣ, залаяла, и старуха

вышла на улицу посмотреть, не было ли кого. Въ это время онъ мясо припряталъ подальше въ уголъ, и когда старуха воротилась, у него уже ничего не было. Она и спрашивается: „Что, неужели все съѣдѣлъ?“ „Да, говоритъ, благодарю.“ „Ну вотъ возьми опаса,“ говоритъ старуха и дала ему клубокъ шерсти, „брось на землю, какъ выйдешь изъ избы: куда онъ покатится, туда и ты иди.“ Взялъ его, поблагодарилъ, простился и пошелъ. Бросилъ клубокъ, какъ ему велѣла старуха; онъ покатился; лопарь и пошелъ за нимъ. Пронесъ онъ довольно далеко и опять увидалъ избушку. Подошелъ къ ней и сказалъ то-же, что и передъ первой и она повернулась къ нему дверями. Зашелъ онъ въ избу и увидалъ женку среднихъ лѣтъ. Она языкомъ своимъ подметала полъ, а руками изъ печки безъ всякой лопаты тянула хлѣбы. Увидя его женка сказала: „вотъ ко мнѣ и мясо идетъ.“ „Отъ мяса, тетушка, говоритъ онъ, сыта не будешь; я чуть съ голода не умеръ, да благодаренъ твоей сестрѣ—накормила меня, вотъ и дошелъ такъ, а не было на дорогѣ-бы умеръ. Ты лучше скажи мнѣ, не знаешь-ли моей сестры? Ее кто-то взялъ, вотъ уже восьмой годъ.“ Женка посмотрѣла на него и говоритъ: „такъ и быть, помогу тебѣ:

вотъ, возьми этотъ клубокъ шерсти, брось
его на улицѣ, и куда онъ покатиться, туда
и ты иди. Ты придешь съ нимъ къ моей
старшей сестрѣ; вотъ у ней-то и можешь
узнать про свою сестру." Поблагодарила ее
лонкарь и поспѣлъ куда клубокъ повезть.
Дошелъ онъ до третьей избушки. Опять
сказалъ: "избушка, повернись къ лѣсу ок-
нами, а ко мнѣ дверьми." Она повернулась,
онъ вошелъ въ избу: видитъ сидитъ старая,
престарая старуха. Онъ поздоровался и по-
клонился ей. Старуха на это ничего не от-
вѣтила, а сказала: "вотъ ко мнѣ мясо само
пришло." „Бабушка, мое мясо не годно.
Едва я въ дальней дорогѣ не умеръ, да на-
кормила меня твоя сестра; вотъ благодаря
ей и другой твоей сестрѣ я и пришелъ
сюда. Будь лучшее добра ко мнѣ; скажи, не
знаешь-ли, гдѣ моя сестра живетъ, у кого:
ее взялъ кто-то, вотъ уже восьмой годъ."
„Ну ты голодный, говорить старуха, са-
дись-же сперва щинь и положила ему пол-
свины. Какъ все съѣли, скажу гдѣ твоя
сестра и дамъ тебѣ опаса." Сѣлъ лонкарь и
сталъ ждать. Увидѣла опять, что всего ему
не съѣсть. Снялъ съ пальца кольцо, опу-
стилъ его на полъ; оно зазвенѣло, и собака
залаяла. Старуха вышла nosмотрѣть, нѣтъ-ли
кого, а онъ въ это время остатки припря-

тать. Вернулась старуха: видить что ничего нѣть и говорить: „Ну, что все съѣль?“ „Все, говорить, благодарю.“ Ложись теперь и отдохни, а завтра поѣдешь къ сестрѣ. Онъ легъ и заснуль. Проснулся уже утромъ! Старуха ему, и говорить: „иди теперь направо отъ избы: тамъ увидишь лошадей; которую первую увидишь, на той и ибѣзжай къ сестрѣ.“ Онъ пошелъ и не далеко отъ избушки увидалъ лошадь очень маленькую, мало и похожую на лошадь. Онъ схватилъ было ее, посмотрѣлъ и подумалъ: „далеко-ли на ней уѣду: ее саму нужно тянуть, да старуха велѣла — поведу.“ Лошадь зауиря-милась, и онъ отпустилъ ее. Въ это-же время онъ увидалъ и другую большую лошадь; она ему понравилась; схватилъ ее и повель къ избѣ. Привель и вошелъ въ избу. Старуха и спрашиваетъ: „что привель?“ „Привель,“ говорить. Она вышла посмотреть и когда увидала первого большаго коня спро-сила: „Этого-то ты взялъ, развѣ онъ первый тебѣ поиился?“ „Нѣть,“ говорить, первый маленький: онъ мнѣ не понравился. Куда я на немъ поѣду — самому нужно будеть тянуть его, да онъ еще и зауирялся, я и спустилъ его. Этого увидалъ и взялъ. „Взялъ, теперь дѣла пока не поправить. Поѣзжай, но не быть тебѣ живому.“ Сѣль

онъ на коня и побѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени увидалъ онъ избу; около избы играютъ три парня. Ребята и закричали: „мать, дядя ъдетъ, дядя!“ Она и кричитъ имъ изъ избы: „откуда вы взяли дядю? Сюда мало кто отъ насть пріѣзжаетъ.“ Посмотрѣла однако въ окно и увидала брата. Вышла на встрѣчу ему, поздоровалась, позвала въ избѣ. Дала ему поскорѣй побѣсть и говоритъ: „ѣши скорѣй и побѣзжай, иначе мой мужъ тебя убьетъ.“ Онъ побѣль и побѣхалъ обратно. Стало-сталъ, мужъ сестры, вскорѣ послѣ его отѣзда вернулся домой. Дѣти и говорятъ ему: „у насть здѣсь дядя былъ.“ „Какой дядя?“ „Матери братъ.“ Онъ сей-часъ у жены спросилъ: „давно-ли онъ уѣхалъ?“ Дѣти и закричали: „недавно.“ „А какой конь былъ и чей?“ „Конь былъ старухинъ, на которомъ она возитъ воду.“ „Ну, этотъ ничего не стоитъ.“ Сказавъ это, онъ сейчасъ-же побѣжалъ, догналъ лопаря и убилъ его. Послѣ этого онъ пришелъ домой, а лопадь старухина къ ней прибѣжала. Старуха увидавъ коня, отправилась искать лопаря и нашла его; она сломала три свѣжихъ березовыхъ прута, ударила ими по лопарю—онъ помчевеллся; ударила другой разъ—онъ сѣлъ; ударила третій разъ—онъ всталъ на ноги и говоритъ: „какъ я долго

спасть." „Да еще лошадь-бы спать и вовсе-бы даже не всталъ, еслибъ не я. Найдемъ теперь ко мнѣ: тамъ дѣло какъ нибудь исправимъ." Пришли къ старухѣ; она опять послала его за лошадью и посовѣтовала ему взять маленькую. Онъ опять схватилъ маленькаго коня, но тотъ зауирялся, и онъ увидѣлъ бѣлаго большаго коня, отпустивъ маленькаго и привелъ бѣлаго. Старуха вышла, увидала, что онъ привелъ не маленькаго коня, опять сказала ему: „не будешь ты живъ и на этомъ конѣ." Онъ сѣлъ на коня и побѣжалъ; приѣхалъ къ дому сестры; ребята опять закричали матери: „дядя Ѣдетъ, дядя." „Какой дядя, ванъ отецъ убилъ его. Дядя больше не приѣдетъ." Посмотрѣла въ окно, увидала брата. Накормила его поскорѣй и приказала скорѣе уѣзжать. Какъ только онъ уѣхалъ, принесъ Сталло-сталь; дети опять сказали ему: „у насъ дядя былъ." „Какой дядя былъ?" „Да тотъ-же самый, который вчера былъ." „Давно-ли онъ былъ и на какомъ конѣ приѣзжалъ?" „Конь былъ бабкинъ, на которомъ она дрова возитъ." Побѣжалъ, догналъ лопаря, убилъ его и принесъ домой, а лошадь опять приѣзжала къ старухѣ. Старуха отыскала лопаря, ударила его три раза березовыми прутьями; послѣ третьаго удара онъ всталъ и говорить:

„долго я проспать оиять.“ „Да, спаль-бы и еще, если-бы не я.“ Онь поблагодарила ее и они вмѣстѣ вернулись; она оиять послала его за лошадью и приказала ему взять не-премѣнно маленькаго коня, „а иначе тебѣ никакой помощи не будетъ отъ меня.“ Ло-шарь пошелъ и привезъ маленькую лошадь. Старуха выцѣла, посмотрѣла и сказала: „вотъ давно-бы такъ сѣхалъ, тогда и сестра бы-ла-бы уже у тебя.“ Она дала ему еще двѣ собаки и приказала бросить имъ, когда пойдетъ обратно, два хлѣба; а собакъ онь должна была оставить на полдорогѣ. Ло-шарь сѣлъ на лошадь и побѣжалъ: собаки за-нимъ побѣжали; на полдорогѣ онь ихъ оста-вила. Прѣѣхалъ къ дому сестры; ребята оиять закричали: „дядя Ѵдеть дядя.“ „Какой дядя: отецъ ванъ убить его; разѣвъ онь самъ Ѵдеть.“ Помирѣла въ окно, увидела брата, привела его въ избу, накормила и приказала Ѵхать скорѣй обратно; въ противномъ слу-чаѣ ни ему, ни ей не остатся въ живыхъ. Онь уѣхала; тотчасъ по уходѣ его принесъ Сталло-сталъ. Дѣти оиять закричали: „у насъ дядя быагъ.“ Онь посмотрѣла на нихъ сер-дито и спросила: „Давно-ли?“ „Недавно.“ „А на какомъ конѣ онь прїѣзжала?“ „Конь у него быть бабкинъ и очень маленький.“ „Какой?“ „Очень, очень маленький.“ „Ну,

и я, этого коня, должно быть не знаю.“ Онъ побѣжалъ въ погоно. Лопарь на маленькой лошади скакеть словно птица, но Сталло-сталь начать его ионемногу догонять и закричать ему: „Подожди, вмѣстѣ поѣдемъ!“ Тотъ немного подождалъ, а какъ только Сталло-сталь приближался, гналь еще скорѣе. Такъ онъ дѣжалъ до трехъ разъ. Наконецъ дѣжалъ и до мѣста, где онъ оставилъ собакъ; одна стоитъ на одной сторонѣ дороги, другая на — другой. Бросить онъ имъ хлѣба, тѣ схватили и сѣли. Добѣжалъ до нихъ Сталло-сталь; собаки схватили его, разорвали на двѣ части и стали его есть. Лопарь повернуль и побѣжалъ обратно къ сестрѣ. Ребята опять закричали: „дядя єдетъ, дядя?“ Мать на нихъ заворчала; „їдетъ отецъ“ говорить, а вы меня дразните.“ Посмотрѣла въ окно, увидала брата и удивилась. Онъ вошелъ въ избу и говоритъ: „довольно тебѣ мучиться; собирайся и поѣдемъ домой.“ Положила она всѣ свои пожитки въ ящики,— тѣ пожитки которые получше, а что похуже было, то оставила. Іѣтей рѣшили убить. Убили двухъ, а третій — старій — сказалъ: „не убивайте меня, возьмите съ собой: я пригожусь вамъ.“ Его оставили въ живыхъ и всѣ втроемъ побѣхали. Добѣхали до старажи, отдали ей коня и пошли пѣникомъ.

домой. Или они долго, наконец, дошли до озера. Нужно было его перебхать, потому, что обходить было далеко. Стали искать, на чём бы перебхать и увидели жестёзный карбась, полный водой. Сынъ и сказалъ: „у меня прежде отецъ поднимать карбась немцого къ верху и вода убѣгала.“ Лопарь взять карбась за корму, а племянникъ его за лошь: немного приподняли карбась и воды не стало. Сели въ карбась, перебхали черезъ озеро и пошли дальше. Черезъ не сколько времени пришли къ рѣкѣ, где карбаса не было; они не знали, какъ переправиться. Сынъ Сталло-стала онять сказаъ: „у меня отецъ быть, такъ онъ вырубить двѣ чурки—бревна, поставить ихъ на край рѣки и спустить. Онъ и надуть другимъ концемъ на другую сторону; но nimъ онъ и переходи.“ Сделали такъ и пересели. Наконецъ дошли они до веревки. Лопарь отвязать ее отъ камня; привязать къ веревкѣ сестру, потомъ ящики, потомъ себя, потомъ парня. Стали за веревку дергать и ихъ потянули на верхъ. Вытянула старший братъ сперва сестру и спросилъ у неё: „кто тамъ еще?“ „Ящики.“ Вытянула и ящики: взяли и его. „Еще кто?“ „Братъ.“ Вытянула и его. „А тамъ еще кто?“ „Сынъ сестры.“ „Нетъ его не надо, это родъ Сталло-стала

и можетъ намъ вредъ принести.“ Веревку перерѣзали и онъ пошелъ ко дну. Братья съ сестрой зажили очень хорошо, и она рада была, что избавилась отъ сына, такъ какъ онъ ее часто билъ.

Сынъ, оставившись подъ землей пошелъ куда глаза глядятъ. Шелъ онъ, шелъ, увидалъ оленей. Подошелъ къ нимъ, стала звать людей, но никого не было; стала смотрѣть—увидѣла кережу. Онъ схватилъ оленя, запрегъ его въ кережу и побѣжалъ не правя. Олеинъ щахъ, щахъ и на встрѣчу сыну Сталло-стала попался человѣкъ; человѣкъ этотъ и спросилъ: „куда ты побѣжалъ.“ „Самъ не знаю куда,“ говорить и рассказалъ, какъ онъ нашелъ оленей и побѣжалъ. Человѣкъ удивился этому и стала звать его къ себѣ въ работники. Онъ согласился, „для меня все равно жить: гдѣ нибудь да надобно.“ Побѣжали они вдвоемъ въ кережѣ; щахали долго—наконецъ увидали, что щедетъ лошадь. Остановились и стали разговаривать. Лошадь оказался младшимъ братомъ спасенной сестры; онъ узналъ парня, а тотъ не узналъ его. Лошадь и стала просить этого человѣка, чтобы онъ уступилъ ему парня въ работники. Тотъ и говорить: „я взялъ его не оттого, что мнѣ нуженъ, а потому что ему все равно гдѣ жить, лишь бы у мѣста.“

Вотъ парень и поѣхалъ съ нимъ. Пріѣхали домой и парень узналъ свою мать. Съ нимъ съ виду обходились хорошо, но въ дѣйствительности братья хотѣлось его убить. Такъ имъ убить его не хотѣлось и они рѣшили убить его, когда будуть рубить лѣсъ: „тогда сдѣлаемъ такъ, чтобы дерево на него упало и убило его.“ Они такъ и сдѣлали; дерево упало и убило парня: они тутъ его и похоронили. Послѣ этого одинъ изъ братьевъ ушелъ домой, а другой въ кегоры. Тамъ ему встрѣтились три человѣка, въ бѣлыхъ одеждахъ и спросили его: „у васть, мы слышали есть парень, гдѣ онъ?“ „Онъ сегодня убился: на него упало дерево.“ „Жаль его, говорятъ, а мы хотѣли взять его къ себѣ въ работники. Теперь же его нѣть—нечего и дѣлать. Намъ теперь пидти болыше не хочется, а не дашь ли ты намъ трёхъ быковъ-оленей, мы и поѣдемъ сами. Оленей потомъ спустимъ: они прибѣгнутъ.“ Онъ на радостяхъ, что избавился отъ парня, далъ имъ оленей; они и сказали: ты не будешь раскаиваться, что далъ намъ оленей: у васть будетъ вдвое болыше оленей, и всѣ будутъ здоровы.“ Они уѣхали; олени вскорѣ прибѣжали назадъ. Братья послѣ этого за jakiли хорошо и богато и были счастливы.“ (Архангельской губ. Кольского уѣзда изъ быта русскихъ лопарей. И. Харузина).

XX.

Илья Муромецъ.

изъ-за лѣсу, лѣсу было темново, изъ-за темново дремуцово, не туця-ли тамъ затуцилась, не туманъ-ли затуманивсё. Подиши-
маетиѣ тамъ злодій Калинъ царь на Кіевъ градъ, за нимъ было сорокъ царей царевицей, сорокъ королей королевицей, и за каждымъ царемъ царевицемъ и за каждымъ королемъ королевицемъ было силы за ними по сорока тысячамъ; за самимъ злодіемъ Калиномъ царемъ было силы три тьмы и три тысицы. И подиши огъ подъ Кіевъ градъ и обстали кругомъ Кіева, и злодій Калинъ царь въ первой день ходивъ до венцера, первую ноць до бѣлѣ свѣтлѣ и выкликавъ сибѣ такова целовѣка, што-бы знаявъ говорить по русски и тавмацить по татарски. И другой день ходивъ до венцера, и другую ноць ходивъ до бѣлѣ свѣтлѣ и выкликавъ таково целовѣка, што-бы знаявъ говорить по русски и тавмацить по татарски. И третій день ходивъ до венцера, третью ноць ходивъ до бѣлѣ свѣтлѣ и выкликавъ таково целовѣка, што-бы

знавъ говорить по русски и товмацить по татарски. И нашовсё такой целовѣкъ, што знаетъ говорить по русски и товмацить по татарски, и онъ ему наказъ наказывалъ: „пойди-ко ты во Кіевъ градъ, иди прямо ко князю Владиміру во свѣтлую свитлицу и во столовую горницу, и гдѣ-ка оноциваетъ князь Владиміръ, и не снимай съ себя шапки соболинныя и не крести своею бѣла лиця, и говори ты снимъ таковы слова не съ унадкою: „ахъ, ты князь Владиміръ! мы къ тебѣ пришли не въ гость гостить, ты отданъ намъ Кіевъ градъ безъ бою, безъ драки и безъ большово проволитія“...

Повисивъ князь Владиміръ свою буйну голову ниже могуцихъ плецъ. У ево была жона Апраксія, у ево она сирашивала: „што-ко ты, мой возлюбленной мужъ, повисивъ свою буйну голову ниже своихъ могуцихъ плецъ?“). — „Да, говоритъ, жона моя Апраксія! какъ мнѣ своя голова не повисить: проситъ злодій Калінъ царь Кіевъ градъ отдать безъ бою, безъ драки, безъ большово кроволитія?..“ Говорила тутъ ему жона ево

*) Желая быти точными, мы удерживаемъ буквально мѣстный выраженье, по которому мужчины въ Ширхановѣ придерживаются болѣе или менѣе вологодского говора, а женщины—олонецкаго, съ преобладающимъ звукомъ „ц“ напр. слово „чт“ мужчины всегда выражаютъ „што“ а женщины „іто“ Но и у мужчинъ больше слышиится „ц“ нежели „ч“, и кромѣ того вместо твердаго знака, часто употребляется мягкий „ч“, вместо „а“— „я“.

Апрàксія: „есть у насть въ глубокомъ по-
гребу сильной могуцей богатырь Илья Му-
ромецъ, возьми ты тарелки золотёныя, на
эти тарелки насыпли злата и серебра и
драгоценніою каменія; набери съ собой
куницъ и лисицъ и драгоценніыхъ соболей,
и принеси ты ему покорность и говори
таковы слова: Ты прими отъ меня сильной
могуцей богатырь, Илья Муромецъ, богатой
подарокъ и выйди ты на бѣль свѣтъ изъ
глубоково погреба и постой ты за церкви
соборныи, за думи младенцевскія, за вѣру
христіянскую!..“ Тутъ выходилъ Илья Му-
ромецъ изъ глубоково погреба и кричавъ
онъ своимъ богатырскимъ голосомъ, свиставъ
молодецкимъ посвистомъ своею доброво
коня; и бѣжитъ ево доброй конь наступ-
цивой, не потерявъ онъ войлоцька кося-
щатово, не потерявъ онъ спдѣльника чер-
касково, не потерявъ онъ и коня довго-
мѣрново, не потерявъ онъ и налоцки воинскія,
богатырскія... Садивсе Илья Муромецъ на
своею доброво коня, подѣживъ во зеленыя
луга и гдѣ-ка живѣтъ тамъ злодій Калинъ
царь. Жхавъ-поѣхавъ и самъ сибѣ подраз-
думавсё „што-жъ я поѣхавъ на рать силу
великую, силу не побитую, а не у кѣво не
попросніи благословенія?“

Въ цистомъ полѣ живетъ у ево дядюшкы

Самсонъ Колывановицъ, пріѣзжасть онъ къ этому дядюшкѣ и дядюшкѣ обрадѣвъ своёму племяннику и спрашивать сво: „куда-же ты, племянницеѣ, поѣхавъ?“—„Есть, говоритъ, дядюшкѣ нашовъ на Кіевъ градъ Калинъ царь за нимъ 40 царей, царевицей, 40 королей, королевицей, за каждымъ царемъ царевицемъ, за каждымъ королемъ королевицемъ силы по сороку тысяцей, за самимъ злодіемъ Калиномъ царемъ силы три тьмы и три тысяци, и лажу я постоеть за церкви соборніе, за дуни младенскія и за вѣру христіянскую. Говорить ему тутъ Самсонъ Колывановицъ: „ну племянницеѣ, ты създѣ по завтракай, а меня оставлей пообѣдать“; и даетъ ему другой лукъ и стрѣлку каленую, и говоритъ, на казъ наказывается: „если обовладѣстъ тебя сила поганая и возьмутъ тебя во полонъ, ты натегивай тугой лукъ и накладывай стрѣлу каленую и стрѣлѣ приговаривай: „пади-ко ты, каленая стрѣла, не пади-ко ты не на воды, не на землю, пади ты Самсоцу Колывановичу на бѣль шатерь полотняной и спиби маковку золоченую!“

Пріѣзжасть Илья Муромецъ во чистое полюшко въ силу великую, силу исполнитую; куды пройдестъ—тутъ улиця, куды на добромъ конѣ поворотити—тутъ площадь, и

видитъ тутъ злодій Калинъ царь, што съ этимъ богатыремъ нечево не подѣлатъ. Приказываетъ (Калинъ царь) своей силѣ копать перекопи глубокія и ставить коня вострыя; и вскочивъ сво доброй конь, Ильи Муромця, черезъ одну перекопь, изѣловсё* весь, и взели тутъ Илью Муромца во полонъ.. Натягивалъ Илья Муромецъ тугой лукъ, накладывалъ стрѣлу каленую и стрѣлѣ приговаривавъ: „полети!“ стрѣла каленая, не пади ты не на воду, не на землю, а нади моему дядюшкѣ Самсону Колывановичу на бѣль шатерь полотняной и сиби ты съ бѣла шатра маковку золоцённую“...

И догодавсে тутъ сво дядюшкѣ Самсонъ Колывановичъ, што племянніцѣ во полонъ взятъ, Илья Муромецъ. Вотъ онъ (Самсонъ Колывановичъ) осѣдавъ, обуздавъ своею доброво коня и иожхавъ въ чистое поле ко злодію Калину царю и стала онъ иожживать, своею племянничка выручивать. Куды проидеть—улиця, куды поворотится—площадь; столько стало валится пецисти ноганые. Вотъ онъ приломавъ свое копье довгомѣрие, изломавъ свою налоцьку воинскую, богатырскую,— воевать больше стало пецѣмъ; и схвати онъ тутъ татарина: „ахъ, говоритъ, какое мнѣ попало побоиндо*“), гнетце—не

* Побоиндо—орудіе, въ даниомъ случаѣ человѣкъ служилъ орудіемъ Самсону Колывановичу.

домитце, по суставамъ не сорветце"... И прибиль онъ тутъ у злодія Калина царя всю силу, и злодія Калина царя взялъ въ полонъ, и съ живово кожу сиелї и выручивъ своею племянничка Илью Муромца.

А. Шустиковъ.

XXI.

Дурень. *)

А жилъ былъ Дурень,
А жилъ былъ Бабинъ;
Вздумалъ оиъ Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Огнедии Дурень
Версту другу,
Нашель онъ Дурень
Цвѣ избы пусты,
Въ третей людей нѣть;
Заглянетъ ить подполье,
Въ подпольѣ черти
Востроголовы,
Глаза что часы,
Усы что вилы,

---

*) Древнія Россійскія стихотворенія собр. Кирилою
Даниловымъ.

Руки что грабли,—
Въ карты играютъ,
Костию бросаютъ,
Деньги считаютъ,
Груды переводятъ;
Онъ имъ молвилъ:
„Богъ вамъ въ помочь
Добрымъ людямъ.“
А черти не любятъ,
Схватили Дурья,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его Дурья
Жива отпустили.
Пришедши Дурень
Домой-то плачетъ,
Голосомъ воетъ;
А мать бранити,
Жена ибияти.
Сестра-то также:
„Ты глупои дурень,
Неразумнои Бабинъ!
То же бы ты слово,
Не также бы молвилъ;
А ты бы молвилъ:
Будь врагъ проклять
Именемъ Господиимъ,
Во вѣки вѣковъ, аминъ
Чертибъ убѣжали,

Тебѣ бы Дуръню
Деньги достались
Вместо кладу.“
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дуренъ.
Таковъ не буду!

*

Попечь онъ Дуренъ
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидѣлъ Дуренъ
Четырехъ братовъ—
Ячмень молотять,
Онъ имъ молнии:
„Будь врагъ проклять
Именемъ Господнимъ.“
Бросились къ Дуръню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали его колотити—
Едва его Дуръня
Жива отпустили.
Принесли Дуренъ
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ;

А мать бранити,
Жена иѣняти,
Сестра-то также:
„А глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
Тоже бы ты слово,
Не также бы молвилъ—
Ты бы молвилъ
Четыремъ братамъ,
Крестьянскимъ дѣтямъ:
„Дай вамъ Боже!
По сту на день,
По тысячи на недѣлю.“
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Нотомъ я Дурень
Таковъ не буду!

*

Пошелъ же Дурень,
Пошелъ же Бабинъ,
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидѣли Дурень
Семь братовъ,
Мать хоронятъ,
Отица поминаютъ,
Всѣ тутъ плачутъ,

Голосомъ воють;
Онъ имъ молвилъ:
„Богъ вамъ въ помоць
Семь васъ братовъ!
Мать хоронити,
Отца поминати,—
Дай Господь Богъ вамъ
По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю.“
Схватили его Дурья
Семь-то братовъ,
Зачали его бити,
По землѣ таскати,
Въ . . . . . валяти,—
Едва его Дурья
Жива отпустили.
Идетъ-то Дуренъ
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ;
Мать бранити
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
„А глупой Дуренъ,
Неразумной Бабинъ!
Тоже бы ты слово,
Не также бы молвилъ,
Ты бы молвилъ: прости!
Боже благослови!
Дай Боже имъ

Царство небесное,
Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ!
Тебя бы Дуръня
Блинами накормили,
Кутьей напитали.“
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чериава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду.

*

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Встрѣчу ему свадьба,
Онъ имъ молвишъ „прости!
Боже благослови!
Дай вамъ Господь Богъ
Царство небесное,
Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ!“
Наѣхали дружки,
Наѣхали бояра,
Стали Дуръня
Плетьми стегати,
По ушамъ хлестати.

Пошелъ, заплакалъ.
Идетъ да воетъ;
Мать его браинти,
Жена пѣнити,
Сестра-то также:
„Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
Тоже бы слово,
Не также бы молвилъ,
Ты бы молвилъ:
Дай Господь Богъ,
Новобрачному Князю
Сужено поняти,
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Законъ Божій пріяти,
Любовно жити,
Дѣтей сводити!“
Потомъ я Дуренъ,
Таковъ не буду!

*

Понелъ онъ Дуренъ
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Встрѣчу Дурыню
Идетъ старецъ,
Онъ ему молвилъ:
„Дай Господь Богъ
Тебѣ же старцу

Сужено поняти,
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Любовно жити,
Дѣтей сводити!“
Бросился старецъ,
Схваталъ его Дурыня,
Сталъ его бити,
Костылемъ коверкать—
И костыль изломалъ весь;
Не жаль старцу дурака-то,
Но жаль ему старцу костыля-то.
Идетъ-то Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ,
Матери разскажеть;
Мать его бранити,
Жена журити,
Сестра-то также:
„Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
Тожь бы ты слово,
Не также бы молвишъ,
Ты бы молвишъ:
Благослови меня отче
Святой Игуменъ!
А самъ бы мимо.“
Добро ты баба
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,

Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Впредъ таковъ не буду!

*

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Въ лѣсу ходити.
Увидѣлъ Дурень
Медвѣдя за сосновой;
Кочку роетъ,
Корову коверкатъ;
Онъ ему молвилъ:
„Благослови мя отче
Святой Игуменъ!
А отъ тебя духъ дуренъ.“
Схваталъ его медвѣдь-атъ,
Зачалъ драти,
И всего ломати,
И смертно коверкатъ,
И . . . . выѣлъ;
Едва его Дурыня
Жива оставилъ.
Пришедши Дурень
Домой-то плачетъ,
Голосомъ воетъ,
Матери разскажетъ;
Мать его бранити
Жена пѣняти,
Сестра-то также:

„Ты глупой Дуренъ,
Неразумной Бабинъ!
Тоже бы слово,
Не также бы молвилъ.
Ты бы заускаль,
Ты бы загайкаль
Ты бы заулюкаль.“
Добро ты баба,
Баба Бабуриха!
Мать Лукерья,
Сестра Чертава!
Потомъ я Дуренъ
Таковъ не буду!
* ”

Пошелъ же Дуренъ
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будетъ Дуренъ
Въ чистомъ полѣ,
Встрѣчу Дурыню
Шишковъ Полковникъ;
Онъ заускаль,
Онъ загайкаль,
Онъ заулюкаль,—
Наѣхали на Дурыня
Солдаты,
Набѣжали драгуны,
Стали Дурыня бити,

Стали колотити.
Тутъ ему Дурыню
Голову сломили,
И подъ кокору
Бросили.
Тутъ ему Дурыню
И смерть случилась.

XXII.

Какъ мужикъ ходилъ къ солнцу *).

ильтъ, былъ мужикъ. Онъ бѣдно жилъ. Онъ думать, какъ-бы къ солнцу попасть. Онъ пошелъ, шелъ, ишелъ нѣсколько дней пришелъ къ путасъ (глубокое мѣсто рѣки, где нельзя перейти въ бродъ); черезъ рѣку китъ высохъ, будто дорога, будто мостъ черезъ рѣку; по китовой спинѣ ходить народъ; пребольшинская дорога; словно улица. Онъ пошелъ по спинѣ кита. Китъ и спрашиваетъ: „куда ты, хороший человѣкъ, пошелъ попадать?“ Онъ отвѣчаетъ: „къ солнцу пошелъ попадать.“ Китъ говорить: „когда придешь къ солнцу, спроси, за какие

*) Ст. русскіе лопари. Н. Харузина, стр. 463.

грѣхи я высохъ и не могу выйти.“ Онъ шелъ, шелъ опять—видить двѣ жонки изъ проруби воду черпаютъ у озера. Спрашиваютъ: „хорошій человѣкъ, куда ты попечь попадать?“ Онъ отвѣчаетъ, къ солнцу иду попадать.“ Онѣ и говорятъ: „когда придешь къ солнцу, спроси, за какіе грѣхи мы черпаемъ третій годъ, а изъ проруби воды не убавляется, ни прибавляется.“ Онъ попечь; шелъ, шелъ нѣсколько дней; попадаетъ въ избушку; въ той избушкѣ стариkъ со старухой живутъ, тоже з-й годъ. Спрашиваютъ его: „куда ты, хорошій человѣкъ, попечь попадать?“ Онъ отвѣчаетъ: къ солнцу иду попадать.“ Они и говорятъ: „спроси у солнца, за какіе грѣхи мы з-й годъ живемъ: ни есть, ни пить нечего.“ Нелъ, шелъ, пришелъ на берегъ; пришелъ къ рѣкѣ; тамъ стариkъ постоянно на карбасѣ ъздитъ, перевозить; стариkъ старый, волоса сѣдые, длинные, борода бѣлая. Стариkъ спрашивается: „куда ты хорошій человѣкъ, идешь попадать!“ Онъ отвѣчаетъ: „къ солнцу иду попадать.“ Стариkъ карбасъ (лодку) повернуль кормой къ берегу; мужиль сѣлъ. Стариkъ говоритъ: „тяжело мнѣ порато (очень) перевозить порато тяжело; придешь къ солнцу, спроси за какіе грѣхи я перевожу.“ Опять шелъ, шелъ—пришелъ къ лѣсу! въ

лѣсу избушка; въ той избушкѣ дѣвочкѣ, маленькая (7—8 лѣтъ) живетъ, у дѣвочки груди большия, большие ея. Она и спрашиваетъ: „куда ты, хороший человѣкъ, идешь попадать.“ Онъ говоритъ „къ солнцу иду попадать.“ Она башо истощила; напоила, накормила его. Онъ ее спрашиваетъ: „иѣть-ли подводы какой?“ А она дала палочку и говоритъ: „куда эта палочка идетъ, туда ты вслѣдъ иди.“ Онъ шель по палочкѣ: куда палочка, туда и онъ. Онъ шель, шель, палочка и пришла къ избушкѣ и назадъ побѣхала. Въ той избушкѣ дѣвушка (большая) сидитъ: на лѣвомъ боку платья нѣтъ — совсѣмъ голо. Она спрашиваетъ: „куда ты, хороший человѣкъ, идешь попадать?“ онъ говоритъ: „къ солнцу иду попадать.“ Она накормила его, а онъ говоритъ: „не дань-ли ты мнѣ подводу?“ а она дала лошадь: „куда лошадь идетъ, ты туда иди, и сани дала. Онъ шель, шель, принесъ къ избушкѣ. Онъ остался, а лошадь сама побѣхала назадъ. Въ избушкѣ старушка живетъ; у старушки груди большія. Она спрашиваетъ: „куда ты...?“ онъ говоритъ: „къ солнцу иду попадать; нѣтъ-ли подводы, не знаю куда къ солнцу итти.“ А она говоритъ: „будетъ первая избушка, тамъ солнцева мать (нейвъ-іэнъ) живеть.“ Старуха дала клубокъ му-

жику: „куда клубъ идетъ, туда и ты иди.“ Клубъ шелъ, шелъ, пришелъ къ избушкѣ. Избушка снаружи серебряная, внутри золотая. Клубъ этотъ по дорогѣ назадъ пошелъ. Онъ пришелъ въ избу, тамъ женщина не очень старая, ходитъ, красивая: волосы растрепаны, на правомъ боку голая, только какъ жаръ горитъ правый бокъ. Она спрашиваетъ: „куда ты...?“ Онъ отвѣчаетъ: „къ солнцу иду попадать.“ Она какъ схватить его за руку и говоритъ: „пойдемъ, посмотримъ со мной, каково солнце.“ Она вела его, вела, пришла въ темную комнату, нигдѣ свѣта нѣть; она ушла. Онъ тамъ сидѣлъ, сидѣлъ, потомъ свѣтло сдѣлалось, солнце запекло, жарко такъ. Потомъ вдругъ темно опять сдѣлалось. Какъ темно сдѣлалось, идетъ эта жонка, за руку мужика взяла и повела опять въ свою избу. Привѣла избу и спрашиваетъ: „видѣлъ-ли ты солнце?“ Онъ отвѣчаетъ: „я видѣлъ.“ Она ему свою грудь показываетъ: „видишь, я солнцева мать, какая у меня грудь горячая.“ Онъ пощупалъ—горячая, горячая, Она ему дала золота, серебра много. Потомъ онъ сталъ разсказывать: „кто эти женщины, которые мнѣ давали новоды?“ „Кто эта старушка, что мнѣ дала клубъ?“ — „Это мнѣ старшая дочь.“ „Кто эта, которая мнѣ

лошадь дала?“ — „Это миѣ средняя дочь.“ — „Кто эта, которая миѣ палочку дала?“ — „Это миѣ младшая дочь.“ „За какіе грѣхи, говоритъ, старицъ поставленъ перевозить, вѣдь ему тяжело.“ Она говоритъ: „старикъ посаженъ за то, зачѣмъ онъ кормой на берегъ пристасть: это грѣхъ непростительный.“ — „Еще, говоритъ, старикъ со старухой живутъ 3-й годъ, живутъ ни есть, ни пить не могутъ: за какіе грѣхи мучатся?“ Она ему отвѣчаетъ и говоритъ: „Не будетъ имъ прощенья за то, что они у народа много денегъ украла: они вѣкъ свой будутъ жить въ этой избушкѣ.“ Опять мужикъ спрашивается: „за какіе грѣхи женщины изъ проруби воду черпаютъ?“ Она и отвѣчаетъ: „за то, что онѣ виномъ торговали и молокомъ и водой наливали вино и молоко, имъ тоже прощенья не будетъ во вѣкѣ.“ Потомъ онъ опять говоритъ: „за какіе грѣхи китъ засохъ черезъ рѣку?“ Она говоритъ: „за то, что китъ порато (очень) много народа пожралъ и карбасовъ и шнякъ — за то; если народъ онъ весь найдетъ, который проглотилъ, то выйдетъ изъ того мѣста.“

Онъ и пошелъ домой, никуда ужъ не заходилъ и пришелъ къ берегу, гдѣ старикъ кормой пристасть. Онъ и говоритъ, когда старикъ его перевезетъ: „зачѣмъ ты кормой

пристаешь, а приставай носомъ; кого свезешь, тотъ и останется, а ты выйдешь.“ Старикъ съ тѣхъ поръ сталъ носомъ приставать. А тотъ къ той избушкѣ пришелъ, гдѣ старикъ и старуха живутъ; въ избушкѣ нѣту никого; ни старика, ни старухи нѣть— они ушли и умерли, а на дверяхъ написано на избѣ: „померли.“ Потомъ пришелъ къ женинамъ, что воду черпаютъ. Женины и спрашиваютъ: „что намъ будетъ?“ Онъ и говоритъ: „ничего вамъ не будетъ — подливали воду въ молоко и въ вино.“ Онъ опять пошелъ, пришелъ къ киту. Китъ спрашиваетъ: „хорошій человѣкъ, что мнѣ будетъ?“ Онъ говоритъ: „Если всѣхъ, которыхъ проглотилъ найдешь, тогда выдени изъ этого мѣста.“ „Китъ попелъ искаѣть, всѣхъ нашелъ и выпелъ изъ этого мѣста. Этотъ мужикъ пришелъ домой къ матери и отцу. Отецъ да мать обрадовались. Онъ сталъ благословенія просить жениться: „Дадите-ли (т. е. позволите-ли) жениться на комъ нибудь?“ Они благословили. Онъ и женился на дѣвкѣ на бѣдной. Они стали торговатъ, лавку заработали и стали торговатъ. И сказка вся. (Нотозеро).

(Архангельской губ. Кольского уѣзда, изъ быта русскихъ лопарей).

ХХIII.

Сказка о Царскомъ сыне *)

иль былъ царь съ царицей и у нихъ между собою было согласно. Царь до того любилъ свою жену, что даже всегда она находилась при немъ, когда онъ дѣлалъ и судъ надъ народомъ. Самъ онъ судилъ болѣе по правдѣ, а царица же сплошь и рядомъ поступала не по правдѣ. Разъ пришла къ нимъ судиться съ мужемъ женщина и царь разсудилъ ихъ правильно: мужа оправдалъ, а жену призналъ виноватою.

Царица, напротивъ, оправдывала жену и когда на семъ настояла, то находящійся въ утробѣ матери младенецъ вдругъ сказалъ: плеха по плехи и тянеть. Она разсердилась на него и про себя подумала: рано стать соваться, а когда родишься, тогда мнѣ не будетъ отъ тебя и спокою. Устрою же я съ тобой штуку.

Наконецъ она родила сына и хотѣла его было сейчасъ же убить, но стало жаль, и страшно самой это было сдѣлать. Она

*) Какъ эта сказка, такъ и нижеслѣдующія были доставлены мнѣ о. Константиномъ Щеколдинымъ, который записалъ ихъ со словъ лопарей.

позвала солдатъ, отдала имъ младенца, приказала его убить и ей принести отъ него сердце. Солдаты также скалились надъ младенцемъ, они поэтому отдали его на воспитаніе пастуху; вместо же его убили маленькаго ягненка и сердце отъ него принесли царицѣ. Сердце это царица приказала изжарить и за столомъ его съѣла. Царь однако зналъ, что у ней родился сынъ и вотъ, чтобы скрыть предъ царемъ свое злодѣяній, она послала своихъ служанокъ купить ей другаго младенца. Въ это время родился сынъ у кузнеца и у него-то вотъ и купили его и принесли къ царицѣ. Младенца этого ростили какъ царевича, но лишь только онъ немногого подросъ, какъ сталъ заниматься только молотками и ими ковать желѣзо. Царь не понималъ и удивлялся, что сынъ его только занимается кузническимъ ремесломъ. Игры его все были около этого ремесла.

Когда же сынъ пастуха—царевичъ поупорствъ, то онъ во время игръ всегда хотѣлъ быть большимъ между своими ровесниками и нерѣдко между ними дѣлалъ судъ. Наконецъ все его ровесники и онъ самъ сказали: выберемъ мы изъ среды своей царя, будемъ его слушаться и онъ будетъ насть судить. Царевичъ — сынъ пастуха сказалъ:

купимъ всѣ мы по свѣчи и станемъ съ ними па востокъ и у кого свѣча сама собой загорится, тотъ и будетъ царемъ. Сказано, сдѣлано. Свѣчи купили, стали лицомъ на востокъ, и стали молиться, чтобы Богъ указалъ имъ Царя. Вскорѣ свѣчка царевича загорѣлась и всѣ ровесники признали его своимъ дѣтскимъ царемъ. Когда кто нибудь во время игръ кого нибудь обидѣлъ, то сейчасъ же и дѣлалъ судъ. Судилъ же онъ всегда по правдѣ и никого напрасно не обиждалъ. Молва обѣ этомъ пронila вездѣ и нерѣдко къ дѣтскому царю обращались и взрослые люди, которые были почему нибудь неправильно судимы настоящимъ царемъ и царицей. Онъ и эти дѣла всегда решалъ справедливо.

Разъ одна бѣдная женищина попросила муки блюдо и съ нимъ пошла домой. Подулъ сильный вѣтеръ и у ней все разнесъ, не оставивъ ни пылинки. Она съ горя пошла къ царю и царицѣ жаловаться на вѣтеръ. Царь выслушалъ жалобу бѣдной старухи на вѣтеръ, посмѣялся надъ ней и сказалъ: глупая ты, бабка, какъ я могу судить вѣтеръ?

Бабка была, этимъ недовольна, очень и сказала: ну, когда ты не можешь разсудить меня съ вѣтромъ, я пойду къ дѣтскому царю,

Онъ разсудитъ справедливѣе. Царь и надъ этими словами посмѣялся и сказалъ: поди, посмотрю я, что ты тамъ получишь.

Старуха сейчасъ же отъ царя понима, и пришла къ дѣтскому царю и сказала: царь-отецъ, разсуди меня съ вѣтромъ! Я попросила муки, понесла на блюдѣ, вѣтеръ палъ, все раздулъ и меня оставилъ голодною.

Дѣтскій царь выслушала жалобу со вниманіемъ, пожалѣлъ старуху и сейчасъ же послалъ своего человѣка, въ гавань за капитанами, которые пришли вчера. Капитаны судовъ на зовъ его немедленно явились. Но приходѣ ихъ дѣтскій царь спросилъ ихъ: когда вы пришли сюда?

Вчера вечеромъ, отвѣтили они.

Ну это хорошо, но что для васъ лучше, вѣтеръ или тихо?

Конечно, вѣтеръ для настъ лучше всего. Не будь его, намъ бы сюда и не приди вчера.

Такъ вамъ это и хорошо, а вотъ бѣдная бабка плачетъ, что у ней вѣтеръ разнесъ съ блюда послѣднюю христорадную горсть муки, поэтому вы, какъ бы виновники вѣтра, и заплатите ей за муку.

Капитаны отвѣтили: мы не только не за муку заплатимъ, но пусть она пошлетъ намъ мѣшки и мы все ей пошлемъ по пуду.

Старуха обрадовалась этому, благодарила за судь царя, да благодарила и капитановъ, потому что въ тот же день получила столько муки, сколько никогда у ней и не бывало. Капитаны также остались довольны рѣшеніемъ.

Донца вѣсть обѣ этомъ и до царя. Ему стало завидно и обидно, что всѣ почти пдуть судиться къ дѣтскому царю, и онъ всякое дѣло рѣшаеть, не говоря, что не могу.

Дай, подумать царь, я сдѣлаю ему штуку и поставлю его въ тупицъ. Царь послалъ къ нему трехъ быковъ, съ приказаніемъ, чтобы они чрезъ извѣстное время сами родили телятъ, какъ самки.

Дѣтскій царь быковъ взялъ и посты ухода солдатъ сказалъ: спасибо царю. Быковъ мы убьемъ, памъ мяса будетъ цадолго, а кожами, какъ у нась крыша на избѣ худая, закроемъ избу. Такъ и сдѣлали.

Наконецъ пришло время, когда должно было быковъ съ телятами отвести назадъ. Вотъ дѣтскій царь, научивъ своего человѣка, что нужно дѣлать, послалъ его къ Царю. Тотъ пошелъ къ царю во дворъ, тамъ ходилъ нѣсколько времени, и наконецъ увидѣлъ царя. Въ это время онъ сталъ снимать свои штаны и закричалъ: рожать хочу, рожать хочу. Царь, услышавъ это, сказалъ:

ты съумасшедшій должно быть; когда мужчины рожали, и разве могут рожать, отвѣчай.

— А ты царь самъ что сдѣлалъ? Самъ послалъ быковъ къ нашему царю, чтобы они были обхожены, разве это можно, и бывало когда нибудь?

Царь отъ такого отвѣта пришелъ въ удивленіе и ушелъ скорѣе прочь, не говоря болѣе ни слова.

Вскорѣ послѣ этого царь съ царицей пошли гулять. Увидѣлъ это и дѣтскій царь. Онъ пошелъ къ вѣсамъ(балансу), положилъ на одну скалку много собачьяго кала, а па другую ничего. Кала же все прибавлялъ и прибавлялъ.

Царь, увидя, это, остановился и смотрѣлъ, а про себя думалъ, гдѣ же у него умъ. Говорятъ, умный.

Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и спросилъ у него, что ты дѣлаешь?

— Я вѣщу женскій умъ и смотрю какъ онъ легокъ и ничего не стоитъ.

Отвѣтъ этотъ привелъ царя въ удивленіе, и онъ сталъ думать: это, должно быть, не сынъ пастуха и не мой ли еще, потому что мой, кромѣ кованья, ничего не знаетъ. Подумавъ такъ, онъ вскорѣ взялъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ и такимъ образомъ царицѣ надѣй правдой не привелось восторжествовать. (Пазрѣка).

(См. русскіе лопари Н. Харузина, стр. 466).

XXIV.

Игрүнъ—смѣльчакъ сынъ *).

Иль иѣкогда одинъ богатый человѣкъ и имѣлъ онъ одного сына. Умирая, онъ заповѣдалъ своей женѣ, чтобы она сыну его, если онъ попроситъ денегъ, дала ему въ первый разъ не болѣе трехсотъ рублей. Сынъ послѣ смерти его выросъ и сталъ ходить на улицу съ дѣтьми играть. Онъ игралъ съ ними въ бабки и бабки у нихъ отнялъ. Ребята ему и закричали: ты богачъ, а у бѣдняковъ отнимашь бабки. Стыдъ. Онъ бабки бросилъ имъ и принесъ къ матери и сказаъ: дай мнѣ сто рублей.

Мать денегъ дала ему и онъ пошелъ на улицу. Здѣсь опять игралъ съ ребятами и побрякивалъ деньгами. Въ это время онъ увидѣлъ: идетъ старикъ и несетъ кошку, и спросилъ его, не проданъ ли кошки?

— Купи.

— Много ли просишь?

— У меня кошка смирная и я менѣе ста рублей не продамъ.

*) См. русскіе лопари Н. Харузина, стр. 466.

Не говоря ни слова, онъ вынулъ деньги изъ кармана, отдалъ ихъ, взялъ кошку и пошелъ домой. Здѣсь ему она такъ понравилась, что онъ не зналъ болѣе никакого дѣла, какъ только съ нею и игралъ. Наконецъ, однако, наскучило ему, и опять пошелъ на улицу къ ребятамъ играть. Играя съ ними, онъ опять отнялъ у нихъ игрушки. Они опять закричали, не стыдно ли богачу, покупающему кошку за сто рублей, брать у бѣдныхъ копѣчечные игрушки. Онъ бросилъ ихъ и пошелъ къ матери.

Дома опять выпросилъ у матери сто рублей и съ ними пошелъ на улицу играть. Побрякивая деньгами, онъ опять увидѣлъ того же старика, у которого купилъ кошку, и онъ вель теперь собаку.

Онъ опять стать покупать и купилъ ее за сто рублей, сколько и просилъ хозяинъ. Онъ сказалъ ему, что на его собакѣ можноѣездить и возить дрова.

Привелъ собаку домой и съ нею и кошкой игралъ постоянно. Онѣ отъ него не отходили никуда. На собакѣ онъѣзжалъ, а кошку привязывалъ сзади. Этимъ онъ занимался долгонько и наконецъ это ему наскучило.

Опять пошелъ на улицу и игралъ съ ребятами. Отнялъ у нихъ и игрушки, тѣ опять

закричали и онъ, разсердившись, бросилъ имъ. Принесъ домой и опять у матери сталъ просить тоо рублей. Мать деньги дала и сказала: это постыдія, отецъ болѣе тебѣ не оставилъ. Взялъ онъ деньги и пошелъ на улицу. Вскорѣ онъ опять увидѣлъ того же старика, но у него ничего не было уже. Онъ поэтому спросилъ его, куда ты пошелъ?

— Я хожу и хочу кому нибудь продать золотой перстень—*сурмась*.

— Продай мнѣ и его. У меня еще есть деньги, хотя уже и послѣднія.

Старикъ согласился продать ему за сто рублей, только прибавилъ: деньги отдай сейчасъ, а за перстнемъ-кольцомъ пойдемъ со мною и у меня дома получишь. Заплатилъ материнъ сына деньги и пошелъ съ нимъ. Пошли они сперва мимо домовъ по дорогѣ, и всѣ прошли. Пошли далѣе уже лѣсомъ и пришли къ пахтѣ, каменной горѣ. Здѣсь старикъ снялъ съ отверстія каменя и сказалъ: поди туда, а я иду за тобою. Сыночъ какъ зашелъ туда, то старикъ сейчасъ же отверстіе закрылъ и самъ остался на землѣ. Покупатель очутился въ безвыходномъ положеніи, какъ въ тюрьмѣ. Сперва онъ пласалъ, а потомъ пошелъ, куда понесутъ ноги. Наконецъ у него подъ ногами стали

доски и чрезъ щель вдали увидѣлъ свѣтъ-огонь. Потомъ туда и пришелъ къ лѣстни-цѣ-листовикѣ — *пордисъ*. Но ней онъ под-нялся и увидѣлъ предъ собою двери. Ихъ онъ отворилъ и увидѣлъ предъ собою ком-нату, залитую свѣтомъ, потому что горѣло много свѣчъ. Въ ней стоялъ столъ со вся-кою пищею — *пуромашъ* и виномъ. Будучи голоднымъ, онъ сѣлъ, наѣлся и напился. Послѣ этого онъ сталъ смотрѣть и опять увидѣлъ впереди двери. Пошелъ туда, отво-рилъ ихъ и опять увидѣлъ такую же ком-нату со столомъ, кушаньями и виномъ. Онъ былъ сытъ и поэтому только на нихъ по-смотрѣлъ. Впереди были опять двери, онъ отворилъ и ихъ. Здѣсь было вездѣ пусто. Стола съ кушаньемъ не было, а, вмѣсто его, въ одномъ углу онъ увидѣлъ лежащаго че-ловѣка. Подошелъ къ нему и увидѣлъ, что онъ мертвый и на руки у него золотой перстень. Смотря на него, онъ подумалъ: мнѣ этотъ-то перстень и продалъ, должно быть, старикъ. Поэтому онъ перстень съ руки покойника снялъ, надѣлъ себѣ на палецъ и поползъ назадъ. Миновавъ свѣтлныя комнаты, онъ заползъ въ непроницаемую тьму, и не зналъ совершенно куда ступить. Съ горя онъ сталъ перстень съ пальца на палецъ перелагать и когда надѣлъ его на

первый палецъ отъ мизинца на лѣвую руку, тогда передъ нимъ явились два человѣка и спросили: что тебѣ нужно?

— Я желаю отсюда выйти, такъ какъ старикъ, показавшій мнѣ сюда дорогу, со мною не пошелъ, а остался на верху. Меня одного сюда заперъ.

— Теперь немного усни, а послѣ все тебѣ будетъ. — Онъ немного соснуль, проснулся и увидѣлъ, что отверстіе на землю открыто. Перстень переложилъ на средній палецъ, выпечь изъ пахты и пошелъ своей дорогой домой. Съ радостію вошелъ въ свой домъ, но увидѣлъ, что мать сидитъ почти голодна, потому что не стало у ней ничего. Ноѣлъ онъ сухой рѣзки (лопарскій прѣсный хлѣбъ, пе толстый) и пошелъ спать.

На постелѣ онъ перстень со средняго пальца опять переложилъ ближе къ мизинцу на лѣвую руку и къ нему опять явились тѣ же два человѣка и спросили, что тебѣ нужно?

— Я долго проходилъ изъ своего дома, мать все прожила и нечего стало Ѳсть.

Они отвѣтили: теперъ спи до утра, а утромъ все тебѣ будетъ. Всталъ онъ утромъ и увидѣлъ, что вездѣ у нихъ всего довольно. Зажилъ онъ хорошо послѣ этого и стать думать объ открытіи торговли. Вотъ опять однажды вечеромъ перстень переложилъ на

палецъ и опять явились 2 человѣка и спросили: „что тебѣ нужно?“

— Минѣ хочется быть купцомъ. — Ну теперь спи, а утромъ все будетъ по твоему. Черезъ ночь все такъ и сдѣлалось. Всталъ и увидѣлъ, что предъ домомъ его стоять лавки съ товарами. Торговля пошла у него удачно и такъ онъ прожилъ иѣсколько годовъ. Наконецъ захотѣлось ему жениться и сталъ у матери просить дозволенія... Мать согласилась, но спросила, гдѣ у тебя невѣста?

— Я думаю жениться у царя, у него дочь красавица.

— Вѣдь умѣшь ли ты, обѣ этомъ не нужно и думать-то даже.

— Нѣтъ, я такъ хочу непремѣнно, и ты должна ити отъ меня сватьей. Снесешь царю, царнѣ и невѣстѣ богатые подарки и дѣло устроится какъ нельзя лучше.

— Минѣ думается, что ты напрасно это задумалъ, потому что царю нужно подарки нести не простые, а драгоцѣнныес, а гдѣ ты ихъ возьмешь?

— Обѣ этомъ не беспокойся. Завтра все будетъ.

На постелѣ онъ перстень переложилъ на палецъ подлѣ мизинца и опять явились 2 человѣка и сказали: „что тебѣ нужно?“

— Я думаю жениться у царя и мнѣ нужны поэтому подарки: 2 камня (*керчи*) драгоценныхъ и одинъ самоцвѣтный.

— Спи до утра и тогда все будетъ, отвѣтили они и ушли.

Всталъ онъ на другой день и увидѣлъ на столѣ 3 камня, которые горѣли какъ огонь и блестѣли какъ солнце. Пошелъ къ матери и отдалъ ей.

Мать, при видѣ ихъ, пришла въ изумленіе и съ ними пошла къ царю уже смѣло. Ввели ее къ царю, гдѣ она немедленно драгоценные камни подарила царю и царицѣ, а самоцвѣтный—ихъ дочери и сказала: „это осмѣливается поднести вамъ мой сынъ и въ то же время проситъ покорнѣйше руки вашей дочери.“

Царю и всѣмъ подарки понравились, но на сватовство отвѣтили: если завтра сынъ твой можетъ подарить намъ золотыя тарелки и нѣсколько гусиныхъ яицъ (время было осенью), тогда дочь и мы согласны породниться. Старуха поклонилась имъ, пошла домой и передала это сыну.

Вечеромъ онъ надѣлъ перстень на упомянутой палецъ и опять пришли 2 человѣка и спросили, что тебѣ нужно?

— Мнѣ требуются золотыя тарелки и гусиные яйца для невѣсты. „Спи, утромъ

они будуть у тебя". Такъ дѣйствительно и случилось Мать днемъ поила отнесла подарки, осмотрѣли, похвалили и сказали: "если твой сынъ къ утру сдѣлаетъ съ нашей стороны рѣки на его сторону чугунный мостъ, покрытый краснымъ сукномъ; тогда можно будетъ сдѣлать и свадьбу, а въ противномъ случаѣ дочь моя не согласна, потому что она боится ъздить черезъ рѣку." Старуха, услыша это поклонилась и пошла домой. Пришла и все передала сыну, присовокупивъ: "вотъ надѣлалъ себѣ хлопотъ." Это ничего, отвѣтилъ онъ. Къ утру все дѣло поправится. Вечеромъ онъ приѣхъ къ упомянутому ранѣе средству и два человѣка посулили къ утру все. Черезъ ночь дѣйствительно на рѣкѣ явился мостъ и съ краснымъ сукномъ. Старуха, увидя это, удивилась и опять, посланная сыномъ, пошла къ царю. Онъ принялъ ее ласково, но сказалъ: "дочь жила постоянно дома и ей не хочется отъ матери уйти далеко. Завтра, если явится у твоего сына домъ подѣ нашего, тогда сыграемъ свадьбу на славу. Старуха поклонилась и ушла. Дома это сказала сыну и тотъ отвѣтилъ: ну и это ничего. Надѣюсь устрою. Вечеромъ онъ сдѣлалъ тоже, что и раньше, и явившіеся два человѣка посулили къ утру. Съ раз-

свѣтомъ дѣйствительно домъ ихъ стоялъ подле царскаго и на этотъ разъ сыйти съ матерью пошелъ къ царю самъ.

Царь столь богатаго и смѣшленнаго будущаго зятя встрѣтилъ съ невѣстою ласково и вскорѣ была сдѣлана свадьба. Народу на свадьбѣ было много, и всѣ веселились сколько могли. Не мало было и пьяныхъ. Пьяными напились даже и старуха мать жениха, и самъ молодой. Царевна однако вынѣла за него не по любви, а изъ-за подарковъ и чудныхъ его дѣлъ. Она любила другого жениха.

И вотъ, когда увидѣла, что мужъ пьяный, она, лаская и цѣлюя его, стала спрашивать: „какою ты силою и мостъ сдѣлалъ, да и домъ перенесъ?“ Онъ, обласканный ею, съ пьяныхъ глазъ и сказалъ, что у него есть перстень, и показалъ его. Слѣдуетъ его положить на лѣвую руку на палецъ подле мизинца и тогда явятся два человѣка, которые и исполнять къ другому утру черезъ ночь всѣ желанія. Жена, узнавъ это, стала сама угождать его и вотъ, когда онъ былъ очень пьянъ, она взяла у него съ руки перстень, обрила ему волосы и выбросила на улицу, не смотря на его крикъ. Выбросили за нимъ туда же и мать. Царь послѣ этого также на него осерчалъ и приказалъ запереть въ тюрьму.

Жена его между тѣмъ вечеромъ надѣла перстень на указанный палецъ и къ ней пришли 2 человѣка.

— „Чего тебѣ нужно царевна?“ — „Я хочу, чтобы перенесена была въ другое Норвежское царство къ моему жениху.“

— „Теперь спи, а утромъ все будетъ исполнено.“

На утро, когда она проснулась, увидѣла себя у первого жениха и со всѣмъ своимъ имѣніемъ. Съ нею были даже кошка и собака, оставленные мужемъ, купленные имъ у старика. Звѣри эти ходили и искали своего хозяина, но его нигдѣ не видѣли, а перстень его между тѣмъ днемъ всегда блестѣлъ на правой руцѣ царевны, а ночью же она полагала его въ ротъ, а также и тогда когда спала. Кошкѣ и собакѣ хотѣлось этотъ перстень отнять у ней и передать хозяину. Разъ они увидѣли мышь и рѣшили хвостомъ ея для этого воспользоваться. Кошка схватила мышь и хотѣла ее убить, но она сказала ей: не бей меня, что тебѣ нужно я пособлю.

Хорошо, я не убью тебя, но ты должна намъ изо рта достать у хозяйки перстень.

Мышь согласилась и сказала: „ночью я тихонько зайду къ хозяйкѣ на грудь и хвостъ ей вложу въ носъ, она чихнетъ, ты

перстень хвати и бѣжи съ нимъ куда знаешь, а я уже знаю куда мнѣ уйти.“

Наступила ночь. Мыши какъ сказала, такъ и сдѣлала. Хозяйка отъ хвоста чихнула, перстень полетѣлъ, кошка сейчасъ же схватила въ ротъ, а собака отворила двери и побѣжали они вмѣстѣ искать своего хозяина. Добѣжали они до широкой рѣки, и не знала кошка, какъ ей переплыть. Собака сказала: садись ко мнѣ на спину, и такъ переплыvемъ рѣку. На середкѣ рѣки собака однако подумала, кошка хозяину принесетъ перстень, а я ничего. Меня онъ, можетъ, и прогонитъ. Подумавъ такъ, собака сказала: дай мнѣ теперь перстень, я понесу его другую половину.

— Что ты выдумала, мы уронимъ его въ воду, когда я буду передавать тебѣ и тогда онъ никому не достанется.

Собака настояла на своемъ и прибавила: у меня ротъ болѣшой, я открою его, и ты опусти. Нѣтъ я не поплыvу далѣе. Кошка послушалась и перстень упалъ мимо рта и пошелъ на дно. Съ горя поплыли назадъ и недалеко подошли по берегу, какъ увидѣли избу. Въ ней жилъ старикъ-рыбакъ со старухой. Хозяева ихъ приласкали и они стали тутъ жить.

Разъ хозяинъ осенью привезъ рыбу съ

рѣки, и когда ее чистили, ощупали твердое и въ кишкѣ увидѣли перстень. Старикъ со старухой находкѣ обрадовались и, налюбовавшись имъ, положили на полку. Собака и кошка это видѣли и ожидали случая, чтобы утянуть. Хозяева вышли вонъ, кошка вскочила на полку, взяла въ ротъ перстень и сейчасъ же, какъ хозяева въ избу, они на улицу и по дорожкѣ.

Кошка, прибѣжавъ къ рѣкѣ, сказала собакѣ: возьми перстень теперь, а какъ запросишь опять на рѣкѣ, тогда потеряемъ. Собака отвѣтила: храни лучшее ты. Садись на спину и поплывемъ черезъ рѣку. Вышли на другой берегъ и побѣжали впередъ искать хозяина. Нашли его въ тюрьмѣ. Стали думать, какъ зайти и надумались такъ: собака дверь немного оттянула и кошка щелью пропила и отдала ему перстень. Вечеромъ онъ надѣлъ перстень на счастливый палецъ, и предъ нимъ явились два человѣка, спросивъ что тебѣ нужно?

— Хочу быть свободнымъ и чтобы жена моя мнѣ была возвращена.

— Теперь спи, отыѣтили люди а утромъ все будетъ.

Проснулся утромъ и увидѣлъ, что онъ спитъ со своей женой и въ царскихъ покояхъ. Любовникъ же или другой мужъ

былъ посаженъ въ тюрьму и послѣ его судили. Смѣльчакъ же, богача сынъ сталъ жить со своею женою и матерью на завидость другимъ. (Пазрѣка).

XXVI.

Сказка о баринѣ и лакеѣ.

Иль да былъ помѣщикъ въ Я.....
губерніи, очень богатый, и
былъ у этого помѣщика лакей,
по прозванию Афонька.

Вотъ и вздумалъ баринъ
попутешествовать и посмо-
трѣть людей, да и себя пока-
зать. Говоритъ баринъ лакею:
„Афонька! собирайся-ка въ путь, въ дорогу,
поѣдемъ мы съ тобою путешествовать.“ —
Афонька скоро собрался въ путь — доро-
женыку; подали имъ тройку лошадей; про-
стился баринъ съ своей женой и побѣхать.

Другъ они путемъ дорогою, мимо дре-
мучаго лѣса и смотрягъ въ сторону и, ви-
дягъ тамъ валяется мертвый человѣкъ. Ба-
ринъ и говоритъ: — „Афонька! ступай, тащи
сюда этого мертвеца, да клади въ повоз-
ку.“ — Афонька притащилъ мертвеца и по-
ложилъ сзади повозки, и побѣхали дальше.
Не успѣли отѣхать еще одной версты,
смотрягъ — еще и другой валяется мертвый

человѣкъ. Баринъ опять говорить лакею:— „Афонька! тащи и этого сюда въ повозку.“— Положили и поѣхали дальше.

Бдуть они путемъ—дорогою и, доѣхали до полянки. Стоитъ маленькая избушка. Баринъ и говорить:— „Афонька! приварачивай на ночлегъ (такъ какъ дѣло было къ вечеру). Подъѣхали къ этой избушкѣ; ворота были отворены, а на дворѣ никого не видать. Баринъ и говорить:— „Афонька вы-прягай лошадей да давай имъ овса, и пойдемъ въ избу: мнѣ что-то Ѵеть очень хочется“. Афонька скоро убралъ лошадей, даль имъ корму, потомъ взялъ чемоданъ съ закуской и попили они съ бариномъ въ избу. Входять въ сѣни и видятъ: двери въ избу отворены, а изъ избы слышенъ шумъ и гамъ. Вопили они въ избу и видятъ: за столомъ сидятъ 12 здоровыхъ разбойниковъ, которые никого ни днемъ, ни ночью не пропускали живымъ:— всѣхъ убивали и грабили. Когда баринъ увидалъ этихъ разбойниковъ то немного было струсить, но когда взошелъ и сѣлъ на лавку, то сказалъ:— „Афонька! мнѣ очень Ѵеть хочется, тащи-ка сюда изъ повозки окорокъ, который сзади привязанъ.

Афонька живо побѣжалъ притащилъ мертвца и положилъ его на полъ, противъ барина. Баринъ взялъ тогда ножикъ, отрѣзалъ

— „Афонька! этотъ окорокъ немногого протухъ, тащи ка сюда другой.“ —

Афонька живо побѣжалъ и притащилъ другое мертвое тѣло. Баринъ опять взялъ ножъ, отрѣзаль немногого тѣла, понюхалъ и, говорить: — „И это протухло! нутка, возьми Афонька и дай сюда изъ-за стола, который будетъ всехъ помягче. Тогда всѣ разбойники — какъ... выскочать изъ за стола, да давай Богъ ноги! кто куда: кто въ двери, кто въ окно и всѣ живо разбѣжались, и остались въ избѣ только баринъ и Афонька.

Ночевали они въ этомъ домѣ, а на утро обонили всѣ кладовыя и нашли денегъ цѣльный погребъ; наклали себѣ цѣльную повозку и поѣхали домой. Тогда баринъ далъ Афонькѣ денегъ и отпустилъ на волю жить.

Лично мною записано въ Ярославской губ. отъ
В. В. Смирнова.

XXVII.

Пъеница.

ивъ да бывъ въ одной небольшой деревенькѣ мужицокъ пъеница. Всякой праздникъ и всякое воскресенье—люди въ церковь ко бидни, а онъ въ кабакъ бѣжитъ. Всю послѣднюю недѣлецку великаго говѣнья пропировалъ, и приползъ домой уже въ большую субботу, да и этотъ день весь продрыхнулъ. Въ Христовъ день ковда заблаговѣстили къ заутрени, хозяйка будитъ ево и говоритъ: сходи гыть хоть въ Христовъ то день въ церковь. Мужикъ съ лѣсъ съ говбца, оболокса и пошолъ въ церковь. Ну какъ онъ всю недѣлецку пропировалъ, то голова у ево болѣла, то онъ вздумалъ засидѣти передъ заутреней, кобацокъ опохмилиться только. Онъ обѣ томъ подумавъ,—глядѣ и видить тутъ знакомова мужицка, тоже пъеницу. Мужицокъ этотъ подошолъ къ нему и спрошавъ ево: „ты куда пріятель попиовъ,“— „Да голова болѣла, такъ хочу передъ заутреней засидѣти опохмилиться.“— „Хорошее дѣло; я тоже гыть иду; пойдемъ

вмистѣ.“—Попили они въ қабацокъ и спрошали иолитофа вина знакомый наливаетъ ему стаканъ и почуетъ, гыть:—„Выпей!“—Мужицокъ взялъ стаканъ въ руки и, поднеся ево ко рту, чтобы выпить, да и сказавъ:—„Господи благослови!“—

И вотъ онъ глядь: вмѣсто стакана-то въ рукахъ у ево слоновая чинка, а самъ онъ очутился въ густомъ прегустомъ лѣсѣ, и сидитъ на долгой ели. Кругомъ и подъ нимъ внизу темнота. Отъ страха мужицокъ цутъ не свалился на землю, а сѣзая съ елки, оцарапалъ себѣ рожу и руки о колючіе прутья. Пополъ домой и въ лѣсѣ заблудился и домой пришовъ лишь на четвертой денекъ праздника и то лишь вецеромъ. Довго постѣ тово былъ нездоровъ и если не умеръ, а царапины на рожѣ, на рукахъ такъ и остались на всю ево жизнь.

Съ того времецка, напѣтъ мужицокъ—шабашъ въ праздники вино пить.

(Записано лично мною въ Кадниковскомъ уѣздѣ, въ Засодимѣ).

XXVIII.

Хитрость ленивой бабы.

иль-быть мужикъ; была у него прелѣнивая баба. Скажеть, бывало мужикъ бабѣ: „зачѣмъ не прядешь?“ а баба сведетъ его въ клѣть, вынетъ изъ ларя веретено, покажеть мужику и скажеть: „смотри, муженекъ, веретено полнехонько!“ Затѣмъ положить она веретено въ ларь и поспѣ снова вынетъ его, какъ будто другое, и скажеть: „смотри, другое веретено полнехонько! Что ты заставляешь меня прясть? Лучше ступай въ лѣсъ, да сруби мотовило, чтобы было, на что сматывать пряжу.“

Разъ мужикъ взялъ топоръ и поинель въ лѣсъ срубить мотовило, а бабѣ велѣла починить шубу, покуда онъ въ лѣсу. Но лишь только мужикъ поинель въ лѣсъ, какъ баба побѣжала за нимъ, обѣжала его кругомъ, влѣзла на густую ель подле дороги, по которой долженъ быть проходить мужикъ, и запѣла синицей: „чи, чи, чи, кто срубить мотовило, тому скоро смерть; а кто починить шубу тому долго жить.“ Услышалъ пѣсню

эту мужику, перепугался и не срубилъ мотовила, а поспѣлъ домой, полѣзъ на печку да самъ починилъ свою шубу.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

XXIX.

О жена-дурѣ.

ила-была жена - дура. Однажды она потчивала гостя капустой и жаловалась, что у нея капуста плоха. Гость надоумилъ ее: „надо прибавить къ капустѣ свинаго сала, тогда она и будетъ хороша.“ Жена-дура, какъ услышала это, взяла сейчасъ свинину, разрѣзала на ломтики, понесла въ огородъ и положила на каждый кочанъ по ломтику. Положила она и ждетъ, что вотъ капуста выроститъ на славу. Но почуяли это сѣднія собаки и повадились приходить въ огородъ за саломъ. Разозлилась жена на собакъ, подстерегла ихъ и поймала одну. Притащила она собаку въ кѣсть и привязала ее къ втулкѣ пивной бочки. Начинаетъ она наказывать собаку. Собака рвалась, рвалась, наконецъ вырвала втулку и убѣжала. А пиво такъ и течеть изъ бочки! Не

знаеть дура, за что хвататься, оставляетъ бочку и бѣгомъ бѣжитъ за собакой. Но пока она догнала собаку и отняла втулку, ниво все и вытекло изъ бочки; въ кѣфти точно прудъ. Что жъ теперь дѣлать: и пива неѣть и кѣфти мокрехонька? Вдругъ ей приходитъ на умъ: вѣдь есть еще у меня пол-мѣры хороней пинеиничной муки. Взяла она муку и посыпала на мокрый поль. Принесъ домой женинъ мужъ, а она предъ нимъ: „муженекъ, муженекъ! я поймала собаку въ огородѣ, привязала ее къ втулкѣ пивной бочки и наказала было, а она шельма эта какая сорвалась, вырвала втулку, и ниво вытекло; но бѣды неѣть никакой: я посыпала на поль пинеиничной муки.“ Что же теперь дѣлать мужу? Не знаетъ онъ, смѣяться ли, или браниться.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

XXX.

Д в а б р а т а .

е въ которой деревиѣ жили два брата, они и раздѣлились по раздѣлу. Одинъ жить бѣдно, а другой богато. У бѣднаго не было ни дровъ, ни лошади и понель онъ къ богатому брату просить лошади и дать богатый братъ ему лошадь. Забыть бѣдный и попросить хомута и не смѣть подти прошать вдругоредь и привязать лошадь къ головицамъ хвостомъ; побѣхать по дрова, нарубить возъ порядочный, побѣхать домой, пріѣхать подъ окно къ себѣ и хотѣть вздернуть на наземь, но въ то время подворотка помѣшила: лошадь вздернула и хвостъ себѣ оторвала.—И не смѣеть онъ къ брату вести лошадь. Наконецъ понель онъ къ нему и сказать: я, у твоей лошади хвостъ оторвалъ. Братъ на него осердился: вотъ я нойду просить на тебя суда къ Шемякину.

И пошли они оба. И выпросились они на квартиру ночевать къ богатому мужику. Богатый съ богатымъ угощались, а бѣдный

спать легъ не Ѵвши. Подъ палатамъ же лежаляр младенецъ. Бѣдный ворочался, ворочался и съ полатамъ вмѣстѣ упалъ и младенца задавилъ. Тогда и другой богатый захотѣлъ на него просить и пошли всѣ вмѣстѣ. И дошли они до города, а въ этомъ городѣ быль высокій мостъ, а подъ мостомъ вѣзли на лошадяхъ. Бѣдный пошелъ этимъ мостомъ и задумалъ скочить съ мосту, чтобы убиться. Когда онъ скочилъ съ мосту, въ то время отецъ съ сыномъ выѣзжали изъ подъ мосту и бѣдный упалъ прямо имъ въ сани, сына у старика убилъ, а самъ не уился. Тогда старикъ вмѣстѣ съ двумя богатыми тоже пошелъ просить на него.

И пришли къ судью Шемякину всѣ четверо, а бѣдный взялъ большой камень и завязалъ въ платокъ. И стать его братъ обсказывать обѣ своеї лошади. Въ это время бѣдный поднялъ платокъ съ камнемъ и погрозилъ имъ судью, а судья подумалъ что тотъ ему сто рублей денегъ сулить, и разсудилъ такъ, что покуда хвостъ у лошади не выростетъ, и пущай бѣдный лошадь у себя. Потомъ стать обсказывать второй богатый обѣ своеемъ младенецъ, а бѣдный опять камнемъ погрозилъ и судья Шемякинъ разсудилъ такъ: ты дай ему свою жену, такъ онъ и сдѣлаетъ тебѣ другого младенца. А

старика, у которого убитъ быть сынъ, разсудилъ такъ: ты, дѣдка, встань на мос(т)ъ, а онъ пущай Ѳдетъ на лошади изъ подъ мосту, и скажи прямо на него. Старикъ скочилъ съ мосту, на бѣднаго не попалъ, а самъ убился, а бѣдный и побѣхалъ преснокойно домой.

XXXI.

РОТОЗѢЙ ВАНЬКА.

Отъ чего ему такое прозванье пошло, какъ онъ клада искалъ и гдѣ кладъ нашель.

святкахъ набралось въ избу къ дядѣ Иринею, парией и дѣвокъ видимо невидимо. Пришли, стали почесываться, никто слова не вымолвитъ. Здорово ребята, —молвишь имъ дядя, —по добрули по здорову?

— Все по добру по здорову, дядюнка отвѣчалъ одинъ парень посмѣлѣ; винь ты, мы на святкахъ погуляли, да такая мятелица поднялась, что зги Божіей не видно; такъ вотъ мы пришли къ тебѣ въ избу отогрѣться.

— Радъ гостямъ,—сказалъ дядя Ири-

ней — отогрѣвайтесь, кто на печи, кто на полатяхъ.

— Да, вотъ что еще, дядя, сказалъ тотъ же парень почесывая затылокъ,— ты человѣкъ умный, добру насть учини, а мы за то тебѣ спасибо,— и ужъ куда хорошо говориши, такъ въ душу и просится, а вотъ въ сосѣднѣй деревнѣ гуторятъ, что ты на всѣ руки мастеръ сказки разсказывать,— а сице мы отъ тебя ни одной не слыхали.

— Что же сказку вамъ чтоли, молвишь дядя Ириней; такимъ добрымъ ребятамъ ни въ чемъ не откажу; но только чуръ сказку дослушать до конца, да не перерывать, а иначе что, у меня сказка не сказка, а быль на сказку похожа, кто конца не дослушаетъ, тотъ словно ничего не слыхалъ. Наколи-ка лучины побольше єедька, а ты Матрена, смотри за свѣтицемъ, да прибавь воды въ шайку, вотъ недалеко отъ насть деревня вся до тла сгорѣла, отъ того что Маланья забыла воды подъ свѣтецъ поставить; ей мужъ толковать: поставь воды подъ свѣтецъ, ну, неравно уголь въ подполицу попадеть—долго ли до грѣха? А она ему въ отвѣтъ:—эхъ Никитичъ, да что я мертвая что ли сижу? ну упадетъ лучина, затопчу вотъ и все тутъ.—Такъ она говорила, да не такъ вышло: разъ мужа не было дома;

Маланья засвѣтила свѣтецъ и сѣла, словно порядочная, пряжу нрѣсть, и навалила во-
кругъ себя пакли; пряла, нрѣла, — да и
вздремнула, да такъ сладко, сладко... а тѣмъ
часомъ лучина нагорѣла да и свалилась,
шайки подъ нею съ водою не было, лучина
на поль, да зажгла паклю, а пакля попала
драть; проснулась Маланья, видѣть поль
горитъ, такъ и обмерла, чѣмъ бы схватить
воды, или квашни, чтобы чѣмъ попало за-
тушить, баба выбѣжала на улицу и ну кри-
чать по всей деревнѣ: — батюшки свѣты!
батюшки свѣты! добѣжала до конца деревни,
все кричитъ: — батюшки свѣты! — Вышли
міряне, спрашиваютъ у ней, — что такое? —
а Маланья знай свое мечется изъ стороны
въ сторону, да кричитъ: — батюшки свѣты!
Ужъ тогда догадались, когда полымя хва-
тило изъ оконка, тогда поднялась вся дере-
вня, туда сюда, кто за ведерко нѣтъ ве-
дерка — сватья взяла; кто за багоръ, — нѣтъ
багра — ребята Богъ вѣсть куда затащили;
пока кто за тѣмъ, кто за другимъ, занялась
другая изба, потомъ третья, такъ вся дере-
вня и сгорѣла. Ну, что! какъ ты думасиь,
Матрена?

— Ну, что тутъ думать, лядюшка, — от-
вѣчала Матрена, — вѣстимо дѣло, Божій
гнѣвъ!

— Вотъ ни дать ни взять и Маланья тоже отвѣтила, молвилъ дядя Ириней, когда соѣди стали корить, что отъ ея лучины они по міру пошли; да только знаешь, что одинъ соѣдъ ей на это сказалъ, мужикъ быть умный, а вотъ что: — правда твоя, Маланья, что Божій гибъвъ, а знаешь ли за что на тебя Божій гибъвъ быть, за то, что сама была не опаслива и настъ и себя погубила: Береженаго и Богъ бережетъ! Ну Матрена, не лѣнись, налей шайку пошли же, да поддвинь подъ самую лучину, чтобы съ про-комъ было.

— Вѣстимо, дядя, толковала Матрена,— на грѣхъ мастера нѣть.

— Врешь, дура, это только старыя дѣвки говорятъ, что на грѣхъ мастера нѣть; есть мастеръ, это самъ человѣкъ; ужъ нѣть такого другаго мастера и на грѣхъ и на спасенье, какъ самъ человѣкъ.

-- Такъ, дядюшка, промолвила сватъ Хавронья, правду ты говоришь; да вѣдь кого Богъ помилуетъ? вотъ ты знаешь пол-города сгорѣло, а у Архина домъ цѣлъ остался, и до сихъ поръ стоитъ; а кругомъ все обгорѣло—пустырь пустыремъ. Ну отъ чего такъ? ужъ такой, видно, положенье предѣль, что полгороду сгорѣть, а Архинову дому остаться.

— А знаешь ли сватъя, отъ чого Архипа Иванова Богъ помиловать? отъ того, что Архипъ Ивановъ мужикъ умный; и Богу молится, да и самъ не плонастъ. Вотъ я тебѣ разскажу, какъ дѣло было: въ домѣ городничій требовалъ отъ домохозяевъ, чтобы на всякой кровлѣ стоять чанъ съ водою, а возлѣ чана длинный шестъ съ навязанною мочалою; вотъ кто сдѣлалъ, а кто неѣть; кто поставилъ чанъ разсохній, налилъ воду, а вода вытекла, кто и совсѣмъ воды не наливалъ; стоять — себѣ чанъ пустой; вѣдь городничему не на каждую крышу взлѣзать, да смотрѣть: налить ли чанъ водою. У Архипа Иванова было иначе; выбралъ онъ, правда, старый чанъ, да плотный, отмочили его, поставили на крынѣ, налилъ въ него воды, да еще золицы горестей пять прибросилъ, чтобы вода не гнила; а возлѣ положилъ длинный, длинный шестъ съ мочалой, да еще вымазалъ его лягтемъ и высушилъ на солнцѣ, ради прочности. Бывало каждое Воскресенье Архипъ Ивановъ поспѣ обѣднѣ и лѣзеть на крышу: все осмотритъ, и если вода усохнестъ, долѣть чанъ и пойдеть себѣ въ избу; а сосѣди бывало на него зубы точатъ, да скалятъ:

— Ну, полѣзъ Архипъ на крышу въ чану окуней ловить. А Архипъ и слышалъ

что смыются, да мимо ушей пропускаль. Да завесь онь въ домѣ еще такой порядокъ: взять тоноръ, багоръ, веревку, да полдожини большихъ рогожъ, да ведерко, да длинную веревку, да желѣзную лопату и все положить въ особую конуру и строго запретить доманиимъ не замать, на какую бы то потребу не было. Итогомъ была сильная жара; все высохло, словно трутъ стало; ночью собралась гроза и ударила въ соединенный домъ, домъ загорѣлся: поняла тревога въ городѣ; пока приѣхали трубы, галки отъ вѣтра такъ и полетѣли во всѣ стороны; полетитъ, полетитъ черезъ улицу, да брякнъ на крышу, то одинъ, то другой домъ загорится въ разныхъ мѣстахъ; такъ, что пожарные не знаютъ куда и кинуться; а Архипъ Ивановъ, не крича, не спѣша, тутчасъ распорядился: взять рогожи, обмакнуть ихъ въ воду и повѣсить на домъ, съ которой стороны вѣтеръ быть; одного сына поставилъ у колодца, и говорить: — Ты, Петрушка, съ мѣста не сходи, все, воду качай; а другому дать въ руки ведерко и говорить: а ты, Навлунка не зѣвай, то и дѣло изъ ведерки на рогожи пlesкай. Бабамъ дать въ руки багоръ, да лопату и приморозить: — если головия упадетъ, то одна оттаскивай дальше багромъ, а другая или водой, а не

то м'ягко землей забрасывай,—брату дать въ руки топорь, да встѣкть отъ соседнаго двора заборъ валить, чтобъ огонь по забору не перенесъ; самъ же полѣзъ на кровлю, смотрить уже на крыши двѣ, три головы вѣтромъ раздуваются; слова не моля, Архипъ за несть съ мочалой, помочить въ чану и на голову, головия погасла, потомъ помочить еще, да хватъ другую; а межъ тѣмъ пожаръ отъ часу сильнѣе, газы такъ и летятъ на крышу, а Архипъ и усомъ не ведеть, то ту, то другую прижметъ мокрой мочалой, и поминай какъ звали; такъ прошло часъ, другой, а кругомъ огонь такъ и дергетъ; воды въ чану не стало хватать; Архипъ спуститъ съ крыши веревку, кричитъ: Навлунка, присди ка мнѣ ведерко, другое— пока чана не наполнить. Такъ онъ до полночи промаялся, — пока не перестало горѣть. Такъ вотъ за что Богъ его наказовать, за что и домъ Архиповъ до сихъ поръ стоять, хотя кругомъ пустыри пустыремъ! Ну да все это присказка, а сказка еще будетъ впереди; да какую сказку вамъ разскажать; вотъ эту что ли:

... Не вчера, не сегодня, не близко, не далеко, жилъ быль мужикъ Агафонъ Син-ридовичъ; и нельзя похуанить, быль мужикъ смысленный и работягий; на словѣ

честень; уже бывало, что скажеть, — то вѣрь, что печатному; всякий крестьянской промысел знать и порядокъ въ домѣ держалъ; одна за нимъ водилась бѣда: ино мѣсто стронтивъ очень былъ, а особливо подъ хмѣльную руку; а ино мѣсто все ему какъ съ гуся вода; хоть амбаръ гори—едва съ мѣста поневолнется; а ужъ за то, какъ осерчаешь—такъ всякое лыко въ строку, и то не такъ, и это; и пятое, и десятое: ужъ подъ тотъ чась куда больно доставалось женкѣ его Василисѣ Нерфильевнѣ, чѣмъ ни понало, такъ и хватить; а Василиса Нерфильевна была бабенка щедуниная, робкая; ужъ какъ видитъ, что на Спиридоновича лихой чась настанть, какъ засядетъ въ за-куть, да и носа отгуда не показывается, пока не замѣтитъ, что у Спиридоновича сердце отлегло, а тогда ужъ ему все ни почемъ.

Да быть у Спиридоновича съ Нерфильевной сынъ жѣть пяты, по имени Ванька. Тутъ и вся семья ихъ была.

Строгъ быть Агафонъ Спиридоновичъ, не любить никому потачки давать, особливо, говорю, подъ хмѣльную руку. А Ванька-то шаловливъ съ измаленьку быть; да на бѣду и Агафонъ то Спиридоновичъ не толковать. Бывало Ванька, известно дѣло дѣтское, —

сидитъ у заваленки, да камешкомъ въ каменекъ постукиваетъ; ино мѣсто Спиридовичъ мимо пройдетъ, слова не молвитъ, а ино мѣсто ни съ того, ни съ чего хватъ Ваньку за виски, да ужъ таскасть, таскаеть, зачѣмъ винъ Ванька въ избѣ не сидить. А Нерфильевна, баба жалостливая, какъ Спиридовичъ побьетъ Ваньку, за дѣло-ли, за не дѣло-ли, а Нерфильевна, Ваньку въ закутъ, да ну его утѣшать, да пряниками кормить. Такъ ужъ Ванька и пріобѣкъ. Мало было въ этомъ толка; не въ понадѣ приходились, ни строгость, ни баловство. Разъ и Нерфильевна на Ваньку осерчала: Ванька забрался на забортъ, да ну оттуда камнями нивырять того и смотри, что въ голову кому попадетъ. Нерфильевна взяла пруть, да и ну Ваньку стегать, чтобы съ забора сонцемъ а Спиридовичу жалко стало, какъ прикрикнетъ на бабу:—что ты! аль тебѣ свое рожденіе не мило? эка бѣда, что малый балуетъ—съ того ростеть. Такъ и зачастую бывало. Отъ того Ванька подростагъ, а ума не наживалъ. Вотъ наступиъ Ванькѣ десятый годъ. Разъ вымолвили Спиридовичъ,— а что Нерфильевна, вотъ у насъ на селѣ никола такая завелась, гдѣ грамотѣ учать; я думаю, да гадаю, чтобы и Ваньку-то въ ученье отдать; винъ люди то умны стали,

трудновато на свѣтѣ безъ грамоты жить. Какъ завошть Нерфильевна: — ахъ ты, свѣтъ—ты мой батюшка, Спиридовичъ! чо тебѣ на умъ пришло—дѣтице мучить? дѣтице молодое, неразумное, гдѣ ему грамоту понять; вотъ погоди, подростеть, самъ научится.—А Спиридовичъ, чѣмъ бы на глупую бабу прикрикнуть, еще поддакнуль ей; видно на него тихій часъ наисезъ и виремъ, говорить, что дѣтице мучить; подростеть, самъ научиться можетъ. А Ванька подростать, а ума не наживать, хоть отъ отца и часто ему потасовка бывала, ино не за дѣло. То закричить на Ваньку: зачѣмъ овса коню не подсыпалъ? а коли насыпано, кричить:—кто тебѣ велѣть въ дому распоряжаться? и за то и за другое потасовка, то есть, если Спиридовичъ осерчаетъ; да ужъ если осерчаетъ, такъ тузить Ваньку чѣмъ ии попало и ложкой и плонкой, а ино мѣсто и полѣномъ. Ужъ бывало соседи Спиридовичу толкуютъ:—что ты малаго то увѣчилъ; вѣдь ты изъ него полѣномъ всю память выбѣни. А Спиридовичъ въ отвѣтъ:—ничего!—уму учу, за битаго двухъ не битыхъ дають.

Такъ смекать Спиридовичъ, да не такъ вышло. Онь Ваньку такъ застращаць, что бывало какъ отецъ спросить его о чѣмъ,

Ванька выпятив глаза, ротъ разинетъ и не знаетъ, что отвѣтить, потому что, въ иной разъ, ждеть за все потасовки.

Чѣмъ болѣе Ванька глупѣть, тѣмъ болѣе Спиридовичъ серчать. Бывало выгонить Ваньку на поле съ сохою, Ванька выѣдетъ на поле, да и разинетъ ротъ: какъ пахать съ той, или другой стороны? отсюда начать—можеть не въ угоду батькѣ—побѣсть; и отсюда начать можетъ не въ угоду батькѣ будеть, — онятъ побѣсть. И стонить Ванька въ раздумыи цѣлый день; къ вечеру приѣдетъ Спиридовичъ, поле не вспахано.—Да что-жъ ты, дурень глупатъ? спросить, а Ванька въ отвѣтъ: — да я не зналъ, батька съ какой стороны тебѣ въ угоду будеть.—А Спиридовичъ такъ и всенеснется руками да и вскрикнетъ: — за что меня Богъ такимъ дурнемъ наказалъ!— Вотъ всегда то такъ человѣкъ на Бога ропщеть, а то ему не въ домекъ, что самъ безголовъ, да и сына-то безъ толка тузилъ.

И чѣмъ болѣе Ванька подростать, то болѣе дурнемъ становился.

У Спиридовича возлѣ огорода прудишко было, и рыба въ немъ водиласъ, да мало. Спиридовичъ смекать, какъ бы въ немъ рыбы побольше развести, кунить изъ большаго пруда рыбы, да и пустить ее въ

своей прудинко. Ванька, какъ увидѣлъ рыбу, подумалъ, что отецъ ему уху заварить, ужъ заранѣе облизывался, потому что сластенъ быть; но какъ отецъ началъ рыбу въ прудъ валить, Ванька какъ побѣжитъ въ избу, какъ завоинитъ благимъ матомъ: — матка! матка! бѣда и только, батька рыбу тонить! — а матка: какъ это, сокровище мое иена-глядно! — А Ванька въ отвѣтъ: а какъ же, отецъ рыбы накушилъ живой, да теперь чѣмъ бы на уху, и тонить ее въ пруду, а рыба-то такъ и бѣется сердечная. — А матка-то вмѣсто того, чтобы малаго вразумить, иu его гладить по головкѣ, да приголубливать; а на ту пору отецъ шасть въ избу, какъ услышалъ, что Ванька говорить, чѣмъ бы также его вразумить, Спиридовичъ его за виски, потаскалъ, потаскалъ, да тѣмъ и дѣло покончилъ; а Ванька то все таки не разобралъ, зачѣмъ Спиридовичъ рыбу въ прудѣ тонилъ.

Вотъ разъ Спиридовичъ говорить Ванькѣ: — эй, ты, дурень! заложи ка чалую, да побѣзжай ка на мельницу; возьми у мельника два куля муки, побѣзжай не мѣнкай; мельникъ сказалъ, что постѣ полудни онъ отлучится, а у насть къ завтрему муки не хватитъ, хоть безъ хлѣба сиди. Не мѣнкай, лурень да безъ кнута не Ѣзди, — слышишь?

Ванька разинула ротъ,—оторопѣла, однако понять за лошадью, а Спиридовичъ побѣхать въ поле, къ полуудине воротился Спиридовичъ, посмотрѣвъ на дворъ, чада стоять запряжена.—Гдѣ жъ, Ванька? привезъ муку то—чтоли? Нѣтъ ни Ваньки ни муки. Вотъ и полуудине прошли, вотъ и смеркаться стало, а Ваньки все нѣтъ. Спиридовичъ и ума приложить не можетъ. Ужъ къ ночи вышелъ на дворъ, а Ванька ходитъ вокругъ лошади.—Что ты дуренъ, гдѣ же мука, привезъ что ли?

— Нѣтути, говорить Ванька,—сейчасъ поѣду за мукой. Какъ вскрикнетъ Спиридовичъ:—ахъ, ты дуренъ, дуренъ! Да что же ты по сю пору дѣлать?—А Ванька въ отвѣтъ:—да видишь ты, батько, я кнутъ потерялъ.

— Ну такъ что же, спросилъ Спиридовичъ.

— Да то, батько, что ты не вѣльзъ безъ кнута ъздитъ, такъ я вотъ съ самаго утра все кнута искалъ,—и ни ътъ ничего,—ни синя пороха во рту не было—вотъ только теперь въ телегѣ нашелъ.

Спиридовичъ такъ и размахнула руками, да и понять прочь.

Такъ и за частую бывало. Чго не скажеть Ванькѣ, онъ или ровно ничего не пойметъ, или сдѣлается на выворотъ.

Разъ ночью Ванька лежитъ, на полатяхъ, да вонитъ: ай! пить хочу, ай жажда замучила—вотъ хоть бы капельку воды—горло промочить... да знай себѣ вонить, а съ полатей не пошевельнется.

Спиридовичъ слушалъ, слушать, да какъ вскрикнѣть:—Ванька! принеси ка мнѣ ковшъ воды, да скорѣе, а не то кнутомъ тебя, дурня!

Ванька соскочилъ съ полатей, какъ встрепанный, зачерпнулъ ковшъ воды и принесъ Спиридовичу.

— Ну, ней же теперь, дурень, промолвили Спиридовичъ,—да полно вонить.

Ванька нанился, а все не въ домекъ ему было, какъ онъ прежде того не догадался.

А ино мѣсто, особенно, какъ Спиридовича дома нѣть—Ванька—и такъ сядеть въ углу, да и вонитъ—на всю избу. Вотъ Нерфильевна къ нему:— что ты, Ванька, Ѳсть что-ли хочешь?—Нѣть!—Пить что-ли хочешь?—Нѣть!—Спать что-ли хочешь?—Нѣть! Да чего же ты хочешь?—Вонить хочу! А Нерфильевна Ваньку по головкѣ, да приговаривать:—ахъ ты сокровище мое не-наглядное! Ужъ не испортить-ли кто тебя? Ужъ у тебя это не съ глаза ли? А Ванька и того больше вонить, индо соѣди сбѣгались.

Такъ то жилъ, да поживалъ Ванька-Ротозѣй, ни родителямъ въ угоду, ни себѣ во спасеніе. Вотъ Ванькѣ исполнилось двадцать лѣтъ съ годомъ. У Спиридоновича лошадь пала; а дѣло шло къ веснѣ. Спиридоновичъ собралъ деньжонокъ, да и смеялъ бы въ базарный день въ городъѣхать лошадь купить; и городъѣ-то былъ недалеко всего верстъ десять. Пришелъ базарный день,—а Спиридоновичъ болѣлъ. Дѣлать нечего; говоритъ Ванькѣ: слушай ты, Ванька, не вѣрь тебѣ ротозѣемъ бѣть; сослужи ка службу: стѣзди на базарь въ городъ, да купи мнѣ коня; да не то, чтобы мудрена, однако слыши ты, чтобы заправской быть, двадцать цѣлковыхъ заплати, да смотри, чтобы до города иудовъ двадцать тащить, не быть бы лѣнивъ и на тѣлѣ никакого изъяну не было. Вотъ тебѣ и деньги; смотри не потеряй. Хорошо купинъ, шапку тебѣ новую подарю; дурно купинъ — и побью. А вотъ соѣдь Кирилловичъ до города тебя доведеть.

Ванька слушаетъ словно разумный человѣкъ; деньги получитъ, заткнуль кнутъ за поясъ и попечь въ городъ съ соѣдомъ Кирилловичемъ.

Ідугъ они путемъ дорогою; вотъ дошли до перекрестка, а на встрѣчу имъ ишѣ

барышникъ съ лошадью, тоже въ городъ на базаръ гонитъ. Ну калякатъ о томъ, о семъ. Узналъ барышникъ, что Ванька лошадь покупаетъ; да чѣмъ тебѣ въ городъ идти, говоритъ, — вотъ на, купи лошадь — эдакой лошади рѣдко достать. И Кирилловичъ говоритъ: — ставный конь, — кабы нужда была и я бы купилъ.

— Да ужъ какой конь говоритъ барышникъ — что любо два; — ну покупай что ли малой; чтобы въ городъ не бхать денево отдать, — всего восемнадцать цѣлковыхъ.

— Нѣтъ, говоритъ Ванька, намъ такой конь не годится.

— Отчего же не годится? спросилъ барышникъ.

— Отъ того, что батька велѣть за коня двадцать цѣлковыхъ заплатить.

— Чго ты? Чго ты? закричалъ Кирилловичъ, какой же въ тебѣ толкъ, Ванька? отецъ велѣть доброго коня купить, а меньше заплатишь, отецъ похвалитъ.

— Да толку! ты себѣ — вѣдь батька-то не свой братъ; не много не по немъ — больно прибѣть.

Между тѣмъ барышникъ смекнулъ, что Ванька за птица, да и говоритъ: — да что о томъ толковатъ; я не заснорю, я пожалуй и двадцать цѣлковыхъ возьму, а конь

стоить этой цѣны, рѣдкостный конь, пудовъ съ тридцать до Москвы не кормя довезетъ.

А Ванька въ отвѣтъ: „Нѣтъ и этого мнѣ не придется; батька сказалъ, купи такого коня, чтобы до города пудовъ двадцать тащилъ, а не то, что до Москвы.

Барынникъ посмотрѣлъ на Ваньку, усмѣхнулся, пристегнулъ коня и поскакалъ въ городъ.

А Кирилловичъ Ваньку ругасть:—экой ты неразумный! али не можешь въ толкъ взять, что если конь до Москвы, такъ и до другого города довезетъ.

А Ванька:—да, толкуй, Кирилловичъ; съ батькой не говоришь; какъ починеть быть, ты своихъ боковъ не бось не подставишь.

А Кирилловичъ ему: ахъ, ты, дурень! дурень! за что отцу быть, если хорошаго коня купилъ.—Упустилъ, дурень, упустилъ. На базарѣ такого коня не сыщешь.

Ванька и держитъ отвѣтъ: ты что ни толкуй, а я только то знаю, что батька велѣлъ мнѣ на базарѣ за двадцать цѣлковыхъ коня купить, да коня такого, чтобы отъ нашей деревни до города двадцать пудовъ тащилъ. На томъ Ванька и рѣчь свою ставилъ, а Кирилловичъ только головою поматывалъ.

Вотъ пришли они въ городъ. Кирилловичъ привѣтъ Ваньку на базарь, а самъ

попечь по своему дѣлу.—Ванька на базарѣ и ротъ разинулъ, посматриваетъ изъ стороны въ сторону. Вотъ видитъ у кабака весельчакъ, малый такой разбитной, шапка на бекренѣ, рассказы разсказываетъ, а кругомъ его парни стоять да усмѣхаются. Ванька подошелъ къ кружку, и большие того ротъ разинулъ, слушаетъ; а весельчакъ то со стороны на сторону повертывается.

— Что, говоритъ ребятамъ, вина выпить что-ли и вамъ поднести? иѣтъ сегодня я и пить не пью, и подносить не подношу...

— А отчего бы такъ? — спрашивали ребята.

— Я отъ того, что у меня на то три резона есть: первое то, что я вина въ ротъ не беру; а второе то, что сегодня день не такой;—а третье то, что я ужъ полиграфа выпилъ! а подносить, пожалуй, подносите.

Ребята захохотали, а Ванька то и того большие ротъ разинулъ: что—де такое онъ говоритъ?

А тѣмъ часомъ весельчакъ его замѣтилъ, да какъ вскрикнетъ: а ты что стоишь ротозѣй? чего тебѣ надобно?

Ванька оторопѣлъ, да и говоритъ, миѣ батька велѣлъ на базарѣ коня куничь...

— А денегъ много далъ?

— Да двадцать цѣлковыхъ!

— Ай да батька! Какъ такому лихачу не дать двадцать цѣлковыхъ. Хочень я тебѣ удружу; пойдемъ въ кабакъ, у меня тамъ такие кони стоять, что языкъ проглотишь...

— Нѣтъ, говорить Ванька, мнѣ батька вѣдѣль не въ кабакѣ, а на базарѣ коня купитъ...

Весельчакъ мигнуль товарицамъ, да и говорить: а по мнѣ какъ хочень — не совать мнѣ тебѣ коня въ горло; да я не только что коней продаю, я и на другія хитрости подымаюсь. Вотъ видишь ты на землѣ гроши положь; спиной къ нему повернусь, а другой гроши чрезъ голову кину и прямо на тотъ гроши попаду.

— Ой ли? закричать Ванька.

— Давай обѣ закладъ о гривнѣ—отвѣчай весельчакъ.

А Ванька сираиниваетъ у парня, что стоять возлѣ него „что такое закладъ“?

— А то, отвѣчаетъ парень, что если онъ не попадетъ гроши на гроши, такъ тебѣ заплатить гривну...

— А если попадеть?

— Ну такъ вѣстимо ты заплатишь гривну.

А Ванька въ отвѣтъ: нѣтъ, боюсь, какъ попадеть не равно...

— Гдѣ попасть,—говорить парень, дер-

жи, виши онъ подгуляль; даромъ грину возвьмешь.

Между тѣмъ весельчакъ точитъ себѣ лясы, да прикрикиваетъ:—эй, держинь, что ли, молодецъ!

А Ванька только ротъ разѣваетъ, да дивуется.

Вотъ весельчакъ положилъ гроши на землю, повернулся къ нему спиной; другой гроши черезъ голову кинулъ,—а на гроши не попалъ.

— Ахъ, оплошалъ говорить, ну нечего дѣлать, ротозѣй выиграль,—вотъ тебѣ гринна; я малый честный.

А парни то вокругъ него:—ай да молодецъ—ротозѣй—гринну выигралъ! То то молодецъ!

Ванька взялъ гринну, самъ не знаетъ, какъ она ему досталась, а между тѣмъ радехонекъ, что гринну даромъ взялъ.

— Ну, говорить весельчакъ, осматриваюсь,—дай еще счастья попытаю. Слышишь, ребята, вотъ у меня мѣра овса въ мѣнѣкѣ, такъ вотъ слушайте, эту мѣру овса я въ два такихъ же мѣнїка положу и оба полны будутъ.

Ваньку раззадорила гринна. Ой-ли вотъ не положинь! закричалъ онъ.

— Давай обѣ закладъ о цѣлковомъ, что положу?...

— И оба мѣшка полны будуть?

— Оба мѣшка полны будуть!

— И одной мѣрой овса?...

— Одной мѣрой...

Разобрало Ваньку:—эхъ, ты, думаешь,
куда не шла... взялъ гривну даромъ—хорошо,
а какъ еще цѣлковый возьму еще
лучше будетъ.

— А весельчакъ-то къ нему: ну держи-
ши, что ли? говори, а не то, прочь поди.

Помялся, помялся Ванька, почесалъ за-
тылокъ и выговорилъ:—ну держи-ста!

— Слышили ребята, — сказалъ весель-
чакъ,—ну смотрите жъ въ оба.

Весельчакъ взялъ мѣшокъ съ овсомъ,
а другой пустой; Ванька подошелъ поближе
чтобы посмотретьъ какъ онъ одну мѣру въ
два мѣшка насыплють. А весельчакъ взялъ
мѣшокъ съ овсомъ, да и всунулъ его весь
какъ былъ въ пустой мѣшокъ: вотъ гово-
ритъ, одна мѣра овса въ двухъ мѣшкахъ и
оба полны.

— Проиграть ростозѣй! закричали пар-
ни—плати Петрушкѣ цѣлковый.

Ванька туда, сюда, а парни обстунили его,
смѣются, да кричатъ:—плати, плати! развязы-
вай моину! бился объ закладъ, такъ плати!—
вишь-ты, выигралъ гривну, такъ взялъ; а
какъ проиграть, такъ на понятный дворъ.

Нечего было дѣлать. Ванька развязалъ мошну и самъ не свой, вынулъ изъ нея цѣлковый, отдалъ Петрункѣ, да такъ и залился слезами. А тѣмъ часомъ парни подъ руки его подхватили, да и говорятъ:—Пойдемъ въ кабакъ магарычи заинять.

И увели бы они его въ кабакъ, и остальные бы девятнадцать цѣлковыхъ тамъ бы Ванька убилъ; да на ту пору, землякъ мимо корову гналъ; а землякъ тотъ съ Ванькою были погодки и звали его Емельяномъ; малой молодой, да такой расторопной. Увидѣть онъ Ваньку у кабака, подошелъ къ нему, дернулъ его за руку, да какъ крикнуть на парней:—что вы обижаете?

А парни въ отвѣтъ:—мы не обижаемъ, а въ кабакъ ведемъ...

Емельянъ свое.—Не зачѣмъ ему въ кабакъ идти.

— А тебѣ то что, закричалъ Петруника.

— А то, отвѣчалъ Емельянъ, что Ванька мой землякъ—и нечего ему съ вами водиться.

Сказалъ Емельянъ, да и выдернула Ваньку изъ толпы. Парни захочотали, да въ кабакъ побрели.

А Емельянъ Ванькѣ:—какъ ты къ такимъ плутамъ въ руки попалъ: вѣдь это знаешь, бражники такие,—что и быть хуже ихъ на свѣтѣ.

Ванька рассказалъ ему всю свою бѣду, да и ну вопить: какъ ему теперь и коня кунить, какъ и къ отцу безъ цѣлковаго на глаза показаться.

Емельянъ былъ такой жалостливый:— эхъ, Ванька, полно вопить; хорошо, что ты мнѣ на глаза попался; у меня отъ доброй покупки деньги остались; я тебя, пожалуй, цѣлковымъ ссуджу, какъ разбогатѣешь, заплатишь.

У Ваньки, какъ гора съ плечъ, да какую же ты, отецъ родной, покупку сдѣлать.

Да вотъ, говорить, батька посыпалъ корову покупать, да далъ двадцать цѣлковыхъ, а я славную коровенку досталъ за восемнадцать.

— Ну да какъ же ты Емельянъ покупалъ?

— Ну вѣстимо какъ, смотрѣль, да выбиралъ...

— А меня отецъ съ измаленька училъ, о какой примѣтѣ хорошую скотину узнавать, какое вымя должно быть, какая голова, какія ноги и все прочее.

— А больно отецъ бывалъ?

— Ну не безъ того, когда въ малолѣткахъ бывалъ, бывало за шалость и стегнеть розгой, да потомъ, какъ отдали онъ меня въ школу, выучился я грамотѣ и

сталъ въ разумъ входить, всякую шалость бросилъ, хозяйствомъ занимаюсь, да по цыфири счеты у отца свою жу; съ тѣхъ поръ отецъ меня хоть бы пальцемъ.

— Ну да скажи пожалуй, Емельянъ, какъ бы и мнѣ такъ поступать, чтобы отецъ меня не билъ?

— Старайся, Ванька, отцу угоджать, будь ему въ домѣ на пользу, что говорить, слушай, не забывай, умѣй все приберечь, а ино мѣсто и барышъ отцу добыть... Однако пора къ домамъ... корову-то не то, что коня-то выбрать...

— Ну, Ванька, отвѣчалъ Емельянъ, однѣ разомъ этому не научинъ, ты хоть смотри того, чтобы на тѣлѣ то у него изъяна не было, пошелъ бы я съ тобой, если бы не коровенка... боюсь запоздать. Видѣль я тамъ на концѣ саврасая стояла, кажись добрый конь, — только не разсмотрѣть я его хорошо: посмотри поближе, можетъ быть и годится...

Емельянъ погналъ корову домой, а Ванька пошелъ опять на базарь, нашелъ саврасую—глядь, а возлѣ нея стоитъ знакомый барышникъ. Узналъ онъ Ваньку. А Ванька ходитъ вокругъ лошадей, да поговариваетъ: „надобно мнѣ лошадь такую, чтобы на тѣлѣ изъяна не было.—Вотъ хо-

зянинъ, саврасой говорить: да чего тебѣ лучше моей саврасой, славный конь и не дорого возьму, всего восемьнадцать цѣлковыхъ.

А барышикъ шепчеть Ванькѣ: посмотри-ка у нея тѣло съ изъяномъ—ухо распорото.

Ванька посмотрѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, у саврасой ухо было съ мѣткой, распорото.—Нѣтъ, говоритъ хозяину, братъ, нась не обманешь; батька не велѣлъ лошадь съ изъяномъ покупать, а у твоей ухо распорото,—сказалъ, да и пошелъ прочь.

А барышикъ за Ванькой:—хочешь, говорить, я тебѣ удружу, я тебѣ такого коня продамъ, что ужъ никакого изъяна нѣтъ: за полцѣнны изъ дружбы уступлю; всего двадцать цѣлковыхъ возьму, да еще тебѣ цѣлковый прикину.

Ванька и ротъ разинулъ. Пошелъ за барышикомъ къ тому мѣсту гдѣ его кони стояли. Вывелъ барышикъ коня гнѣдаго, да кнутомъ его подстегиваетъ:—видишь ты, говоритъ, какой конь, индо на дыбы становится, молодой добрый конь; смотри ка, что за чернь на зубахъ, шести лѣтъ ему нѣть, а хвостъ то какой, одинъ хвостъ двухъ цѣлковыхъ стоитъ. Ужъ такого коня на всемъ базарѣ не найдешь, хоть до вечера ходи.

Подумать, подумать Ванька, да и хто го по рукамъ съ барынникомъ, отдать ему двадцать цѣлковыхъ; а тотъ ему цѣлковый прикинуль, да говорить:—видишь ты, какъ тебя уважаю, а ужъ и ты меня штрафомъ вина уважь.

Такъ и сдѣлали. Тѣмъ часомъ подошелъ Кирилловичъ; Ванька сѣсть на коня, ну его погонять, конь ни съ мѣста.

— Ахъ бѣда, говоритъ Кирилловичъ, обманули тебя, конь то добрый, лѣнивый. — Что ты, отвѣчаетъ барынникъ, усмѣхаясь, какой лѣнивый! онъ только эдакъ, знаешь... на память слабъ забываетъ, что везти надо бно.

— Подай деньги назадъ! кричитъ Ванька.

— Что ты, говоритъ барынникъ, на дурака, чтоли напалъ? Ты покупаешь, я продаваю. Какъ продано, такъ тому и быть.

Тутъ барынникъ принялъся стегать кнутомъ коня, сдвинуть его съ мѣста, побѣжалъ Ваня шашкомъ, и Кирилловичъ за нимъ поплелся; какъ вышли изъ города, тутъ и пошла потѣха: конь-то былъ съ норовомъ: идетъ, идетъ да остановится, хоть ты что хочешь съ нимъ дѣлай, пока не образумится. Ужъ кое какъ добрались до деревни. Какъ увидѣть Синридоновичъ коня, такъ и всплеснуль руками:—что ты его съ живодерни

что ли привезть: да чего жь ты смотрѣлъ?
вѣдь этому одру годовъ, я чай думаю, двадцать спинникомъ!

— Нѣтъ говорить Ванька и черни на зубахъ...

— Какая тебѣ чернь, зубы-то выжжены;
какая тебѣ чернь, или не видишь...

— Какъ зубы выжжены, толкуется Ванька,
зубы все тутъ до одного какъ слѣдуетъ.

Индо заплакать бѣдный Спиридоновичъ,
услыхавъ такія рѣчи.

А Ванька къ Перфильевичу, а Перфильевна къ Ваньку: — ни въ чемъ бы-то тебѣ
дигтярко, таланту нѣту, говорить. Не доведется тебѣ никакъ батыкъ угодить. То и
говорить, то и твердить, что отъ тебя родимый какъ отъ козла, ни шерсти ни мо-
лока.

Съ тѣхъ порь и сидѣлъ Ванька на пе-
чи: жарко станетъ, на палати перелѣзть;
холодно станетъ, опять на печь полѣзть;
сидѣль, да думушку думалъ...

Вотъ разъ приходитъ Ванька къ Пер-
фильевичу.—Нравду ты говоришь, матушка,
что ни въ чемъ миѣ таланту нѣть. Вотъ
Емельянъ все миѣ толкуется, что долженъ я
отцу угоджать, въ работѣ помогать и ба-
рынгъ ему доставлять, а какъ тутъ быть?
Хороню Емельяну толковать; онъ и гра-

мотылій, и работу всякую знасть, куда хо-
чешь его поверни; а вотъ у меня безталан-
наго такъ все изъ рукъ валится; а какъ
видишь что ничто неспорится, такъ тоска
возьметъ, да сонъ одолѣтъ, все бы зѣвалъ
да потягивался,—а межъ тѣмъ все такъ и
думаю, какъ бы отцу барынѣ достать, ду-
маль, думаль матка, да и выдумаль недурное.

— А что такое, дитятко, спросила Пер-
фильевна, скажи ка?

— Да вотъ что, мамка, вотъ ужъ я
слышала, что ужъ нельзя такого барына
достать, какъ кладъ сыскать.

— Ахъ сокровище мое, да какъ же
кладъ то найти? Вотъ хороню бы!?

— А вотъ матка, въ городѣ говорять,
что знахарка есть, что клады указываетъ,
сходить посовѣтываться, да съ пустыми-то
руками и не ходи.

— То еще не бѣда, дитятко, что на
деньгу пошла, отвѣчала Перфильевна.

На другой день ранымъ ранененъко
снарядила она Ваньку въ городъ, и конецъ
холста и нитокъ мотокъ и полтину денегъ
припасла она ему для знахарки, а чтобы не
проголодался хлѣба краюху, да соли, да то-
локна, да ложку съ плошкой въ кузовъ
Ванькѣ положила.

Вернулся Ванька изъ городу, да и го-

воритъ: Ну, матка, добрую вѣсточку прінесъ, только не говори пока отцу.

— Вотъ вспрыснула меня водицея, да и говорить: нѣтъ, никакого въ тебѣ таланту нѣту. Ужъ попечь ты дуришь, такъ тебѣ и вѣкъ вѣковать; ни на что ты не годяцъ, мой родимый, и что тебѣ не толкуй все какъ горохъ обѣ стѣни; а кладъ найдени, ужъ это у тебя на роду написано. Вотъ я ей:—давно ужъ, бабушка, охота береть, да какъ его отыскать? а она въ отвѣтъ: ужъ обѣ этомъ не печалься, я помогу. Слушай же, да обѣими ушами ни слова не пророни! Не бѣда кладъ найти, а бѣда бѣлую ворону поймать. Замѣть, гдѣ въ новолуные и въ полнолуные вороны садятся, да кругомъ того мѣста три раза задомъ обойди, такъ бѣлая ворона прямо къ тебѣ въ тенеты сама прилетитъ. А ты се тогда за хвостъ ухвати и перо у неї изъ хвоста вытащи, а то перо ливное, куда съ нимъ не пойдешь, вездѣ съ собой носи: какъ почускнешь, что перо забывается, такъ на томъ мѣстѣ и копай землю, а ужъ тутъ и хватай! такъ поэтиники и рублевички и начнутъ подъ руками кататься. Только смотри, того приорови, чтобы самому новолунию и полнолунию къ воронамъ прийти: рано придени. А ужъ у тебя на роду написано, чтобы кладъ найти...

Разъ возьми, Ванька, гдѣ насажены были овощи, увидалъ бѣлого голубя, подумать что это ворона въ него обернулась, ногнался за нимъ, отъ него упало неро, оно закружилось надъ грядами, онъ давай вѣсъ гряды сворачивать. Да и не одинъ разъ. И пойдетъ Ванька въ огородъ, и роетъ, и роетъ, словно добрая лопасть, а Соломеница навозъ на гряды возить, да всякую овоць садить, а посыпать, въ городѣ проласть, да деньги въ кубышку кладеть, а добрые люди ходятъ мимо, да приговариваютъ: — не надобенъ кладъ, если у мужа сть женюю ладу!

Вотъ и сказка, какъ Ванька—Рогозѣй жилъ, да покрывалъ, отъ чего ему такое прозвище ионило, какъ онъ клада искалъ и какъ его нащелъ!

XXXII.

Котъ въ сапогахъ.

известно, въ какой странѣ, далеко за синимъ моремъ, въ приморскомъ богатомъ городѣ жилъ знаменитый воевода. Онъ былъ любимъ и уважаемъ царемъ; а богатству его и смыты не было.

Всѣ этого боярина боялись и уважали,

какъ любимца царскаго. На кого, бывало, онъ нахмурить брови, тотъ не думаетъ живымъ ужъ быть.

Жилъ онъ довольно долго холостыемъ и наконецъ, ему наскутила до смерти его одинокая роскошная жизнь. Вотъ и стала онъ думать, какъ избѣгнуть одиночества, и наконецъ решилъ обзавестись молодой женой. И, разумѣется, богатыемъ—не вино курить, не пиво варить, задумано—сѣѧлано; и выбралъ онъ себѣ жену молодую, красавицу, и начать жить съ ней пріглашающи, грустъ кручину забывающи.

На первый годъ супружества даровалъ Господь имъ сына, красавица не описанаго: во лбу у него свѣтлѣть красное солнчино, глаза словно яркія звѣздочки, а въ затылкѣ блеститъ золотая луна. Воевода съ этой радости принялъ давать пиры друзьямъ съ ранняго утра и до поздняго вечера. Въ его бѣлокаменныхъ налатахъ ходили чарочки по столицамъ и гремѣла громко музыка, пѣлись пѣсни все военные.

Поворожденному всякой желать и очестей, долгую жизнь, славу громкую, а кто желать ему счастливое супружество. Наконецъ посѣдѣлъ изъ гостей встать и, подошедши къ столу, взять чару съ виномъ и сказать: „пью во здравіе хозяина и за здра-

віе всѣхъ честныхъ гостей, а на зубокъ новорожденному я долженъ правду сказать: зацвѣтеть онъ точно маковъ цвѣтъ, заблестить, какъ солнце красное, будетъ силенъ и уменъ, и достигнестъ въ жизни почестей, какихъ трудно вымолвить словами“.

Этому старику отвѣсили по поклону всѣ гости; а онъ вздохнувши, продолжалъ: „судьба новорожденаго будетъ завидная, славная! его ждуть царскіе чертоги, золотой вѣнецъ ему готовится; но до тѣхъ поръ, пока все это сбудется, онъ долженъ будетъ перенести много горя и несчастія. Не будетъ жить онъ въ своей родинѣ и помогать отцу въ старости; матери родной черезъ него придется много плакать“.

Года идутъ своимъ порядкомъ, и Иванъ, боярскій сынъ, сталъ рости не по днямъ, а по часамъ, такъ что въ десять лѣтъ отъ роду онъ казался двадцатилѣтнимъ юношемъ. Лицомъ былъ красавецъ, словно дѣвушка, а собою прямой богатырь, а звать его стали уже не Ванюшкой, а Иваномъ Иванычемъ.

Сталъ онъ ходить на царскій дворъ и играть тамъ съ другими боярскими дѣтьми; только всѣмъ дѣтямъ его игрушечки казались не по сердцу: кого, бывало, схватить за руку—у того руки какъ не было, а кого

бывало, схватить за волосы, у того голова прочь отъ плечъ.

И дошли всѣ эти его шутки и игры до ушей царя. Пришли во дворецъ къ государю всѣ его вѣрные бояре и уставши въ ноги сказали: ваше царское величество, не велите казнить людей своихъ, а велите слово молвить: у васъ, надежда царь, въ государствѣ есть воевода знатный, сильный и любимецъ твой; у того же боярина есть сынъ, красавецъ неописанный; и повадился этотъ боярскій сынъ часто жаловать на царскій дворъ, сталь заводить тамъ игры дѣтскія съ наими дѣтками, которые оказались имъ не по сердцу: кого ухватить за руку—рука прочь, кого за голову—тоже и голову долой. Просимъ тебя, великій Государь, повели его выслать совсѣмъ изъ земли своей, а не то придется намъ самимъ со своими семействами искать счастія въ чужихъ краяхъ.

Царь, услышавъ слезинки рѣчи своихъ бояръ, разсердился на Иванушку и призываетъ къ себѣ отца его и даетъ ему строгое приказаніе, чтобы онъ выпроводилъ своего сына, черезъ три дня, изъ города; а не то велитъ казнить его безъ пощады злюю смертю.

Затужилъ знаменитый бояринъ и, уда-

ривши челомъ царю, попечь отъ него къ своей женѣ и рассказалъ ей кручину свою, царское приказаніе насчетъ единственнаго дѣтища. Потомъ они принялись собирать сына своего въ дальнюю сторону.

Ваня, видя слезы матери и печаль отца, своего, отвѣчалъ имъ съ улыбкою: о чѣмъ ты, матушка, кручининъся? о чѣмъ вы льете слезы горькія? Лучше бросьте свою печаль и тоску, а благословите меня въ дальний путь,—и ваше родительское благословеніе меня всюду будетъ охранять.

Потомъ, подошедшіи къ отцу, сказалъ ему: „родимый батюшка! не горюй, не плачь ты обо мнѣ, а только дай мнѣ коня богатырскаго, и прощай! я поѣду странствовать“.

И попечь онъ на конюшню выбирать себѣ коня. Ходилъ онъ цѣлыхъ два часа по всѣмъ конюшнямъ, но не могъ нигдѣ добыть коня себѣ, ни одинъ не годился для него: хоть другой и на видъ добрый конь, а погладить его Ваня рукою—конь на колѣни опускается. Потерявъ всякую надежду найти себѣ по сердцу коня онъ, попечь въ самую постыдную конюшню. Входить тихо, пригорюнившись, и что же видитъ?—стоитъ вороной конь на трехъ цѣпяхъ прикованный, смирио стоитъ и не щастъ блокяющую инспицію, и не пьетъ медового пойла.

А копыты у коня подбиты крупными жемчугомъ. Глаза яркіе, какъ звѣзды, грудь широкая, грива золотистая. Увидавши его, Ванюша закричалъ могучимъ голосомъ: охъ ты, мой добрый конь! знать, не даромъ я столько времени искалъ тебя! а теперь ужъ не разстануся!

Конь, услышавъ голосъ витязя, ударилъ копытомъ о сырую землю и весело потрясъ гривою, что наконецъ-то нашелъ себѣ достойнаго хозяина.

Когда осѣдили этого воронаго коня, подвели къ дубовому крыльцу, тогда вышли на крыльцо самъ бояринъ съ боярыней, а за ними ишель боярскій сынъ, Иванъ Ивановичъ.

Поклонившись низко отцу съ матерью, Иванъ сталъ садиться на коня. Бояринъ съ боярыней и все слуги слезно плакали.

— Ты прости, паниъ иенаглядный сынъ, когда будешь въ далекой сторонѣ, то не забудь отца съ матерью и присылай къ намъ извѣстія о себѣ. Ну, а теперь, съ Богомъ, поѣзжай.—Тутъ мать его залилась горькими слезами и прижалъ къ груди сына своего, тихо промолвила:

— Прощай сынъ мой! прощай, солнце мое красное! можетъ быть, тебя миѣ не видать больше,—такъ приими же отъ меня подарочекъ и съ нимъ наставлениe.

Тутъ она сняла съ руки перстень съ бриллиантовымъ камнемъ и, надѣвши Ванѣ на руку, сказала:

— Это предковенный перстень талисманъ. Онъ остался мнѣ по случаю и имѣть чудную силу: если будетъ нужда въ золотѣ, то нужно перемѣнить его съ руки на руку, и богатство польется рѣкой; а если встрѣтишься со злымъ врагомъ, то, снявши съ пальца, перекинь его съ руки на руку, и появится огромное войско; а если ты захочешь себѣ почестей, то потри имъ рука объ руку, и твое желаніе исполнится. Только опасайся одного, сынъ мой, чтобы перстня твоего не увидали очи красной дѣвицы. Береги его, какъ глазъ во лбу, отъ волнебныхъ глазъ красавицы; а не то лишишься перстня ты, а съ нимъ вмѣстѣ потеряешь и свое счастіе, и погибнешь, какъ цвѣтокъ зимой.

Получивъ этотъ перстень, Ваня надѣлъ его на руку, вскочилъ на коня, свистнулъ громкимъ посвистомъ и побѣжалъ съ широкаго двора.

Сказка льется, какъ рѣка течетъ, время мчится быстро, да не какъ рѣка; Ѳдетъ Ваня день, Ѳдеть два; Ѳдеть мѣсяцъ и болѣе. Пробѣжалъ онъ полгода и все держитъ путь дорожку въ одну сторону. Но Ѳдеть

онъ по такой дорогѣ, гдѣ не пролетала итица быстрая, звѣрь хицній не прорыскивалъ.

Въ одинъ день, когда уже красное солнечко закатилось за дремучій лѣсъ, Иванъ подѣхалъ къ темному лѣсу, въ которомъ виднѣлась гладкая дорога, раздѣляющаяся на три стороны; посреди стоялъ высокій столбъ, на которомъ было написано: „кто пойдетъ въ правую сторону, тотъ погибнетъ злую смертью; а кто пойдетъ налево—живъ останется, а конь надетъ подъ сѣдокомъ, кто же прямо пойдетъ—тотъ и съ конемъ своимъ прошадеть на вѣки вѣчные“.

Прочитавши эту надпись, витязь повѣсили свою буйную головушку.

Подумавъ немножко, онъ сказалъ самъ себѣ:

— Даи, пуцу я ворона коня въ чистое поле травки поинциать, а самъ пойду пѣнкомъ по прямой дорогѣ, видно чему быть, того не миновать.

Разсѣдалъ онъ воронаго коня и пустилъ его по лугу; потомъ вырѣзаль себѣ дубиночку и пдѣгъ лѣсомъ, подириается; между тѣмъ солнце закатилось совсѣмъ, наступила темная ночь, мѣсяцъ покрытъ былъ тучею.

Идеть витязь все дальние и дальние, никуда не сворачивая,---видить, темный лѣсъ

рѣдѣть началь; наконецъ онъ совершенно вышелъ изъ этого лѣса и очутился на широкой полянѣ, по которой текла быстрая рѣка, и по рѣкѣ несется лодочка безъ вѣсель и безъ паруса, словно кормчимъ управляется.

Ваня лодочкой этой стоитъ да любуется. Вдругъ эта лодочка сама подплыла къ берегу и остановилась. Немного подумавъ, Ваня, боярскій сынъ, одинъ прыжкомъ очутился въ этой лодочки.

Вотъ и на небѣ стало свѣтлѣе; мѣсяцъ смотрить изъ-за облаковъ и красуется въ волнахъ рѣки.

А рѣка течетъ и зыблется, и сверкаеть на лунномъ блескѣ золотистыми струйками. Но зыбкимъ волнамъ рѣки быстро несется лодочка, а на ея дѣлѣ уже сидѣтъ крѣпко Иванушка и сладко такъ во снѣ онъ улыбается. Ненчестъ онъ какія то невинятныя слова, должно полагать, какія инбудь чулныя видѣнія беззаботнаго убаюкиваютъ.

А кругомъ лодочки играютъ и плескаются, въ волнахъ рѣки, красны дѣвицы, красавицы собой: волоса у нихъ зеленые. И пируютъ эти дѣвицы иѣсни и такъ проворно ныряютъ, словно рыбочки, а подъ ихъ унылую иѣснину плыветъ лодка все поспѣшище. Проснулся наконецъ Иванъ и рѣбко началъ

озираться вокругъ. Ему послышался изъ ближайшей рощи громкий рокотъ соловья, пѣснь глубокая и веселая, только на душѣ у молодца мрачно, словно поченька туманная.

Отчего же такъ грустенъ витязь наинъ? или витязю сонъ привидѣлся зловѣцій и диковинный? Нѣтъ, не сонъ, страшитъ его, а тоска кручинна лютая гложетъ сердце богатырское: перстень его драгоценный подарокъ матери, неизвѣстно куда изчезъ съ руки. Вотъ о чёмъ сидитъ да думаетъ наинъ молодецъ, онъ вспоминалъ завѣтъ матери, чтобы беречь перстень, какъ глазъ во лбу. Долго думать добрый молодецъ, да знать думой не помочь бѣдѣ.

Онъ отеръ слезу горячую и думать сталаъ уже не о перстнѣ своемъ, а о томъ, куда преклонить свою буйную головушку. Вотъ выпелъ онъ изъ лодки вонъ и побрелъ берегомъ быстрой рѣки. Вотъ идетъ она версту, другую и третью, все одной и той же дорожкою. И вдругъ видитъ: передъ нимъ широкая равнина, по этой равнинѣ течеть быстрая рѣка и на бережку стоять избушечка на куриныхъ пожкахъ; къ ней то витязь и направилъ путь.

Подошелъ къ этой избушкѣ молодецъ, крикнулъ громкимъ голосомъ: повернись изба, къ рѣкѣ задомъ, ко мнѣ передомъ!

И избушка повернулась къ Ванѣ пе-
редомъ; а Иванъ, схватившись за скобку,
отворяетъ дверь тесовую.

Вотъ и входитъ онъ въ избушку, смотритъ—хижина немудрая, подъ окномъ стоитъ скамейка дубовая, съ нею рядомъ стоитъ браиний столъ. Баба-Яга стоитъ посреди избы и варитъ надъ жаровнею какое-то заморское зелье. У Бабы Яги глаза горятъ какъ раскаленные угли. Нося у Бабы Яги, словно у ястреба, голова словно пивной котель, а изъ подъ чернаго коконника торчатъ клочьями сѣдые волосы, а лѣтамъ этой колдуньи и счету нѣть. Она шепчетъ какія то чудныя заморскія слова надъ зельемъ, и сильно клокочетъ это снадобье; а на шесткѣ сидить сибирскій котъ и любуется хозяйкою. Оттого котъ быть диковинный, совершенно не похожій на обыкновенныхъ котовъ.

Какъ только вошелъ молодецъ, Яга-баба оглянулася и, топнувъ ногою обѣ ногъ, закричала громкимъ голосомъ: „я живу здѣсь два вѣка съ половиною и не видала здѣсь ни одной живой души, ни одинъ человѣкъ сюда слѣда не прокладывалъ, ни одна птица не пролетывала и звѣрь хищный не прорыскивалъ. Не слыхать, зачѣмъ ты

сюда, добрый молодецъ, пожаловать! или
жизнь тебѣ наскучила?“

Иванъ услыхавъ такія грозныя рѣчи,
подбоченился и безстрашно отвѣтилъ ей:
„не сердись, хрычовка старая! не тебѣ
хитрить надъ молодцемъ! лучше скажи мнѣ
въ привѣтъ слово ласковое, да пониже
гостю кланяйся, да за столъ сперва посади
меня! накорми, напой меня, а потомъ уже
и спать укладывай; когда высыплюсь, тогда
спрашивай: зачѣмъ молодецъ пожаловалъ“. Яга-Баба видѣтъ, что этотъ молодецъ не
трусливаго десятка, живо посадила его за
дубовый столъ и принесла всякихъ замор-
скихъ кушаньевъ, всякихъ винъ и крѣпкаго
меду, на закуску-же дорогихъ сластей.

Сѣть Иванъ за дубовый столъ, стала
закусывать и кушанья занивать виномъ.
Баба-Яга за столомъ стоитъ и все потчуєтъ
незваннаго дорогаго гостя. Потомъ, когда
онъ наѣлся, она постелила ему пуховую
постель и уложила спать.

Едва онъ успѣлъ заснуть, какъ начать
въ просонкахъ бредить и несвязно говорить
о злой красавицѣ, которая живеть въ хру-
стальномъ теремѣ подъ водой, на самомъ
днѣ рѣки; какъ она ласкала его, какъ
просила перстень и какъ наконецъ „до-
дарила“ его ей.

Все рассказали, нескромный молодецъ.
А самъ еще не просыпается.

Синть онъ цѣлнія сутки, синть другія,
и наконецъ третыи и болѣе. А Баба-Яга
все спитъ да ждетъ, вотъ проснется добрый
молодецъ, а онъ себѣ и не думаетъ; на-
конецъ она начала будить его и когда раз-
будила, то сказала: „Ахъ ты, боярскій сынъ,
Иванушка! сининъ ты крѣнко, богатырекимъ
сномъ, и забыть свою кручину позабыть
наказъ родной матери — беречь перстень,
словно глазъ во лбу, отъ волнибныхъ глазъ
красавицы; ты за блескъ ея ясныхъ очей
отдать перстень, промѣнять благословеніе!

— Не садиться бѣ тебѣ, молодцу, въ
заколдовашую лодочку; а коль сѣть, то не
ложиться-бѣ въ ней и не снать бы какъ
дома въ своеемъ теремѣ”!

Услыша это, боярскій сынъ залился
горькими слезами и не взвидѣть света
Божьяго. Баба-Яга, видя его горькую печаль,
сжалась надъ нимъ и сказала:

— Брось кручину, — не пригоже добруму
молодцу, словно дѣвушкѣ, плакать! Бѣда
велика — не спорю я, да кручинѣ все таки
помогу тебѣ!

Ты воротинъ чудныї перстень свой и
этимъ перстнемъ спасешь красавицу, свою
будущую жену, которая сната въ хру-

стальному теремѣ; та дѣвица, дочь царя, унесена злымъ волшебникомъ, и она теперь очарована, десять лѣтъ спитъ непробуднымъ сномъ. Тотъ же злой волшебникъ и перстень твой укралъ съ руки въ то время, когда ты въ утлой лодочки спала крѣпкимъ сномъ. Знаю я того волшебника, мы живемъ съ нимъ пососѣству—я въ избушкѣ, а онъ на днѣ рѣки, и отъ всѣхъ своихъ пріятелей онъ зовется сердитымъ водянымъ дѣлушкой.

Ты теперь, Иванушка, не теряй по пусту времени,—время дорого. Ступай родной, выручать кольцо завѣтное, а съ кольцомъ и красавицу. Дамъ я тебѣ въ провожатые сибирскаго кота, онъ покажеть тебѣ къ нему дорогу и сослужить вѣрную службу, коли будешь его слушаться.

Окончивши рѣчь, Баба-Яга дала знать коту сибирскому, — тотъ вскочилъ, какъ встрепанный, и нырнуль подъ печку, досталъ оттуда саноги да престрашенные, должно бывать на заказъ были сдѣланы. Котъ обулся въ нихъ очень скоро и сталъ щеголемъ диковиннымъ.

Потомъ онъ взялъ дубинку, положилъ ее на плечо и всталъ у двери, какъ слуга, дожидаясь Ивана.

Витязь всталъ и въ путь сряжался, сказавъ спасибо Бабѣ Ягѣ за угощенье,

отправляется съ своимъ неизмѣннымъ вѣрнымъ спутникомъ сѣрымъ котомъ. Баба-Яга провожаетъ ласковыми словами:

Прощай, молодецъ! Когда кончишь дѣло счастливо—не забудь и моей убогой хижинѣ, заѣзжай ко мнѣ съ красавицей, выпить чарку водочки, закусить заморскихъ кушаний.

Идутъ путники удалые, котъ сибирскій да Иванъ, боярскій сынъ; прошли версту, другую, на полянѣ очутились, по этой полянѣ рѣка течеть, по волнамъ несется лодочка, и безъ веселья и безъ паруса, словно кормчимъ управляется.

Сѣли наши путники у берега этой рѣки и отдыхаютъ. День уже клонился къ вечеру. И сѣрий котъ началъ говорить Ивану человѣческимъ голосомъ: „слушай, боярскій сынъ, съ тобою я посланъ для услуги тебѣ, и я буду тебѣ служить вѣрой и правдой, только ты меня во всемъ слушайся: не садись ты въ эту лодочку, а не то уснемъ на вѣки вѣчные, а давай ко мы затянемъ пѣсенку и за дѣло смѣло примемся изъ песку давай веревки вить. Обѣ работы нашей свѣдастъ самъ нечистый, старый дѣдушка, и выныгнетъ къ намъ чертенка спросить, что мы дѣлаемъ; и когда къ намъ выскочитъ чертеночъ и спроситъ: „что, ребята, строите?“—ты скажи ему тогда

въ отвѣтъ: „изъ песку, дескать, веревки вьемъ“. Онь опять задастъ вопросъ: „на что вамъ ихъ?“ Ты ему онятъ скажи: „веренками этими мы сведемъ берегъ съ берегомъ, всю до капли рѣку высунимъ и чертей съ дѣдушкой всѣхъ со дна выживемъ“.

Какъ сказать котъ, такъ и поступили: усѣлись, запѣли пѣсенку и начали веревку вить.

Едва они успѣли хорошенъко приняться за дѣло,—глядь, выходитъ изъ рѣки дико-винный звѣрекъ. Ростомъ маленький, горбатенький, съ предлиннымъ хвостомъ и съ рожками. Подошелъ онъ къ витязю, глядить и удивляется на работу небывалую. Помолчавъ немного, онъ спросилъ: „что вы, ребята, стронте? Меня изъ воды посталь дѣдушка спросить васть объ этомъ“. Иванъ отвѣчалъ ему: „изъ песку веревки вьемъ, а когда навьемъ, то притащимъ берегъ къ берегу, а рѣку высунимъ до капли всю и всѣхъ бѣсовъ со старымъ дѣдушкой вонь отсюда выживемъ!“

Услыхавши это, бѣсенокъ испугался не на шутку и поклонившись низко Ивану, покорно отвѣчалъ ему:

— Погодите, не губите нась, почтенные! дайте сбѣгать мнѣ къ дѣдушкѣ и разсказать ему о вашемъ намѣреніи; и коли хочеть

онъ цѣль быть, то что бы давать богатый выкупъ: золота, серебра и жемчугу.

Услыхавши это сибирскій котъ сказалъ ему: „не нужно намъ твоего богатаго выкупа, а поди, скажи ты дѣдушкѣ, коли онъ хочетъ невредимымъ быть, то пусть отдастъ перстень витязю, который онъ обманомъ снялъ съ руки злыми дѣвками русалками.

Выслушавъ это, посланный бѣсенокъ нырнуль въ рѣку и слѣдъ простыть. А котъ началъ говорить Ивану, боярскому сыну: дѣло начали мы хорошо, надо теперь кончить поумнѣй: какъ только бѣсенокъ скажетъ дѣду, какой мы выкупъ съ него требуемъ, то дѣдушка порядкомъ испугается; но все таки не согласится онъ выдать перстень твой, а приплетъ другаго винчка къ намъ, только поудачѣ этого: и онъ начнетъ требовать, чтобы ты бѣжалъ съ нимъ въ запуски; если ты его перегонишь, тогда перстень выдадутъ, а если неѣть, то будетъ намъ худо. А ты вотъ что, добрый молодецъ, будь умнѣй, не берись бѣжать съ нимъ въ запуски, а скажи только ему съ улыбкою: „гдѣ тебѣ гоняться за мной! у меня есть меньшой братишка; и посмотрѣть то на него, такъ срамъ людской, а и тотъ перегонитъ тебя, какъ пить дасть!“

— Ну, ладно,— молвилъ Иванъ, а гдѣ же намъ взять меньшаго братинка?

— Это ужъ не твоё дѣло,— я все улажу.
Какъ сказаль котъ, такъ и случилось.

Выныриуя изъ синихъ волнъ рѣки бѣсенокъ, на видъ уродливѣе первого, и, ударивши челомъ о землю, началъ говорить: „Водяной сердитый дѣдушка выслалъ спросить меня: если желаешь получить кольцо, то давай сначала бѣгать въ запуски; если ты меня перегонишь—перстень выдадимъ; а если неѣтъ, то не прогибайся, будешь вѣкъ ловить ершей на обѣдъ да на ужинъ дѣдушкѣ“.

Выслушавъ эти рѣчи, Иванъ отвѣчашъ ему: ахъ ты, плохой бѣгунъ! гдѣ себѣ тягаться со мной! У меня меньшой братинка есть, такъ и тотъ обгонитъ десять разъ тебя!

— Ну, ладно, давай посмотримъ его удали!—сказать бѣсь! а Ивану то и на руку. Онь мигнула коту сибирскому и сказала: поди ка сведи его къ моему меньшому брату.

Котъ махнулъ лапкой бѣсенку, самъ направился къ лѣсу, гдѣ лежать подъ кустомъ зайцы; подошелъ къ нему поближе, котъ вѣльзъ бѣгуну готовиться а самъ, припавши къ землѣ, что есть мочи прыгнулъ къ кусту и ударилъ зайца по уху лапкой.

Тотъ вскочилъ, какъ встрепаный, оглянулся кругомъ и увида кота съ бѣсенкомъ, пустился со всѣхъ ногъ бѣжать, какъ стрѣла изъ лука, что не прыжокъ, то цѣлыхъ пять аршинъ; ни кусты, ни кочки, ни пригорки— все ни почемъ ему. Дѣдовъ посланный за нимъ бѣжитъ изо всей мочи, задыхается и кричитъ ему: постой, сосѣдъ! давай поровняемся,—ты бѣжишь-то не по правилу! Зайцу дѣла нѣтъ до правила и ровняться ему некогда, знай летить, какъ калена стрѣла, а черезъ полчаса совершенно слѣдъ простылъ.

Потерявши изъ виду зайца, бѣсенокъ остановился и, едва дыша отъ усталости, поплелся назадъ, какъ не солено хлебалъ; потомъ, сказалъ коту сибирскому: я до сей поры слыть первымъ бѣгуномъ въ свѣтѣ, но теперь ванъ мальчишка осрамилъ меня, и не знаю я, какъ теперь глаза показать дѣдушкѣ. Видно, дѣлать нечего — пойду просить его, чтобы онъ сдержалъ свое обѣщаніе и отдалъ бы кольцо ваше.

Съ этими словами бѣсть нырнуль въ воду.

— Дѣло идетъ хорошо, сказалъ котъ, надо кончить поразумнѣе. Слушай теперъ: какъ бѣсенокъ скажетъ дѣдушкѣ, что мальчишка обогналъ его, то не на шутку дѣдъ разсердится, но не тотчасъ согласится отдать

кольцо, а принесет къ намъ другаго внучка, похитрѣе первыхъ. И начнетъ этотъ внучекъ требовать, чтобъ ты поборолся съ нимъ. Но ты не берись бороться съ нимъ, а скажи ему съ усмѣшкою: не тебѣ, дескать, плохой сплачъ, со мной снау свою пробовать; а у меня есть старый дѣдъ, что лѣтамъ его счету иѣть, такъ и тотъ тебя отпогнуетъ такъ, что кости затрешатъ.

Иванъ, выслушавъ это, спросилъ: а где же намъ взять стараго дѣдунику?

— Это не твоя бѣда—я все мастерски уложу.

Черезъ четверть часа вынырнуль изъ воды бѣсь, ростомъ сажень щѣлая, въ плечахъ два аршина, хвостъ длинный съ колокольчикомъ, а рога словно у буйвола.

Вотъ подходитъ онъ къ Ивану и, ударивши челомъ, человѣчымъ молвили голосомъ: если хочешь получить кольцо, то прими мое условіе, давай съ тобой поборемся: коль поборешь, то и перстень отдамъ, если же неѣть—будешь ланти и лесть на всѣхъ чертей да сапожки нигде на дѣдунику.

Выслушавъ это, Иванъ, боярскій сынъ, отвѣчалъ ему съ улыбкою: „гдѣ тебѣ, плохой сплачъ, со мной силой своей мѣриться! У меня есть старый дѣдъ, ужъ

лѣтамъ его и счету нѣтъ, а и тотъ тебя отпотчуетъ такъ, что кости затрецатъ...

— Ладно, ладно, отвѣчалъ бѣсь,—мы посмотримъ его удали, подавай его сюда.— А Ивану то и на руку; онъ мигнуль коту сибирскому: покажи-ка ему дѣдушку! Котъ привсталъ и подалъ бѣсу знакъ лапкою, чтобы тотъ сѣдоваль за нимъ, а самъ пошелъ къ тѣсу.

Пришли они въ самую чащу лѣса, гдѣ стоялъ огромный стогѣтній дубъ; а подъ этимъ дубомъ была медвѣжья берлога. Медвѣдь издали еще замѣтилъ приближающихся путниковъ и привсталъ на заднія лапы. Котъ велѣлъ силачу готовиться, а самъ прыгнулъ на зеленый дубъ. Медвѣдь медленно подошелъ къ бѣсу и, обнявъ его по своему, сталъ повертывать во все стороны; и напрасно бѣсь кричалъ, ругать его, что онъ дерется не какъ боецъ, и чтобы дать ему поправиться; но медвѣдю дѣла нѣтъ до правила, знай ломаетъ бѣса сильнаго. Наконецъ ужъ бѣсу не втерпѣлось стало бороться, и кричать ужъ пересталъ онъ совсѣмъ! а черезъ полчаса чуть живой онъ подъ кустомъ лежалъ.

Котъ спрыгнулъ съ дуба и, подошедшіи къ нему, поднялъ съ земли и повелъ его къ рѣкѣ. А онъ и говорилъ ему со слезами:

я до сихъ поръ славился силачемъ; но сегодня ванъ старый дѣдунка изломать меня совсѣмъ; я теперь не знаю, и глаза показать своему дѣду. Буду просить его, чтобы отдать онъ кольцо завѣтиное.

И съ этими словами бѣсъ нырнула на дно рѣки. Котъ же, возвратившись къ витязю, сказалъ ему: дѣло наше идетъ къ концу, надо кончить поразумнѣе. Ну, да это теперь не твоя бѣда! Водяной дѣдунка теперь выйдетъ самъ и твой перстень сюда вынесетъ; отдасть тебѣ его и начнешь просить, чтобы ты не гналъ его со дна рѣки, и не требовалъ красавицы! по ты молчи, а я самъ буду отвѣтывать ему.

Едва успѣть котъ сказать это, какъ рѣка заволновалась и изъ середины бурныхъ волнъ показалось чудовище: борода сѣдая вплоть до пояса, голова словно пивной котель, а глаза горятъ, какъ уголья.

Вышелши на берегъ, онъ отдалъ Ванѣ талисманъ и началъ говорить ему съ почтѣемъ: „честь и слава тебѣ молодецъ! твою волю мы исполнили, не грубили твоей милости, такъ и ты насть оставь въ покой; поѣзжай въ свое отечество, тамъ отецъ и мать слезы горькія лютъ но тебѣ; а отецъ дозвolenія опять у царя выпросить, чтобы жить тебѣ вмѣстѣ съ нимъ. Когда

возвратишься ты къ отцу своему, то выберешь тамъ себѣ красавицу изъ тысячи, и заживешь ты словно сыръ въ маслѣ. Нозабудешь ты тогда свое горюнко, только теперь ты не трогай меня и не спрашивай красной девицы, которая спала въ хрустальномъ теремѣ!“

Услыхавши эти слова, сѣрый котъ прервалъ его, говоря: „мой бояринъ приказалъ тебѣ такой отвѣтъ держать: если хочешь жить на дикѣ рѣки, такъ отдай намъ красиу девицу, а не то мы не перестанемъ верёвки вить, и тогда вамъ всѣмъ живымъ не быть.“

Водяной девичка разсердился не на шутку и, ударившись о сырую землю, превратился въ лютаго тигра и подбѣжалъ онъ къ Ивану; а тотъ побѣдила весь, словно листъ дрожитъ, да сѣрый котъ то не промахъ быть, онъ тоже ударился о сырую землю и, сдѣлавши львомъ, бросился на тигра лютаго. Тигръ на льва стремглавъ бросается, расправляетъ когти острые; а левъ трясется сердито гривою и винвается въ противника. Застрuinлась кровь изъ ранъ ихъ, затрешали кости крѣпкія, а окрестность огласилась страннымъ и жалостнымъ ревомъ. Долго бой этотъ продолжался съ равной силой. Наконецъ тигръ не

вытерпѣть и стать просить попады, но левъ не внимая ничему, зналъ крушить его безъ устали. Тутъ тигръ поднялся на хитрости и, ударившись о пять о землю лбомъ, сдѣлался маленькою мышкою и бросился со всѣхъ ногъ къ рѣкѣ. Но не плохо было и косматый левъ, не пожалѣть и онъ лба широкаго, и ударившись о землю лбомъ, стать по прежнему котомъ, и однинъ прыжкомъ настигъ мышенка бѣднаго, ухватить его за шиворотъ и давай душить...

Долго онъ душилъ его, такъ что, наконецъ, онъ пересталъ пинать совсѣмъ, и началъ молить кота человѣчымъ голосомъ „отпусти меня, сибирскій котъ!“ такъ и быть, приму условіе, отпушу вамъ красную дѣвницу!“

Но котъ продолжалъ тормозить его и приговаривать: „нѣтъ не пущу тебя до тѣхъ поръ, пока скажешь слугамъ своимъ, чтобы вывели красавицу.“

Тогда мышонокъ закричалъ слугамъ громкимъ голосомъ: „что жъ стоните, дурачье, скоты! аль не видите бѣды моей? Убирайтесь всѣ на дно рѣки, выводите красну дѣвницу!“

Бѣсы, услышавъ приказаніе资料 of своего повелителя, живо бросились на дно рѣки. Ваня смотритъ, но водѣ несется хрустальный теремъ, изъ него выходитъ на берегъ кра-

савица и бросается въ объятья доброго молодца. Вания берегъ се за блестящныя руки и смотрить ей въ ясныя очи, приговаривая: какъ тебя ли, красная девица, я приложе не видывалъ. Потюби меня, красавица! И пойдемъ на лихомъ конѣ въ мое славное отечество.

Тамъ, въ высокомъ свѣтломъ теремѣ льетъ горькія слезы по мнѣ моя родная матушка и, рыдающи говорить, что не видать мнѣ солнца краснаго! Но ты, моя спротка одинокая, тамъ найдень отца и мать себѣ! а если девичья жизнь тебѣ наскучила и твое сердце ищетъ чувства нового, такъ я подарю тебѣ колечко обручальное, а съ этимъ и любовь свою.

Девушка улынулась на страстныя рѣчи молодца и сказала: „я на вѣкъ твоя, ты спаситель мой; за тобою я готова всюду сѣдоватъ; сиротою я только здѣсь была, но у меня есть тоже отецъ и мать, не простаго, царскаго рода я, и у нихъ одна дочь, а наследниковъ болѣе никого неѣть; а зовутъ меня *Несмѣянною* царевною. Наше царство отсюда далеко и отецъ мой, славный царь Дадонъ, правитъ царствомъ уже сорокъ лѣтъ, и теперь онъ старъ и дряхлъ. Обѣщаешься ли ты, когда побываешь на родинѣ, вѣхать въ наше царство? И при

этомъ только условіи я готова за тобою
слѣдовать хоть на край свѣта и принять
отъ тебя кольцо, завѣтное, а съ кольцомъ
вмѣстѣ и любовь твою.“

Выслушавши рѣчи красавицы, Вания
далъ ей клятву вѣрности, чтобы во вѣкъ
не разлучаться съ ней.

— Полно вамъ разговаривать! — сказали
котъ, — пора домой идти! И потомъ обратившись къ дѣлушки, сказали ему: „тебя,
старый дѣдъ, витязь жалуетъ прощаніе и
возврашаетъ опять быструю рѣку! Убирайся
пока живъ еще!..“

Тутъ наши путники отправились въ
путь дороженьку. Идутъ, межъ собою рѣчъ
ведутъ сынъ боярскій съ красной дѣвчиной,
про любовь и про замужество, а сѣрый
котъ улыбается и отпускаетъ прибауточки.

Подошли они къ избушечкѣ; Иванъ не
хотѣть взойти въ нее, а сидѣніемъ съ своей
красавицей поскорѣе къ отцу и матери;
онъ просилъ съ собою бхать и кота си-
бирскаго, говоря: „ты и обѣдни, сѣрый
добрый котъ, къ моему отцу и матери; за-
живешь ты тамъ пріглашающи и будешь
кататься словно сыръ въ маслѣ!“

— Благодарю, добрый молодецъ на
твоемъ ласковомъ словѣ, но бхать къ тебѣ
я не могу. Сослужить я тебѣ службу вѣрную

и къ Бабѣ-Ягѣ ворочусь я, а ты поѣзжай съ своей красавицей—путь счастливый вамъ, голубчики! Когда же будеши жить счастливо, не забудь и наасъ со старухою, въ наину хижину убогую просимъ милости на всякий разъ!

Сказавши это, сѣрый котъ поклонился витязю, потомъ пустился вдоль лѣса по извилистой тропиночкѣ; скоро скрылся за деревьями, только слышенъ быль трескъ валежника.

Между тѣмъ боярскій сынъ на свое мѣсто ворономъ конѣ, имѣстѣ съ красавицей, поѣхали къ нему на родину. Бѣхали они мѣсяцъ и два, наконецъ проѣхали и полгода, тогда забѣглись стѣны города. Вотъ подѣхали и къ городу, имъ опустили подъемный мостъ. У палатъ на крыльцахъ стоять отецъ съ матерью и встречаютъ доброго молодца съ красавицей, и ведутъ ихъ въ каменные хоромы свои. Потомъ ихъ сажаютъ за брачный столъ и начинаютъ играть свадьбу. А на свадьбу ту и самъ добрый царь со своей супругою пожаловалъ.

По проиществіи мѣсяца, Иванъ со своею супругою отиравились къ ся отцу Дадону. И такъ какъ царь Дадонъ быль дряхль и старъ, то и захотѣлось ему за живо успоконить свою старость. И онъ сдалъ свое

царство витязю, а съ царствомъ отдать и золотую корону. И стала пани витязь законнымъ царемъ, и началь править тѣмъ государствомъ разумно: судъ, расправу и законъ давалъ всѣмъ по правилу. И жилъ онъ многія лѣта счастливо и благополучно.

Прижилъ онъ съ своею царицею ровно двадцать сыновей себѣ, а при рожденіи каждого сына задавалъ и нръ на цѣлый міръ; а на тѣхъ иирахъ всегда государь бывалъ иѣсн иѣвалъ и вину цивалъ; по усамъ его текло—въ ротъ ни капли не попадо никогда.

Взято съ лубочного изд. Народная сказка.

XXXIII.

О Иванѣ-царевичѣ, жарѣ птицѣ и сѣромъ волкѣ.

Быть нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ князь, по имени Выславъ Андроновичъ. Обладаю онъ огромнымъ богатствомъ и жить въ такомъ довольствѣ, что, казалось, ему ничего не оставалось желать. У князя Выслава Андроновича, кромѣ того, было три сына. Старшаго звали Петромъ, средняго—Василіемъ, млад-

шаго—Иваномъ. Всѣ три брата одинаково были прекрасны собою, но не одинаково имѣли наклонность къ добру и не равный получили успѣхъ въ наукахъ. Изъ нихъ въ особенности отличался меньшии братъ —Иванъ-царевичъ. Онъ каждый разъ внимательно выслушивалъ учителей своихъ и всегда усердно изучалъ все то, что ему преподавали, тогда какъ его братья, старший и средний, во время уроковъ были разсѣяны и проводили время не столько за книгами, сколько за простыми праздными играми. Прошло нѣсколько лѣтъ, и всѣ три брата пришли въ совершенный возрастъ. Отецъ ихъ, повидимому, былъ оттого еще счастливѣе. Но вдругъ его спокойствіе было нарушено. Стало пронаѣдать у него въ саду золотыя яблоки, и любимая его яблоня теряла красоту свою. Сильно опечалился оттого Выславъ Андроновичъ, ничего не шить, ничего не щѣль и похудѣть съ горя такъ, что узнать нельзяя. Жалко стало сыновьямъ отца своего; пришли они къ нему да и говорятъ:

— Дорогой папа, любезный батюнка! Позволь намъ поочередно караулить яблоню съ золотыми яблоками; можетъ, и подстережемъ виновнаго; тогда въ подробности все донесемъ тебѣ.

Князь Выславъ, выслушавъ дѣтей своихъ, одобрилъ ихъ наਮѣреніе и позволилъ имъ поочередно караулить свою любимую яблоню.

Наступила ночь. Поневолѣ на дозоръ старшій братъ, Петръ, но наскучило ему ходить по саду,—прилегъ на траву да и заснуль богатырскимъ спомъ. Не видаль онъ, какъ прилетала въ садъ Жаръ-птица и какъ опять улетѣла, опипавъ несколькия самыхъ лучшихъ яблокъ.

Проснулся рано на другой день Выславъ, послалъ за сыномъ своимъ и стать разсирашивать его—не подстерегъ ли похитителя.

— Нѣть, дорогой мой батюшка,—отвѣчалъ ему старшій сынъ;—какъ ни страдался я, какъ ни всматривался, не смыкая глазъ во всю ночь, но ничего не могъ примѣтить. Точно какой невидимый духъ похищаетъ изъ твоего сада золотыя яблоки.

Отецъ, выслушавъ это, сморщился отъ неудовольствія.

На другую ночь поневолѣ стеречь яблоню средній братъ, Василій, но и этотъ также заснуль такъ крѣко, что еслибы и его самого кто перетащилъ куда-нибудь, то онъ, и тогда бы не проснулся. А между тѣмъ

Жаръ-птица снова напинала яблокъ и такъ же, какъ въ прошедшую ночь, преспокойно улетѣла.

При наступлениі утра, князь Выславъ послать за среднимъ сыномъ своимъ и, когда тотъ явился, спросилъ его:

— Ну что, любезный сынъ мой, не открыть ли виновнаго?

— Нѣтъ, любезныи батюшка, — отвѣчалъ средний сынъ: — сколько я ни употреблялъ хитростей и какъ зорко ни наблюдалъ изъ потаеннаго мѣста, однакоже никто не являлся, ни одной даже итички не приметало. И ужъ какъ изчезаютъ яблоки — не постигаю.

Князь еще сильнѣе нахмурилъ брови: ему очень было жаль своихъ любимыхъ яблокъ, которыя съ каждымъ днемъ убывали все болѣе и болѣе.

На третью ночь отправился стеречь яблоню меньшой сынъ, Иванъ. Жаль ему было отца своего, и вотъ онъ теперь придумывалъ, какъ бы удобнѣе и вѣрнѣе подкараулитъ дерзкаго нахала. Озабоченный подобными мыслями, Иванъ-царевичъ прилегъ невдалекѣ отъ яблони и сталъ внимательно въ нее всматриваться. Вдругъ, видѣть онъ, садъ освѣтился необыкновеннымъ свѣтомъ, и Жаръ-птица слетѣла на яблоню.

Царевичъ притаилъ дыханіе.

— Ахъ, такъ это ты похищашъ наши яблоки?—разсуждалъ онъ самъ съ собою.— Постой же, злодѣйка, я отучу тебя отъ воровства, не буденъ впередъ чужимъ добромъ распоряжаться!—И онъ тихо приподнялся съ травы, еще тише подошелъ къ дереву и въ одно мгновеніе схватилъ за хвостъ Жаръ-птицу; но она сильнымъ движениемъ вырвалась у него и быстро улетѣла. Въ рукахъ Ивана-царевича осталось только одно перо, которое разливало вокругъ такой яркій свѣтъ, что казалось; будто весь садъ былъ иллюминованъ.

На слѣдующее утро князь Выславъ Андроновичъ всталъ ранѣе обыкновенного и тотчасъ же приказалъ позвать къ себѣ меньшаго сына, Ивана.

— Ну что, любезный сынъ мой,—спросилъ онъ его, — не удалось ли хоть тебѣ открыть похитителя?

Меньшой сынъ отвѣчалъ ему:

— Дорогой, родимый батюшка, хотя я и открылъ похитительницу, но только досадую, что не могъ поймать ее...

— Какъ! — вскричалъ удивленный князь, — неужели женщина похищаетъ изъ моего сада яблоки?

— О нѣтъ, — возразилъ Иванъ-царе-

вичъ, — не женщина, а просто птица, да такая птица, что диво! Она своими перьями вдругъ, какъ будто молниею, освѣтила весь садъ. Тихо было подкрадся я, чтобы поймать ее, схватилъ даже за хвостъ, но она вырвалась у меня и улетѣла: Въ моей руцѣ осталось только одно перо.

Сказавъ это, Иванъ-царевичъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, вынулъ изъ кармана перо, вырванное изъ хвоста крылатой похитительницы, — и мгновенно вся комната освѣтилась необыкновеннымъ свѣтомъ.

Выславъ Андроновичъ былъ вѣдь себя отъ удивленія и не зналъ, какъ нахвалиться своимъ менышинымъ сыномъ. Онъ попрежнему сталъ пить, есть и сдѣлался весель. Но въ немъ явилось неодолимое желаніе овладѣть чудесною Жаръ-птицею. Обезпокоенный этою мыслю, онъ призвалъ всѣхъ сыновей своихъ и сказалъ имъ:

— Любезныя дѣти мои! вы уже давно достигли совершенного возраста и теперь вамъ необходимо на свѣтъ посмотреть и себя показать. Отправляйтесь же по чужимъ краямъ и пострайтесь прославить себя подвигами знаменитыми... Но больше всего вы обрадовали бы меня, если бы могли отыскать и принести ко мнѣ Жаръ-птицу.

Напередъ говорю: которому изъ васъ удастся доставить ее живою, тому тотчасъ же вручу половину моихъ владѣній, а по смерти моей— передамъ и другую.

Дѣти почтительно поклонились отцу своему и въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Дорогой, родимый батюшка! желаніе твое для нась свято, и мы употребимъ всѣ усилия, чтобы только сдѣлать тебѣ угодное.

Князь, слыша такія рѣчи отъ дѣтей своихъ, благодарилъ ихъ за усердіе и приказалъ имъ приготовиться къ отѣзду. Они тутъ же простились съ отцомъ своимъ и пустились странствовать по свѣту. Старшій поѣхалъ въ правую сторону, средній — въ лѣвую, а Иванъ-царевичъ поскакалъ прямо.

Вотъ ёдетъ онъ путемъ-дорогою; долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, — скоро сказка сказывается, да не скоро дѣлается. Въѣхалъ, наконецъ, на обширную поляну, видѣть—посрединѣ столбъ стонъ, а на столбѣ прибита надпись: „Ежели кто поѣдетъ прямо, тотъ будетъ голоденъ и холodenъ; кто поѣдетъ вправо, тотъ будетъ живъ и здоровъ, но зато конъ его падетъ; а кто поѣдетъ влѣво, тотъ самъ будетъ мертвъ, а конъ его живъ“.

Прочелъ надпись Иванъ-царевичъ и сильно призадумался. Всѣ три пути грозили ему несчастіемъ. Какъ тутъ быть? куда иѣхать? — разсуждалъ онъ и рѣшился пуститься вправо.

И вотъ єдетъ онъ день, єдетъ два, а, можетъ болѣе; вдругъ откуда ни взялся пребольной Сѣрый Волкъ, и не успѣть Иванъ-царевичъ обнажить меча своего, какъ конь его былъ растерзанъ на мелкія части. Тогда Волкъ проговорилъ человѣческимъ голосомъ:

— Охъ, ты, гой еси, добрый молодецъ! не повѣрилъ на столбѣ надписи, такъ пе-няй на себя, что погибъ твой конь!

Дѣлать нечего; — пошелъ пѣшкомъ Иванъ-царевичъ. Идетъ день онъ, идетъ дни, а, можетъ, болѣе; наконецъ, силы его ослабѣли, онъ присѣялъ на траву и сильно пригорюнился. Грустно взглянуль онъ теперь въ ту сторону, где Сѣрый Волкъ растерзалъ его коня, и тяжело вздохнулъ объ этомъ; но лишь только этотъ вздохъ вылетѣлъ изъ груди его, какъ онъ увидалъ передъ собой того самого Волка, который заѣлъ его коня. Волкъ сказалъ ему попрежнему человѣческимъ голосомъ:

— Жаль мнѣ тебя, Иванъ-царевичъ. Ты, вижу, не привыкъ ни пѣшкомъ ходить

ни изнурять себя; жаль мнѣ и доброго коня твоего, котораго я растерзаль на мелкія части, но такъ должно было случиться. А если я ужъ виноватъ передъ тобою, то садись на меня Сѣраго Волка; съ этого дnia я буду служить тебѣ вѣрою и правдою. Скажи только: куда и заѣхмъ Ѵдени?

Иванъ-царевичъ все подробно рассказалъ ему.

— Такъ вотъ, видишь ли, — отвѣчалъ Волкъ: — я хорошо сдѣталъ, что заѣхъ твоего коня, потому что на немъ ты хотя бы цѣлый вѣкъ проѣздишь по бѣлому свѣту, такъ не напечь бы того, что нужно. Я только одинъ знаю, где находится Жаръ-птица, и могу тебѣ помочь отыскать ее и взять съ собою. Садись же на меня, Иванъ-царевичъ, да смотри; держись крѣпче...

Обрадовался Иванъ-царевичъ такому слухаю, сѣлъ на Сѣраго Волка и схватился за него крѣпко-накрѣпко.

Сѣрый Волкъ помчалъ его съ быстрой стрѣлы и черезъ нѣсколько времени примчался къ каменной стѣнѣ. Ночь давно уже наступила. Тутъ Сѣрый Волкъ сказалъ своему сѣдоку:

— Ну, Иванъ-царевичъ, слѣзай съ меня, Сѣраго Волка, и полѣзай чрезъ эту каменную стѣну! Кстати же она не высока,

и ты легко можешь это исполнить. За этой стѣной ты увидишь садъ, а въ томъ саду сохраняется Жаръ-птица въ золотой клѣткѣ. Жаръ-птицу возьми но золотой клѣтки не тронь: будетъ худо.

Выслушавъ слова Сѣраго Волка Иванъ-царевичъ не сталъ долго думать: перелѣзъ черезъ каменную стѣну и очутился въ превосходномъ саду, въ которомъ, несмотря на то, что наступила ночь, было свѣтло какъ при полномъ солнечномъ сіяннѣ. Ему нетрудно было найти Жаръ-птицу, которая сидѣла въ богатой золотой клѣткѣ. Иванъ-царевичъ осторожно подошелъ къ ней, тихонько вынулъ Жаръ-птицу изъ клѣтки и понесъ съ нею обратно; но, подойдя къ стѣнѣ, онъ раздумался:

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ про себя,— Жаръ-птицу я досталъ, но въ чёмъ же nowezu такимъ дальнимъ путемъ?

И, позабывъ наставление Сѣраго Волка, который совѣтовалъ ему не дотрогиваться до клѣтки; онъ вернулся назадъ, посадилъ Жаръ-птицу въ клѣтку, заперъ ее и намѣревался уже взять съ собою, но только до нея дотронулся, какъ въ ту же минуту раздался необыкновенный звонъ, и произошла такая тревога, что не успѣть Иванъ-царевичъ добѣжать до стѣны, какъ уже былъ

сваченъ караульными и посаженъ подъ стражу. Тутъ онъ вспомнилъ совѣтъ Сѣраго Волка и горько раскаивался въ томъ, что не послушать его; но дѣлать уже было нечего.

Когда наступило утро, Ивана-царевича, подъ крѣпкой стражею, представили предъ самого владѣтеля той страны, котораго звали княземъ Долматомъ.

Князь Долматъ грозно взглянулъ на Ивана-царевича и съ гнѣвомъ сказалъ:

— Какъ смѣль ты похищать чужую собственность?

Иванъ-царевичъ отвѣчалъ:

— Храбрый и могущественный князь Долматъ! прости великодушию мою дерзость. Я рѣшился на такой поступокъ только потому, что эта Жаръ-птица летала по ночамъ въ садъ къ моему родителю и похищала у него золотыя яблоки. Родителю моему очень хотѣлось имѣть Жаръ-птицу, и, чтобы угодить ему, я вызвался привезти ее.

Князь Долматъ тогда спросилъ:

— А кто ты и кто твой родитель?

Иванъ-царевичъ отвѣчалъ:

— Я самъ — Иванъ-царевичъ, а родитель мой — князь Выславъ Андronовичъ — обладаетъ обширнымъ и могущественнымъ государствомъ.

— Какъ!—воскликнуль Долматъ,—ты, еще царевичъ, рѣнился на такое безчестное дѣло, которое неприлично дѣлать простолюдину? Еслибы ты честно пришелъ ко мнѣ и сказалъ бы: „князь Долматъ, отдай мнѣ Жаръ-птицу!“—то я охотно бы отдалъ своими руками, потому что я очень уважаю твоего родителя за его высокую мудрость; но, такъ и быть, я пощажу твою молодость и прощу тебя, но только съ тѣмъ условіемъ чтобы ты сослужилъ мнѣ службу. Слушай, я охотно отдамъ тебѣ Жаръ-птицу и съ честію отпушу къ твоему родителю, если ты достанешь мнѣ коня златогриваго, который принадлежитъ князю Афрону. Но смотри: если да не вернешься ко мнѣ съ этимъ конемъ, то я объявлю по всѣмъ государствамъ о твоемъ безчестномъ поступкѣ! Выбирай, что лучшее.

Иванъ-царевичъ обѣцалъ Долмату исполнить его желаніе, поклонился ему и покрунивъ голову попыть на то мѣсто, где оставилъ Сѣраго Волка.

Волкъ замѣтилъ печаль Ивана-царевича и спросить его:

— О чёмъ такъ закручинился, Иванъ-царевичъ?

— Ахъ, любезный Сѣрый Волкъ,—отвѣчалъ онъ,—какъ же мнѣ не кручиниться?

Князь Долматъ приказалъ мнѣ съѣздить за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ князю Афрону и требуетъ, чтобы я досталъ тамъ коня златогриваго и доставилъ къ нему; если же я этого не сдѣлаю, то онъ грозилъ разгласить о моемъ поступкѣ по всемъ государствамъ.

Сѣрий Волкъ сказалъ ему:

— Ахъ ты, гой еси, Иванъ-царевичъ! не послушался моего совѣта доброго, вотъ и накликалъ на себя бѣду неминучую.

— Виноватъ я предъ тобою, добрый Сѣрий Волкъ, — отвѣчалъ Иванъ-царевичъ печальнымъ голосомъ.—Что хочешь дѣлай со мной, но только выручи изъ бѣды, помоги моему горю.

— Ну, такъ и быть!—сказалъ Сѣрий Волкъ.—Что сдѣлано, того ужъ не воротишь. Обѣщалъ я тебѣ служить вѣрой и правдой—и свое слово исполню. Садись же на меня, Сѣраго Волка, и пойдемъ куда надобно.

Иванъ-царевичъ вскочилъ на Сѣраго Волка, и онъ помчалъ его такъ быстро, что и соколь на всемъ лету не могъ бы опередить его. Наконецъ, Сѣрий Волкъ прибѣжалъ въ государство, где жилъ князь Афронъ. Время было ночное, и они остановились у ограды, около которой были построены княжескія конюшни.

Иванъ-царевичъ слѣзъ съ Сѣраго Волка, а тотъ сказасть ему:

— Вотъ тѣ конюшни, гдѣ стонть конь златогривый; ступай, выведи его оттуда; возлѣ него ты увидишь блестящую узду, она виситъ на стѣнѣ, но ты не прельщайся ею и не бери ея, иначе тебѣ будетъ худо.

Поневѣтъ въ конюшню Иванъ-царевичъ; видить — крѣпко спята конюхи; отвязалъ онъ коня златогриваго и залюбовался на уздечку, которая осыпана была дорогими каменьями.

— Вотъ такъ уздечка! — разсуждалъ онъ: — только коню златогривому и щеголять въ ней.

И, позабывъ совѣтъ Сѣраго Волка, снялъ ее со стѣны; но лишь только она очутилась въ рукахъ его, какъ повсюду раздался необыкновенный звонъ; конюхи все до единаго вскочили на ноги и спросонья бросились въ конюшню какъ угроѣлые.

Иванъ-царевичъ былъ схваченъ и посаженъ подъ стражу. А на утро представили его къ князю Афрону, какъ похитителя.

Князь Афронъ гиѣвино взглянуль на Ивана-царевича и грознымъ голосомъ произнесъ:

— Какъ ты смѣешь похищать чужихъ коней? Изъ какого ты государства, кто твой отецъ и какъ зовутъ тебя?

— Я сынъ знаменитаго князя Выслава Андроновича, обладающаго обширнымъ и могущественнымъ государствомъ, а зовутъ меня Иванъ-царевичъ—отвѣчалъ онъ.

— Какъ!—вскричалъ князь Афронъ,— ты княжескаго рода, а бродишь по почамъ да похищаешь чужихъ коней!.. Ну, не стыдно ли поступать такъ безчестно и брать безъ позволѣнія то, что тебѣ не принадлежитъ? Я много наслышался о твоемъ родителѣ и охотно бы отдалъ тебѣ коня, если бы ты пришелъ ко мнѣ и попросилъ его честнымъ образомъ. Но такъ и быть: я прошу тебя за эту вину, но только съ условіемъ, чтобы ты привезъ ко мнѣ Елену Прекрасную—дочь князя Касима. Такъ поѣзжай же за ней за тридевять земель, въ тридесятное царство; но если же да ты не привезешь её ко мнѣ, то не пеняй тогда: объявлю по всѣмъ государствамъ о твоемъ безчестномъ поступкѣ. Слышишь ли, мой любезный?

— Слыши, — отвѣчалъ почтительно Иванъ-царевичъ и, поклонясь князю, обѣщалъ исполнить его желаніе.

Вышелъ изъ дворца Иванъ-царевичъ.

и, закручинившись еще болѣе прежняго, отправился на то мѣсто, гдѣ оставилъ Сѣраго Волка.

Волкъ, какъ увидалъ Ивана-царевича безъ коня да съ печальнымъ лицомъ, то ему стало очень жаль его, и онъ спросилъ съ участіемъ:

— О чёмъ такъ запечалился, Иванъ-царевичъ?

— Ахъ, любезный Сѣрый Волкъ,—отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ,—какъ же мнѣ не печалиться? Князь Афронъ возложилъ на меня такую службу, которую и не знаю какъ исправить, хотя я и обѣщалъ исполнить его желаніе... Видишь ли: онъ требуетъ, чтобы я привезъ къ нему Елену Прекрасную, дочь князя Касима.

— Да, это не такъ-то пріятно,—сказалъ Сѣрый Волкъ; но дѣлать нечего: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ... Вѣдь я тебѣ говорилъ, кажется, чтобы ты коня взялъ, а узды чтобъ не трогалъ?

— Виноватъ я предъ тобою,—отвѣчалъ Иванъ-царевичъ.

— То-то виноватъ! А кому все хлопоты, какъ не мнѣ? — сказалъ Сѣрый Волкъ.—Ну, ужъ такъ и быть! Садись на меня, на Сѣраго Волка, и пойдемъ за тридевять земель, въ тридесятое государство.

Иванъ-царевичъ поспѣшино вскочить Сѣрому Волку на спину, и тотъ помчать его съ быстротою птицы.

Долго хали они путемъ-дорогою и, наконецъ миновавъ тридевять земель, примчались въ тридесятое государство князя Касима.

Сѣрый Волкъ, ссадивъ Ивана-царевича на землю, сказасть ему:

— Вотъ видинь ли ты этотъ княжескій садъ, который весь обнесенъ золотою рѣнесткою? Въ этомъ саду каждый день прогуливается княжна Елена Прекрасная. Только ужъ я теперь самъ отправлюсь за нею, а ты ступай назадъ по той же дорогѣ, по которой мы сюда примчались, и дожидайся меня въ чистомъ полѣ, подъ зеленымъ дубомъ.

Пошелъ Иванъ-царевичъ, куда ему было вѣльно, а Сѣрый Волкъ перескочилъ въ садъ и спрятался подъ кустъ, притаивъ дыханіе. Скоро вышла Елена Прекрасная съ своими нянюшками, мамушками и съ сѣниными дѣвушками. Сѣрый волкъ только того и ждалъ. Улучивъ минуту, когда она отдалилась отъ своихъ провожатыхъ, Волкъ быстро подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее и, вскинувъ къ себѣ на спину, бросился вонъ изъ сада къ тому зеленому дубу, гдѣ съ нетерпѣнiemъ ожидалъ его Иванъ-царевичъ.

День клонился уже къ вечеру. Иванъ-царевичъ увидѣлъ еще издали, что Сѣрый Волкъ мчится по чистому полю да еще не одинъ, а съ прекрасною княжною Еленою.

— Ахъ, любезный Сѣрый Волкъ! — вскричалъ обрадованный Иванъ-царевичъ — какъ я обязанъ тебѣ за твои услуги!

— Погоди поблагодарить, Иванъ-царевичъ, — сказалъ Сѣрый Волкъ, — а теперь садись-ка на меня поскорѣй, и отправимся въ путь, пока не нагнали.

Иванъ-царевичъ усѣлся возлѣ прекрасной княжны, и Сѣрый Волкъ помчалъ его къ царству Афона.

Между тѣмъ Елена Прекрасная пришла мало-по-малу въ себя и, увидѣвъ Ивана-царевнча, покраснѣла отъ удовольствія. Иванъ-царевичъ поддерживалъ ее съ необыкновенною осторожностью и весь также пламенѣлъ, восхищаясь ея прелестями. Жаль ему стало разставаться съ ней, и онъ закручинился.

— Что такъ задумался, Иванъ-царевичъ? — спросилъ Сѣрый Волкъ, замѣтя печаль его.

— Охъ, добрый Сѣрый Волкъ! — отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, — ну, самъ разсуди, какъ же мнѣ, доброму молодцу, не печалиться? Полюбила я княжну Елену Прекрасную.

красную и долженъ теперь отдать ее князю Афрону. А безъ нея, чувствуя, мнѣ бѣлый свѣтъ не миль.

— Охъ ты гой, еси, Иванъ-царевичъ!— сказалъ тогда Сѣрый Волкъ,—неужели жъ ты думаешьъ, что я оставлю тебя въ кручинѣ и не помогу твоему горю? Не вѣшай только головушки! Не отдадимъ Афрону Елены Прекрасной, а коня златогриваго онъ отдастъ тебѣ изъ рукъ въ руки, да еще съ радостью.

— Какъ же это ты устроишь?—спросилъ его удивленный Иванъ-царевичъ.

— Ну, ужъ это мое дѣло,—отвѣчалъ ему Сѣрый Волкъ:—а ты только дѣлай то, что скажу тебѣ. Слушай же, Иванъ-царевичъ! Лишь только я перекувырнусь, то въ ту же минуту сдѣлаюсь точь-въ-точь какъ Елена Прекрасная; тогда ты веди меня по дворецъ къ князю Афрону. Онъ приметъ меня и такъ обрадуется этому, что отдастъ тебѣ коня златогриваго и съ уздою вдобавокъ. Получивъ коня, ты меня не жди, а уѣзжай съ Еленою Прекрасною; когда же случится тебѣ во мнѣ надобность, скажи только: „Гдѣ-то мой Сѣрый Волкъ?“—и я тотчасъ же явлюсь къ тебѣ.

Проговоривъ это, Сѣрый Волкъ перекувырнулся и въ одно мгновеніе превратился въ Елену прекрасную.

Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная едва удержались отъ смѣха. Взять онъ тогда Сѣраго Волка за руку и пошелъ съ нимъ во дворецъ къ Афрону. Князь очень обрадовался, увидавъ Елену Прекрасную, и чуть не прыгаль отъ удовольствія. Въ благодарность же подарилъ Ивану-царевичу и коня златогриваго и уздечку, осыпанную дорогими каменьями.

Вывелъ Иванъ-царевичъ коня златогриваго, подскакаль къ прекрасной княжнѣ и, усадивъ ее вмѣстѣ съ собою, помчался въ путь-дороженьку. Конь быстро примчалъ его къ царству Долмата. Вспомнилъ тутъ Иванъ-царевичъ о Сѣромъ Волкѣ и сказалъ:

— Ахъ! гдѣ-то теперь мой добрый Сѣрий Волкъ?

Но только-что проговорилъ онъ слова эти, какъ въ ту же минуту Волкъ явился передъ нимъ и сказалъ:

— Что, Иванъ-царевичъ, вѣрио жаль разстаться съ конемъ златогривымъ?

— Да, ты угадалъ, мой добрый Сѣрий Волкъ: полюбился мнѣ конь и жаль отдать его.

— Ну, не горюй же, Иванъ-царевичъ; сослужу тебѣ вѣрои-правдой. Не отдашь коня златогриваго, а Жаръ-итицу ты получишь съ честю да и съ клѣткою.

— Какъ же это ты устроишь?—спросилъ Иванъ-царевичъ.

— Ну, ужъ это мое дѣло,—отвѣчалъ ему Сѣрый Волкъ,—а ты только исполняй то, что скажу тебѣ. Слушай же, Иванъ-царевичъ! Лишь только я перекувырнусь, то въ ту же минуту сдѣлаюсь точь-въ-точь какъ конь златогривый; тогда ты веди меня къ Долмату.. Онъ возьметъ меня и такъ обрадуется этому, что отдастъ тебѣ Жаръ-птицу съ клѣткою.

Проговоривъ слова эти, Волкъ перекувырнулся и въ одно мгновеніе превратился въ коня златогриваго.

Иванъ-царевичъ повелъ его къ Долмату. Князь запрыгалъ отъ радости, какъ увидѣлъ коня златогриваго и тотчасъ же подарили Ивану-царевичу Жаръ-птицу вмѣстѣ съ клѣткою. Вышелъ отъ него Иванъ-царевичъ, сѣлъ съ прекрасною княжною на коня златогриваго и помчался въ государство, къ отцу своему. Долго щахъ онъ путемъ-дорогою, утомился; наконецъ, съ княжною прекрасною слѣзъ съ коня, прилегъ на мураву-траву и заснулъ богатырскимъ сномъ. Снить Иванъ-царевичъ крѣпко-накрѣпко и не слышитъ онъ, какъ подъѣхали къ нему его братья родимые. Диву дивились они, какъ взглянули на Елену Прекрасную, на

коња златогриваго и на клѣтку съ Жаръ-птицею, — позавидовали Ивану-царевичу и убили его, а сами, захвативъ все съ собою, поскакали на родину. Почуявъ добычу, хищный воронъ уже летать съ вороненкомъ своимъ надъ трупомъ. Вдругъ откуда ни взялся Сѣрий Волкъ и въ мгновеніе ока схватилъ ворона.

Старый воронъ громко закаркалъ:

— Отпусти меня, Сѣрий Волкъ!

— Пожалуй но съ условіемъ, чтобы вороненокъ твой слеталъ за тридевять земель и принесъ бы воды живой и мертвый.

Вороненокъ исполнилъ его приказаніе, Волкъ сиренулъ водою мертвое тѣло, и Иванъ-царевичъ ожилъ; снова сѣлъ на Сѣраго Волка и помчался вдогонку за братьями. Братья перенугались, какъ увидали Ивана-царевича, — стали кланяться ему и просить пощады. Взмиловался надъ ними Иванъ-царевичъ и простилъ ихъ. Скоро прибылъ онъ къ родителю своему Выславу Андроновичу и несказанно обрадовалъ его Жаръ-птицею да Еленою Прекрасною.

Пошелъ пиръ на весь міръ. Женился Иванъ-царевичъ на княжнѣ и зажилъ пріѣвающи.
